ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического института МВД России

№ 3 (89)

BULLETIN
of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2020

12+

УДК 34

В Е С Т Н И К

№ 3 (89) 2020 Уфимского юридического института МВД России

Научно-практический журнал Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора, заведующая кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Асянова Светлана Рифовна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Баишева Зиля Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаева Регина Миниярова – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Костенников Михаил Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Куракин Алексей Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Низаева Светлана Рамилевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сердюк Леонид Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Миниярovна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Хакимова Эльмира Робертовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Башкортостан. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLI-BRARY»

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Литературный редактор, техническая верстка Д. И. Шабазова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 28.09.2020.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 26,7. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 79. Цена свободная.

BULLETIN
№ 3 (89) 2020 of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Scientific and practical journal Published since June 1998 quarterly
Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in reasearch work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board

Aznagulova Guzel Mukhametovna – Doctor of Law, Associate Professor, the first Deputy Chief of the Institute of Law of the Bashkir State University, the Head of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Asyanova Svetlana Rifovna – Candidate of Pedagogics, lecturer of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, the Honoured Teacher of the Republic of Bashkortostan, professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, docent of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, professor of the Chair of the Foreign language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, the Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, the chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Grishko Alexander Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal and Penal Executive Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Chair of Operative-Detective Activity of Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergei Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign History of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor, the Corresponding Member of the Academy of Sciences, the Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogics, Professor, the Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ilyin Dmitriy Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, the Head of the Russian Philology Chair of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, the Honoured Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, the Deputy Chief of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaeva Regina Miniyarovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, the Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kostennikov Mikhail Valerievich – Doctor of Law, Professor, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kurakin Alexey Valentinovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor, the Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogics, Professor, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Management in the Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Chairman of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor, the Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Mulukaev Roland Sergeevich – Doctor of Law, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, the chief scientific worker of the Scientific Research Center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the President of the Russian Society of History and Law.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizaeva Svetlana Ramilevna – Candidate of Law, docent of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, professor of the Chair of the English language and Cross-Cultural Communication of the Bashkir State University.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, the Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Management of the Criminal Detection Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Serdyuk Leonid Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, the Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Civil Law and Procedure, professor of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor, the Excellent Worker of Education of Russia, the Dean of the Law Department of Sterlitamak branch of the Bashkir State University.

Khakimova Elmira Robertovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Yuliya Kharisovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in the Republic of Bashkortostan. The mass media registration certificate PM № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103,
the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors, layout D. I. Shabazova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 28.09.2020. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 26.7. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 79. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады 10

Теория и история государства и права. История учений о праве и государстве
Бихтемиров Т. Л. Законодательное регулирование силовых структур Российской Федерации в 1991–2014 гг.: исторический аспект 10
Бредихин А. Л. Идеологическая функция государства на уровне субъектов Российской Федерации 20
Каримов Р. Р., Хакимов С. Х. Организация и деятельность полицейских урядников Уфимской губернии в 70–90-е годы XIX века: историко-правовой аспект 25

Конституционное право. Конституционный судебный процесс. Муниципальное право
Бадретдинов И. Р. Общенародное голосование в контексте форм прямой (непосредственной) демократии в Российской Федерации 32
Ищук В. Г. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: правовая основа, полномочия и пути повышения эффективности деятельности 38

Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право
Бархатова Е. Н. Сущность, причины и условия легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем 44
Путинцева А. В. Развитие феномена «кибербуллинг»: анализ подходов к определению 51
Чефранов К. А. Уголовная ответственность медицинских работников за причинение смерти или вреда здоровью пациентов при оказании медицинской помощи: исторический аспект 57

Административное право. Административный процесс
Дизер О. А. Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства 63
Занина Т. М. Особенности рассмотрения дел об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1^1 «Побои», органами внутренних дел на железнодорожном транспорте 71

Уголовный процесс
Григорьев В. Н. О фактическом задержании подозреваемого 77
Гусак В. В. Место процессуального руководства расследованием преступлений в системе уголовно-процессуальных функций 81
Шарипова А. Р. Виды решений в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводствах: сравнительный анализ 89

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право
Рахимов Э. Х., Пономарева Е. В. Генезис понятия «единый недвижимый комплекс» в российском гражданском праве 94
Рудьман Д. С., Слышалов И. В. О государственной регистрации транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов 99

Криминалистика. Судебно-экпертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность

Григорян С. А. Обстановка совершения преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости как элемент криминалистической характеристики указанных деяний 104
Маилян А. В. Криминалистические аспекты изучения хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа 110
Просочкин А. М. Криминалистическая характеристика кражи, совершенной в составе группы 116
Салганский Н. Е. Правовое регулирование международного судебно-экспертного сотрудничества Российской Федерации в сфере криминалистического документоведения 122
Халиков А. Н. Перспективы развития криминалистической методики расследования . . . 127

Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность

Гостев А. Н., Демченко Т. С., Петрова О. В. Внешняя образовательная миграция: проблемы, практика межкультурной коммуникации 134
Цыренов Ж. В. Об объективности формирования статистической отчетности по обеспечению возмещения ущерба на досудебных стадиях уголовного судопроизводства 145

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика

Галиева Д. А., Науразбаева Л. В. История возникновения и распространения жестовых языков 152
Котова Г. В. Формирование системного мышления при изучении иностранного языка (из опыта преподавания) 158
Нафикова Л. Ф., Овчинникова Л. И. Самостоятельная и коллективная виды работ как результат сотрудничества преподавателя и курсанта на занятиях по иностранному языку 164
Шашкова В. Н. Специфика функционирования нормативных оценок в текстах нормативных правовых актов 171

Общая педагогика, история педагогики и образования. Теория и методика профессионального образования

Исаев А. А., Шамигулова О. А. Роль гуманитарного образования в формировании медиаграмотности 178
Исхаков Э. Р. Инновационные технологии обучения курсантов первого курса при изучении дисциплины «Первая помощь»: применение «метода проектов» 185
Мещерякова Е. И., Панферкина И. С. Развитие инновационной культуры курсантов как основа формирования готовности к противодействию киберпреступности 191
Тамбовцев Е. А. Особенности реализации личностно-центрированного подхода в образовательных организациях МВД России 199

Памятка 213

CONTENTS

Scientific articles and reports 10

Theory and History of State and Law. History of Law and State Teachings
Bikhtemirov T. L. Legislative regulation of the force structures of the Russian Federation in 1991–2014: historical aspect 10
Bredikhin A. L. Ideological function of the state at the level of constituent entities of the Russian Federation 20
Karimov R. R., Khakimov S. Kh. Organization and activities of police officers of Ufa province in the 70–90-ies of the XIX century: historical and legal aspect 25

Constitutional Law. Constitutional Trial. Municipal Law
Badretdinov I. R. Public voting in the context of forms of direct (immediate) democracy in Russian Federation 32
Ishchuk V. G. Commissioner for human rights in the Russian Federation: legal basis, powers and ways to improve performance 38

Criminal Law. Criminology. Penal Law
Barkhatova E. N. Essence, reasons and conditions of legalization (money laundering) of money or other property acquired by criminal way 44
Putintseva A. V. Development of the cyberbulling phenomenon: analysis of approaches to definition 51
Chefranov K. A. Criminal liability of medical personnel for causing harm or death to health of patients in providing medical care: historical aspect 57

Administrative Law. Administrative Procedure
Dizer O. A. Administrative and legal protection of public order and public safety in the formation of digital space 63
Zanina T. M. Pecularities of an administrative offense case-handling under article 6.1¹ «Beatings» by internal affairs bodies on railway transport 71

Criminal Procedure
Grigoryev V. N. About the actual detention of a suspected 77
Gusak V. V. The place of crime investigation management in the system of criminal procedure functions 81
Sharipova A. R. The types of decisions in criminal, arbitration, civil and administrative proceedings: a comparative analysis 89

Civil Law. Business Law. Family Law. International Private Law
Rahimov E. H., Ponomareva E. V. Genesis of the concept of «unified immovable complex» in the russian civil law 94
Rudman D. S., Slyshalov I. V. About state registration of vehicles that are jointly owned by spouses 99

Criminalistics. Forensic Activity. Operative Detective Activity

Grigoryan S. A. The situation of crimes committed in the sphere of shared housing construction and other real estate objects as an element of criminalistic characteristics of these acts 104
Mayilyan A. V. Forensic aspects of the study of theft committed using electronic means of payment 110
Prosochkin A. M. Forensic characteristics of theft committed as part of a group 116
Salgansky N. E. Legal regulation of international forensic expert cooperation of the Russian Federation in the field of forensic documentation 122
Khalikov A. N. Prospects for the development of forensic techniques of investigation 127

Judicial Activity. Prosecution Activity. Law Enforcement Activity

Gostev A. N., Demchenko T. S., Petrova O. V. External educational migration: problems, intercultural communication practices 134
Tsyrenov Z. V. On the objectivity of statistical reporting on providing compensation for damages at the pre-trial stage of criminal proceedings 145

General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics

Galieva D. A., Naurazbaeva L. V. The history of origin and evolution of sign languages . . . 152
Kotova G. V. Formation of system thinking in learning a foreign language (from teaching experience) 158
Nafikova L. F., Ovchinnikova L. I. Individual and group types of work as a result of cooperation between a teacher and a cadet at a foreign language lesson 164
Shashkova V. N. The specificities of functioning of normative evaluation in regulatory legal acts 171

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education. Theory and Methods of Vocational Education

Isaev A. A., Shamigulova O. A. The role of humanities education in the formation of media literacy 178
Iskhakov E. R. Innovative education technology for first year studying cadets in learning the subject «First aid»: using «project method» 185
Meshcheryakova E. I., Panferkina I. S. Development of innovative culture of cadets as a basis for forming readiness to counter cybercrime 191
Tambovtsev E. A. Features of the implementation of personal-centered approach in the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia 195

Instruction 213

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 351.74.07(470)''1991/2014''

Т. Л. БИХТЕМИРОВ, *независимый исследователь Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, кандидат исторических наук (г. Саранск)*

T. L. BIKHTEMIROV, *independent researcher of the Historical and sociological Institute of the national research University of Mordovia named after N. P. Ogarev, Candidate of Historical Sciences (Saransk)*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СИЛОВЫХ СТРУКТУР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1991–2014 ГГ.: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

LEGISLATIVE REGULATION OF THE FORCE STRUCTURES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 1991–2014: HISTORICAL ASPECT

Аннотация. *Статья посвящена анализу эволюции законодательства, регламентирующего деятельность силовых структур в Российской Федерации в 1991–2014 гг. Важнейшими тенденциями, определявшими характер правового регулирования силового блока, стали распад СССР, политическое противостояние властей, необходимость правового регулирования органов безопасности и вооруженных сил в условиях нарастания угроз. Изложенные факторы ключевым образом влияли на логику законотворческого процесса, а также периодизацию становления законодательства в рассматриваемой сфере в заявленных хронологических рамках. В статье кратко раскрывается содержание отдельных положений законов и указов Президента Российской Федерации в целях обеспечения полноценного сравнительного анализа изменений государственной политики в отношении силовых структур. Изменения характера правового регулирования свидетельствуют о целостном и системном подходе руководства страны к обеспечению ее безопасности и обороноспособности.*

Ключевые слова и словосочетания: *силовые структуры, силовой блок, правовое регулирование, исторический аспект, анализ законодатенльства.*

Annotation. *The article analyzes the evolution of legislation regulating the activities of the force structures in the Russian Federation in 1991–2014. The most important trends that determined the nature of legal regulation of the power bloc were the collapse of the USSR, the political opposition of the authorities, and the need for legal regulation of bodies security and armed forces in the face of increasing threats. These factors have a key influence on the logic of the legislative process, as well as the periodization of the formation of legislation in the field in question in the stated chronological framework. The article briefly reveals the content of certain provisions of laws and decrees of the President of the Russian Federation in order to provide a full comparative analysis of changes in state policy in relation to law the force structures. Changes in the nature of legal regulation indicate a holistic and systematic approach of the country's leadership to ensuring its security and defense capability.*

Keywords and phrases: *force structures, security service, legal regulation, parliamentary control, historical aspect, analysis of legislation.*

Распад Союза Советских социалистических Республик обусловил процессы системной дезинтеграции в социальной структуре, общественной и политической сферах, народном хозяйстве страны. Российская Федерация – правопреемник СССР приняла основной удар последствий Беловежских соглашений. Экономические обязательства бывшего Союза, нарастающие на тот момент межэтнические и межконфессиональные противоречия, утрата влияния в странах бывшего соцлагеря, разрушение идеологии, происходившие на фоне смены элит, оказали мощнейшее дестабилизирующее воздействие на ключевой фактор, обеспечивающий суверенитет и безопасность любого государства – силовой блок (силовые структуры).

К силовым структурам мы относим следующие министерства и ведомства: Вооруженные силы и другие воинские формирования Российской Федерации, органы внутренних дел Российской Федерации, органы Федеральной службы безопасности, Федеральные органы государственной охраны, таможенные органы Российской Федерации, Служба внешней разведки Российской Федерации, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Федеральная служба исполнения наказаний и Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Такая конфигурация ведомств актуальна для верхней границы данного исследования – 2014 г. [1]. Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия), несомненно, являющаяся силовой структурой, не включена в указанный перечень в связи с более поздним ее созданием.

Ключевым элементом, характеризующим политику государства в отношении той или иной сферы деятельности, является ее законодательное регулирование. Если в Советском Союзе для силовых структур правовые рамки на законодательном уровне не очерчивались, что ставило их в особые отношения с государством, то Российская Федерация, вставшая на путь обеспечения верховенства права, поставила перед собой задачу регламентировать деятельность силовиков исключительно на основе федерального законодательства.

Периодизацию такой регламентации на рассматриваемом нами этапе становления государства предпочтительно определить тремя временными отрезками: 1991–1993 гг., 1994–1999 гг. и 2000–2014 гг.

Первые законы уже были приняты в 1991–1993 гг. на волне кризиса государственности в условиях распада СССР еще при сохранении советских органов управления страной. Спецификой первого периода было, с одной стороны, последовательное укрепление Президентом РФ своих позиций (в том числе посредством создания подконтрольных силовых структур), с другой – острейшее политическое противостояние различных политических сил, например, власти и оппозиции, различных ветвей власти, порождавшее стремление законодательно заблокировать возможность применения государственных репрессивных механизмов против политических оппонентов.

Регулирование сил безопасности и правоохранительных органов на первом этапе становится ключевой тенденцией законотворчества. В 1991–1993 гг. были приняты законы «О милиции» (апрель 1991 г.), «О безопасности» (март 1992 г.), «О федеральных органах государственной безопасности» (июль 1992 г.), «О внешней разведке» (июль 1992 г.), «Об оперативно-розыскной деятель-

ности в Российской Федерации» (июль 1992 г.).

В законодательстве этих лет приоритетное внимание уделяется обеспечению прав граждан и недопустимости «правового произвола». В перечне задач Закона «О милиции» [2] на первое место выдвигается обеспечение безопасности личности (ст. 2). Приоритетные принципы: уважение прав и свобод человека и гражданина; законности, гуманизма, гласности (ст. 3). Очевидно, что идеология данного документа декларирует защиту личности от злоупотребления властью, а законодатель относится к милиции как к потенциально репрессивной силе.

На необходимость создания правовых основ обеспечения безопасности, а также контроля над деятельностью системы безопасности прямо указано в преамбуле Закона «О безопасности» [3]. В ст. 1 структурированы основные объекты безопасности: в первую очередь личность (ее права и свободы); во вторую – общество (его материальные и духовные ценности); затем государство (его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность). Согласно Закону разграничение полномочий органов власти в системе безопасности (ст. 10) происходит в пользу Верховного Совета РФ, что прямо указывает на «перекос» полномочий в пользу законодательной власти. Аналогичным образом были выстроены принципы деятельности внешней разведки [4]. Согласно Закону «О внешней разведке» разведывательная информация предоставлялась в соответствии со следующими приоритетами (ст. 14): Верховному Совету РФ, Президенту РФ и определяемым ими государственным органам, являясь отражением противоречий между ветвями власти. Равным образом контроль над службой предоставлялся парламенту (ст. 24) и Генеральному прокурору (ст. 25).

В Закон «О федеральных органах государственной безопасности» [5], как и в предыдущие нормативные правовые акты, были введены нормы, призванные защитить свободы личности (ст. 5), что, несомненно, контрастировало с ключевыми задачами бывшего Комитета государственной безопасности. Это в последующем послужит уроком как действующему, так и будущему главе государства. Б. Н. Ельцин начнет создавать верные себе воинские формирования в лице Госкомитета по чрезвычайным ситуациям. В. В. Путин максимально задействует полномочия президента для создания новых и реформирования действующих силовых ведомств, о чем речь пойдет ниже.

Одним из важнейших законов этого периода стал Закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт впервые в истории нашей страны детально и исчерпывающе раскрыл формы и методы деятельности оперативных подразделений силовых ведомств, о которых до появления закона обычный гражданин мог только догадываться. Нельзя обойти вниманием и Закон «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» [6] (сентябрь 1992 г.). Его актуальность была обусловлена ужесточением правового регулирования использования внутренних войск для подавления беспорядков.

Закон «Об обороне», регламентирующий сферу деятельности ключевого силового ведомства – Вооруженных сил Российской Федерации, представляется нам исключительно декларативным [7]. В нем развернуто регламентируется разделение полномочий между органами власти (раздел II), при этом структура и принципы деятельности не прописываются. Это может объяснять отсутствие у законодателей конкретного целеполагания и понимания специфики объекта правового регулирования.

Закон «О федеральных органах правительственной связи и информации» [8]

(февраль 1993 г.) предоставлял федеральным органам правительственной связи широкий круг полномочий, которые позволяли организации извлекать выгоду из своего статуса (ст. 11). Следует также отметить, что перечень прав органов правительственной связи является самой развернутой частью закона, доходя по алфавиту до пункта «ш». В то время как перечень обязанностей ограничивается пунктом «р».

Закон «О государственной границе Российской Федерации» [9] (апрель 1993 г.) охватывал значительное количество исполнителей, среди которых Министерство иностранных дел, Министерство безопасности, Министерство обороны, Министерство внутренних дел, министерства и ведомства, осуществляющие на Государственной границе таможенный, санитарно-карантинный, ветеринарный, фитосанитарный и иные виды контроля (ст. 28), при этом не прописывал порядок взаимодействия между ними.

Свидетельством обострения борьбы между ветвями власти стало принятие законов о государственной охране [10; 11]. Согласно им компетенции охранных ведомств разделялись по принципу функционирования объектов охраны. Федеральные органы государственной охраны формировались исходя из принципа разделения законодательной, исполнительной и судебной властей и функционировали независимо и самостоятельно. Следует отметить, что органы и службы, осуществляющие охрану властей и должностных лиц, в законах не назывались. Законом «О федеральных органах налоговой полиции» [12] (июнь 1993 г.) объект регулирования рассматривался как составная часть сил обеспечения экономической безопасности. Впервые в законодательном акте (ст. 15) прописывалась недопустимость вмешательства в деятельность сотрудника налоговой полиции.

Изменение политической ситуации в октябре 1993 года и стабилизация политической системы обусловили неудовлетворенность президентом частью законодательства, принятого Верховным Советом в предыдущие годы, что повлекло за собой пересмотр отдельных принятых им законов, касающихся силовых структур. Были заново разработаны и приняты законы «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995), «О внешней разведке» (1995), «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (1995), «О государственной охране» (1996), «Об обороне» (1996), «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» (1997) и др. Требуемые изменения были столь содержательны и многочисленны, что делало невозможным лишь частичное изменение и корректировку действующих нормативных правовых актов.

Законодательство этого периода ушло от декларативности начала 1990-х гг. и продемонстрировало стремление к детализации, более тщательной регламентации положения и полномочий объектов правового регулирования. В 1994–1996 гг. страна находилась в ситуации внутреннего военного конфликта, происходящего на территории Чеченской Республики, который актуализировал вопросы несовершенства законодательства начала 1990-х. События 1990-х гг., в том числе и разгул преступности в обществе, обусловили необходимость предоставления защиты государства тем, кто боролся с криминалом, терроризмом и другими формами посягательства на безопасность личности и общества. Был принят Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (апрель 1995 г.) [13]. Государственной защите подлежали лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, следственных органов, сотрудники органов безопасности, федеральных органов налоговой полиции, органов государственной охраны, работники таможенных органов (ст. 2).

Появление такого закона означало прекращение «шельмования» правоохранителей и позитивное изменение отношения к деятельности спецслужб.

В Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [14] при сохранении структуры документа был расширен перечень оперативно-разыскных мероприятий (ст. 6), оснований для их проведения (ст. 7), конкретизированы и дополнены условия их проведения (ст. 8). Список органов, имеющих право осуществлять оперативно-разыскную деятельность, пополнился таможенными органами (ст. 13). Закон 1995 года приобрел практическую направленность, ориентируясь не столько на соблюдение прав личности, сколько на задачи, решаемые субъектами оперативно-разыскной деятельности.

Еще более значимые изменения были внесены в Закон «Об обороне» [15], связанные с опытом ведения боевых действий в Чеченской Республике и особенностями внутриполитической обстановки в стране. Усиливая свои позиции, Президент РФ Б. Н. Ельцин инициировал процесс оформления законодательства [16; 17], регулирующего порядок действий граждан и органов власти в чрезвычайных ситуациях, которое стало правовой основой для работы МЧС России как силовой поддержки главы государства.

Во второй половине 1990-х гг. был принят пакет законов, регламентирующих основные аспекты военного положения, военной службы, статуса военнослужащих и т. д. Это законы «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [18]; «О воинской обязанности и военной службе» [19]; регламентирующий процедуры государственного страхования военнослужащих, лиц, призванных на военные сборы, сотрудников органов внутренних дел и др. [20]; «О статусе военнослужащих» (май 1998 г.) [21]. В 1999 году на законодательном уровне закрепили материальную ответственность военнослужащих [22].

Одним из последних ведомств, получивших законодательное регулирование, стало таможенное ведомство [23]. Данным документом практически завершился процесс оформления законодательства, регламентирующего деятельность силовых структур. Также во второй половине 1990-х гг. начал реализовываться принцип регламентации основных направлений деятельности силовых ведомств. Были приняты Концепция национальной безопасности РФ [24] и Закон «О борьбе с терроризмом» (1998) [25].

В целом правовое регулирование рассматриваемой нами сферы второй половины 1990-х гг. претерпело значительное развитие. Было принято более 70 федеральных законов, более 200 указов Президента РФ, около 500 постановлений Правительства РФ, а также других подзаконных актов. Несмотря на такую многочисленность документов, законодательная база в рассматриваемой нами сфере все еще имела фрагментарный характер.

С приходом нового главы государства в 1999 году характер законодательного регулирования силовых структур значительно изменился. Уменьшилось количество принимаемых новых законов, что не исключало внесения изменений в уже принятые законодательные акты. Среди многочисленных указов Президента РФ следует выделить документы концептуального характера: Концепцию (позднее – Стратегию) национальной безопасности, Военную доктрину, Доктрину информационной безопасности, Концепцию внешней политики, которые определяли стратегические позиции в сфере безопасности как внутренней, так и внешней.

По сравнению с документом 1997 года, Концепция национальной безопасности, принятая в 2000 г., иначе характеризует международную ситуацию и угрозы национальной безопасности России [26]. Акцентируются тенденции многополярности в международных отношениях.

Характер документа свидетельствует о том, что власти начали процесс осмысления угроз безопасности страны. На данном этапе угрозы безопасности страны связывались с кризисными проявлениями в экономической и политической сферах, в то время как состояние силовых структур, являясь производным этих сфер, не подвергалось специальному анализу.

В соответствии с Концепцией национальной безопасности в апреле 2000 года был принят другой документ стратегического характера – Военная доктрина РФ [27], также содержательно ущербная с точки зрения регламентации перспектив развития Вооруженных Сил. Но всё же оба документа свидетельствовали об осознании руководством страны необходимости правового статуса Вооруженных Сил в обеспечении внутренней безопасности.

Впоследствии президентом была утверждена Концепция внешней политики России (июнь 2000 г.) [28], подкрепляющая дипломатические меры, направленные на устранение угроз безопасности, возможностями использования ресурса силового блока. В 2008 году Концепция претерпела изменения по причине трансформации внешнеполитической конъюнктуры, обострения ситуации в Закавказье, расширения НАТО и строительства американской противоракетной обороны в Европе [29].

Корректировка Концепции внешней политики повлекла за собой изменения в других документах. В 2009 году была сформулирована Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная указом Президента РФ Д. А. Медведева [30]. Принятие документа было актуализировано изменением внутренних и внешних условий развития страны, обусловленных преодолением последствий системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века. В документе была сделана заявка на восстановление конкурентоспособности страны. При этом Россия позиционировала себя в качестве ключевого субъекта в многополярном мире. В отличие от концепций, в которых действия власти были направлены на устранение текущих угроз, Стратегия ориентировала развитие системы безопасности в будущее – до 2020 г. Аналогичный подход был реализован в новой Военной доктрине [31], Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности до 2020 года, Концепции внешней политики РФ до 2020 года, а также Морской доктриной до 2020 г.

В 2013 году Россия вновь скорректировала свою Концепцию внешней политики [32] под влиянием изменений международной обстановки. Последовательная ревизия названных выше документов отражает динамично меняющуюся международную ситуацию, которая заставляла руководство страны корректировать документы стратегического характера в соответствии с актуализацией новых проблем.

В начале XXI века российские парламентарии продолжили работу над совершенствованием законодательства, регулирующего силовые структуры. Одним из первых стал Закон «О Пограничной службе Российской Федерации» [33], который, в отличие от закона «О государственной границе» регулировал не объекты возможных противоправных посягательств, а деятельность ведомств, ориентированных на охрану границ.

Совершенствуется и структура органов безопасности. Законодательно расширяются полномочия ФСБ России [34; 35]. Например, в 2010 году на органы ФСБ была возложена обязанность по осуществлению мер предупредительного характера в отношении физических лиц [36]. Заметим, что идентичная функция (так называемая «профилактика») ранее реализовывалась сотрудниками КГБ СССР.

В 2001–2002 гг. были приняты два федеральных конституционных закона Российской Федерации: «О чрезвычайном положении» [37], «О военном положении» [38]. На наш взгляд, это стало свидетельством позитивных изменений, происходивших в отношениях общества и власти. Они отражали растущее доверие Президенту РФ, которому этими актами передавались чрезвычайные полномочия.

В 2002 году был принят Закон «О противодействии экстремистской деятельности» [39]. На наш взгляд, несмотря на то что отражает и прописывает основные формы противодействия экстремистской деятельности, он адресован прежде всего общественным организациям и средствам массовой информации и никак не регулирует действия силовых структур по противодействию экстремизму. В 2006 году был принят Закон «О противодействии терроризму» [40], благодаря которому впервые на законодательном уровне определены организационно-правовые основы участия Вооруженных Сил противодействии терроризму на территории страны.

В законодательстве 2000-х гг. прослеживается стремление властей к детализации форм социальной защиты сотрудников силовых структур. Бюджетная политика государства была направлена на ликвидацию льгот и их замену денежными компенсациями. Что в итоге имело противоречивые последствия. Особенно в связи с принятием Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 49-ФЗ, который отменил пенсионную надбавку военнослужащим, прослужившим более 20 лет, а также ряд льгот и компенсаций [41; 42]. Федеральным законом от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ окончательно отменены основные социальные льготы для сотрудников силовых структур, а часть льгот переведена в денежную форму [43]. Термин «льгота» был заменен терминами «социальные гарантии» или «компенсации». Однако компенсационные меры вводились не одновременно с ограничением льгот, а поэтапно. Несмотря на то что теоретически перевод реальных льгот в денежную форму является целесообразным, позволяя усилить контроль за расходованием финансовых средств, новая система компенсационных выплат не обеспечивала военнослужащим тех материальных благ, которые они имели ранее. По факту закон ухудшил положение военнослужащих. Следствием этого стали массовые судебные иски против Минобороны России, органов безопасности и правопорядка, а также обращения российских военнослужащих в Европейский суд по правам человека, что, несомненно, подорвало международный престиж страны.

Сложившаяся в 2002–2004 гг. система социальной защиты военнослужащих вызвала в 2004–2008 гг. серьезные нарекания, следствием чего явились новые шаги по улучшению ситуации, в том числе принимаемые не законодательно, а посредством указов Президента РФ [44]. В этой связи в 2008 году была принята Стратегия социального развития Вооруженных Сил РФ до 2020 года [45], а Законом «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» устанавливалась новая система финансового и социального обеспечения военных [46].

Таким образом, в начале 1990-х гг. были заложены основы законодательного регулирования силовых структур. В силу того, что это происходило в условиях реформирования государственности и критического отношения к советскому наследию, законодательное регулирование определялось следующими особенностями: сомнениями властей по поводу необходимости спецслужб государству, переходящими в «ликвидаторские настроения»; стремлениями не регламентировать деятельность силовых структур, а ограничить; отказом от системного подхода в отношении органов безопасности в

пользу принципа разделения полномочий (от системы безопасности к силам безопасности); декларативностью правовых норм; отсутствием единых политических и правовых принципов в законодательном регулировании силовых структур; использованием спецслужб в политическом противостоянии Верховного Совета РФ и Президента РФ. Эти тенденции отражали особенности переходного периода, переживаемого страной, с характерной для него политической борьбой и политической конъюнктурой.

В законах второй половины 1990-х гг., регулирующих деятельность силовых структур, очевидна эволюция от стремления ограничить возможности правоохранительных органов и специальных служб к пониманию общественной значимости и необходимости полноценной работы силовиков. Это было обусловлено обострившейся обстановкой на Северном Кавказе и угрозами международного терроризма. Под влиянием этих факторов законодательство стремительно избавлялось от политической декларативности, обеспечивая правовое поле для эффективного противостояния угрозам безопасности страны.

В правовом регулировании силовых структур 2000-х гг. большая часть принятых законодательных актов имела социально-экономическую подоплеку и была направлена на регулирование социального положения военнослужащих и членов их семей. Наблюдался и значительный крен в сферу реализации полномочий Президента РФ. Они были направлены на создание документов стратегического характера, концептуализирующих политику Российской Федерации в сфере безопасности и военной сфере.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Бихтемиров Т. Л. Силовые структуры в РФ в 1990–2000-е гг.: состав и критерии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (40). С. 27–29.

2. О милиции: закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

3. О безопасности: закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

4. О внешней разведке: закон РФ от 8 июля 1992 г. № 3245-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 32. Ст. 1869.

5. О федеральных органах государственной безопасности: закон РФ от 8 июля 1992 г. № 3246/1-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 32. Ст. 1871.

6. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации: закон РФ от 24 сентября 1992 г. № 3534-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2334.

7. Об обороне: закон РФ от 24 сентября 1992 г. № 3531-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2331.

8. О федеральных органах правительственной связи и информации: закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4524-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 12. Ст. 423.

9. О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

10. О государственной охране высших органов государственной власти Российской Федерации и их должностных лиц: закон РФ от 28 апреля 1993 г. № 4884-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 21. Ст. 745.

11. О государственной охране высших представительных органов государственной власти Российской Федерации: закон РФ от 28 апреля 1993 г. № 4886-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 27. Ст. 1010.

12. О федеральных органах налоговой полиции: закон РФ от 24 июня 1993 г. № 5238-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 29. Ст. 1114.

13. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

14. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

15. Об обороне: федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

16. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

17. Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей: федеральный закон от 22 августа 1995 г. № 151-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 35. Ст. 3503.

18. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.

19. О воинской обязанности и военной службе: федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

20. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1474.

21. О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

22. О материальной ответственности военнослужащих: федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3682.

23. О службе в таможенных органах Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.

24. Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 // Российская газета. 1997. 25 декабря.

25. О борьбе с терроризмом: федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3808.

26. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 170.

27. Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 17. Ст. 1852.

28. Концепция внешней политики Российской Федерации // Российская газета. 2000. 11 июля.

29. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 12.07.2008 № Пр.-1440). URL: http: www.kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 13.09.2013).

30. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. №537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

31. О Военной доктрине Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 7. Ст. 724.

32. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г.). URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/info/c32577ca0017434944257b160051bf7f (дата обращения: 03.07.2014).

33. О Пограничной службе Российской Федерации: федеральный закон от 4 мая 2000 г. № 55-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 19. Ст. 2021.

34. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации, предоставлении отдельных гарантий сотрудникам органов внутренних дел, органов по

контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и упраздняемых федеральных органов налоговой полиции в связи с осуществлением мер по совершенствованию государственного управления: федеральный закон от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27 (ч. I). Ст. 2700.

35. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3452.

36. О внесении изменения в статью 13.1 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»: федеральный закон от 16 октября 2010 г. № 275-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 42. Ст. 5297.

37. О чрезвычайном положении: федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

38. О военном положении: федеральный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

39. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

40. О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

41. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам денежного довольствия военнослужащих и предоставления им отдельных льгот: федеральный закон от 7 мая 2002 г. № 49-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 19. Ст. 1794.

42. О денежном довольствии сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, других выплатах этим сотрудникам и условиях перевода отдельных категорий сотрудников федеральных органов налоговой полиции таможенных органов Российской Федерации на иные условия службы (работы): федеральный закон от 30 июня 2002 г. № 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 27. Ст. 2620.

43. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)»: федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

44. Вопросы денежного довольствия военнослужащих: указ Президента РФ от 30 сентября 2004 г. № 1258 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 41. Ст. 4017.

45. О создании комиссии Министерства обороны Российской Федерации по реализации Стратегии социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации: приказ Министра обороны РФ от 28 марта 2008 г. № 241 // Военный железнодорожник. 2008. № 19.

46. О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат: федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 45. Ст. 6336.

© Бихтемиров Т. Л.

УДК 321.01(470-43)

А. Л. БРЕДИХИН, *старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург)*

A. L. BREDIKHIN, *Senior Instructor of the Chair of History of State and Law of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (St. Petersburg)*

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

IDEOLOGICAL FUNCTION OF THE STATE AT THE LEVEL OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается идеологическая функция государства применительно к субъектам Российской Федерации. Автор выражает мнение, что субъектам Российской Федерации, наделенным некоторой степенью государственности, присущи и выполнение функций государства, в том числе идеологической функции. Основываясь на этом, рассматриваются особенности осуществления идеологической функции на уровне регионов Российской Федерации и выделяются основные идеологические установки, которые определяют идеологическую деятельность на уровне субъектов Российской Федерации. Отдельно обращается внимание на стратегическое планирование как способ реализации идеологической функции субъектов Российской Федерации.*

Ключевые слова и словосочетания: *функции государства, идеологическая функция государства, субъекты Российской Федерации, идеологические установки, федеративное устройство, суверенитет.*

Annotation. *This article discusses the ideological function of the state in relation to the subjects of the Russian Federation. The author expresses the opinion that the subjects of the Russian Federation endowed with a certain degree of statehood are also characterized by the fulfillment of the functions of the state, including the ideological function. Based on this, the features of the implementation of the ideological function at the level of the regions of the Russian Federation are examined and the main ideological principles that determine ideological activity at the level of the constituent entities of the Russian Federation are highlighted. Special attention is paid to strategic planning as a way to implement the ideological function of the constituent entities of the Russian Federation.*

Keywords and phrases: *state functions, ideological function of the state, subjects of the Russian Federation, ideological attitudes, federal structure, sovereignty.*

Федеративное устройство предполагает наделение некоторой степенью государственности субъектов федерации, но при этом суверенитетом они не обладают, а передают его федерации. Система российского федерализма обладает своей спецификой, однако и в ней субъекты федерации представлены в форме государственных образований, передавших государственный суверенитет на уровень Российской Федерации.

В Конституции РФ субъекты федерации не определяются в качестве государств. Вместе с тем вывод о наделении их государственностью может быть сделан из множества конституционных

статей. Например, ч. 2 ст. 11 Конституции РФ указывает, что «государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти» [1]. Статья 66 Конституции РФ определяет, что статус субъектов федерации определяется принимаемыми ими конституциями (для республик) и уставами для иных видов регионов. То есть в формальном плане субъекты Российской Федерации имеют все признаки государства, за исключением наличия у органов региональной власти признака верховенства на их территории.

Таким образом, исключая суверенность, мы все-таки можем рассматривать общепринятые атрибуты и признаки государственности у субъектов федерации. Так, у каждого субъекта федерации есть территория и границы, население и государственная власть, которая также разделяется на законодательную (региональные законодательные собрания), исполнительную (в лице высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации и администрации) и судебную (мировые суду, конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации . Исходя из этого, субъекты Российской Федерации также осуществляют функции государства.

Функции государства – это основные направления деятельности государства, обусловленные его сущностью и содержанием, а также стоящими перед ним на том или ином этапе его развития целями, задачами и его социальным назначением [2, с. 327]. Это определение поддерживается многими учеными и может считаться универсальным и устоявшимся.

В процессе реализации функций государства властью субъектов Российской Федерации специфические черты обретает и идеологическая функция государства, выступающая в данном случае как функция «несуверенного» государственного образования. Под идеологией обычно понимают «совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, интересов общественных групп, отражающая так или иначе те социальные условия, в которых они находятся» [3, с. 26]. Следовательно, государственная идеология – это те идеалы и ценности, которых придерживается государство в осуществлении своих задач, модель общественного и государственного устройства, достижение которой является целью государственной власти.

А. И. Клименко указывает, что «посредством своей идеологической функции государство определяет формирование правового и политического сознания граждан, что способствует укреплению общественной системы ценностей, достижению социально полезных целей» [4, с. 56]. А. Н. Буховец выделяет два аспекта в рамках идеологической деятельности государства. Во-первых, государство формирует и поддерживает определенную идеологию, а во-вторых, использует другие формы идейного воздействия, которые реализуются в науке, образовании и культуре [5, с. 15–16]. Эти положения, бесспорно, справедливы для федерации как государства, обладающего суверенитетом, но для субъекта федерации реализация идеологической функции имеет ограниченные рамки и формы проявления.

Основными задачами реализации идеологической функции государства выступают легитимация государственной власти и мобилизация населения для достижения каких-либо общегосударственных (общенародных) целей. Особую актуальность это приобретает в настоящее время в условиях реализации так называемых национальных проектов, выработанных на уровне высших органов власти Российской Федерации.

На уровне субъекта Российской Федерации эти задачи также весьма актуальны, но, исходя из современной политико-правовой регламентации процесса формирования высших органов государственной власти субъекта Рос-

сийской Федерации, такая легитимация в значительной степени связана с легитимностью федеральной власти, т. к. региональные органы власти фактически встроены в единую вертикаль власти.

При федеративном государственном устройстве, когда система государственного управления юридически децентрализована, идеологическая функция является дополнительным фактором установления единства всей системы государственной власти, а также муниципальных органов. Определенные особенности реализации идеологической функции на уровне субъектов Российской Федерации связаны с разновидностями регионов: республики, края, области, города федерального значения и автономные округа.

Все субъекты Российской Федерации равноправны, но имеют все же разные основания своей государственности и нахождения в составе Российской Федерации. Следовательно, субъекты Российской Федерации, образованные по территориальному признаку (области, края, города федерального значения), не имеют собственной государственной идеологии, так как у них отсутствуют историко-политические предпосылки для самостоятельности. Эти субъекты не имеют особых национально-культурных характеристик и опыта самостоятельности вне России. Таким образом, государственной идеологии в традиционном ее понимании у таких субъектов не имеется, а «квазидеологию» составляют главным образом социально-экономические ориентиры развития этого региона.

Идеология (как система идеологических установок) субъектов Российской Федерации основывается на следующих элементах:

1. Конституционный строй Российской Федерации и основные конституционные принципы общественно-политической жизни: защита прав и свобод человека, свобода предпринимательства, федерализм и т. п. То есть вся система органов власти, их деятельность, а также система законодательства подчиняются конституционному порядку, установленному Конституцией РФ. Так, например, в ст. 6 Конституции Республики Адыгея от 10.03.1995 установлено, что Конституция РФ, федеральные законы имеют верховенство и прямое действие на территории Республики Адыгея [6]. Кроме того, структура Конституции Республики Адыгея и ее основное содержание фактически повторяют положения Конституции РФ, но с указанием на их действие в границах этой республики.

Таким образом, Конституция РФ выступает не только как высший нормативный акт, но и как образец и концепция организации власти на уровне российских регионов.

2. Региональный патриотизм, т. е. чувство любви и уважения к своему региону, идентификация жителей с этим регионом. В этой связи идеологическая деятельность органов власти субъектов Российской Федерации заключается в просвещении населения относительно истории региона, героическом прошлом предков и иных фактах, вызывающих чувство гордости, а также дух соревновательности с другими субъектами Российской Федерации. Возможно также апеллирование к уникальности места расположения региона: Сибирь, районы Крайнего севера, Кавказ, Дальний Восток и т. д.

Показательным в этом смысле является издание по инициативе региональных властей Кемеровской области Указа Президента РФ от 27.03.2019 № 130 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации», где в ч. 1 ст. 65 Конституции РФ вносится новое наименование субъекта Российской Федерации – «Кемеровская область – Кузбасс» вместо наименования «Кемеровская область» [7]. Здесь явно подчеркивается историческая принадлежность к так называемому «Кузнецко-

му угольному бассейну», ставшему экономической основой для происхождения и существования региона.

3. Национально-культурные, религиозные и ментальные особенности местного общества. В данном случае речь идет преимущественно о республиках в составе Российской Федерации. Их население представлено титульной нацией, которая имеет национальные и духовные черты, отличные от культуры государствообразующего народа России.

Идеологическая работа в данных субъектах имеет 3 основных направления:

а) декларирование и развитие национально-культурной идентификации населения;

б) идеологическое и историко-правовое обоснование существования республики или иного национального региона в составе Российской Федерации;

в) патриотизм в аспекте сопричастности титульной нации национального региона к истории Российской Федерации как единого государства.

Если обратиться к содержанию конституционных актов национальных субъектов Российской Федерации, то в них прослеживаются национально-культурные черты и особенности данного региона. Например, ст. 3 Конституции Республики Ингушетия от 27.02.1994 [8] гласит: «Обеспечение каждому человеку достойной жизни, гражданского мира и согласия в обществе, сохранение и защита исторического и культурного наследия народов, их национальной самобытности – высшая цель государства». Большого внимания заслуживает ст. 11 Конституции Республики Ингушетия, где сказано: «Возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия – важнейшая задача государства» [8]. Эта статья отражает давний территориальный спор между Чеченской Республикой и Ингушетией в связи с включением в состав Чечни исторически сложившейся территории Республики Ингушетия. Наличие такой статьи в конституции говорит об особой принципиальности этого вопроса для населения Ингушетии, напрямую затрагивающего чувство национальной гордости ингушского народа.

В автономных округах титульная нация, как правило, составляет меньшинство населения региона, не претендует на свою национальную суверенность. Вместе с тем обеспечение интересов коренного народа, проживающего на территории автономных округов, является центральной идеей их государственного строя. Например, устав Ненецкого автономного округа в ст. 14 устанавливает, что органы государственной власти округа признают и гарантируют права ненецкого народа на сохранение и развитие уклада жизни, культуры, языка, защиту исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, федеральным и окружным законодательством, создают для этого экономические и правовые условия, осуществляют политику протекционизма [9].

Общая логика сводится к тому, что органы государственной власти выступают здесь лишь в качестве административной структуры, осуществляющей управление территорией в интересах коренных народов, у которых исторически отсутствовали традиции государственности как таковой.

4. Документы стратегического планирования. Ввиду того, что современное государство ориентируется в значительной степени на социально-экономическое развитие, общегосударственные цели и ориентиры приобретают статус идеологических установок.

Статья 3 Федерального закона РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ [10] указывает, что «стратеги-

ческое планирование – это деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». То есть субъекты Российской Федерации входят в общегосударственную систему стратегического планирования Российской Федерации.

Названный закон указывает также на обязанность субъектов Российской Федерации разрабатывать собственные документы стратегического планирования, главным образом стратегию социально-экономического развития данного региона. Реализация стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации осуществляется путем разработки плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Положения стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации детализируются в государственных программах субъекта Российской Федерации с учетом необходимости ресурсного обеспечения, в том числе определенного в соответствии с бюджетным прогнозом Российской Федерации на долгосрочный период и бюджетным прогнозом субъекта Российской Федерации на долгосрочный период.

Таким образом, идеологическая функция осуществляется и на уровне субъектов Российской Федерации, но формы ее проявления и реализации имеют специфику по сравнению с суверенным государством – Российской Федерацией.

Исходя из принципа федерализма, идеологическая функция государственных образований в составе Российской Федерации имеет подчиненное положение к идеологической функции Российской Федерации. То есть идеологическая деятельность на уровне субъектов федерации не может противоречить Конституции РФ и общегосударственным принципам реализации идеологической функции Российской Федерации.

Рамки реализации идеологической функции субъекта Российской Федерации определяются федеральным законодательством и зависят от национально-культурной специфики региона. В настоящее время особую актуальность в части осуществления идеологической деятельности субъектов Российской Федерации приобретает стратегическое планирование, определенное в принимаемых документах стратегического планирования как на уровне Российской Федерации, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2006. 640 с.

3. Козырев М. С. Идеология и ее роль в российском государственном управлении: монография. М.: НУ ОАОУ, 2013. 96 с.

4. Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 200 с.

5. Буховец А. Н. Идеологическая функция государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 20 с.

6. Конституции Республики Адыгея от 10.03.1995 // СПС «КонсультантПлюс».

7. О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации: указ Президента РФ от 27.03.2019 № 130 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Конституции Республики Ингушетия от 27.02.1994 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Устав Ненецкого автономного округа от 11.09.1995 // СПС «КонсультантПлюс».

10. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

© Бредихин А. Л.

УДК 351.745(470.57)''1870/1899''

Р. Р. КАРИМОВ, *начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)*

R. R. KARIMOV, *Head of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)*

С. Х. ХАКИМОВ, *доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа)*

S. KH. KHAKIMOV, *Assistant Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Ufa)*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 70–90-Е ГОДЫ XIX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF POLICE OFFICERS OF UFA PROVINCE IN THE 70–90-IES OF THE XIX CENTURY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Аннотация. *В статье на основе анализа нормативных правовых актов, извлеченных из Полного собрания законов Российской империи, ведомственных инструкций рассматриваются организационно-правовые особенности формирования института полицейских урядников в Уфимской губернии в 1870–1890-е годы. Анализируется их правовое положение, качественный и количественный состав. На основе привлечения архивных источников, некоторые из кото-*

рых впервые вводятся в оборот, уточняются вопросы профессиональной подготовки урядников в регионе.

Ключевые слова и словосочетания: *полицейский урядник, Уфимская губерния, уездный исправник, циркуляр, инструкция.*

Annotation. *The article is based on the analysis of regulatory legal acts from the Complete Collection of Laws of the Russian Empire and departmental instructions. The authors analyze organizational and legal peculiarities of forming the institute of police uryadniks in Ufa province in 1870-1890s, their legal position, qualitative and quantitative composition. On the basis of archival sources, some of which have been studied for the first time, issues of professional training of uryadniks in the region are specified.*

Keywords and phrases: *police uryadnik, Ufa province, district commandant, circular, instruction.*

На современном этапе сохраняется повышенный интерес к проблеме истории отечественных органов внутренних дел, в том числе к институтам региональной полиции [1–3]. К их числу следует отнести и организационно-правовые особенности формирования службы полицейских урядников в подразделениях уездной полиции [4; 5]. Целью настоящей статьи является комплексное рассмотрение предпосылок создания и этапов организационно-правового оформления службы полицейских урядников в уездах Уфимской губернии пореформенного периода.

В пореформенный период в России наблюдался неуклонный рост преступности, связанный как с обнищанием населения, так и с усилением революционного движения. По данным дореволюционной статистики, общее число осужденных возросло всего лишь за 1860–1863 гг. почти на 1/3 (с 79,0 до 104,0 тыс. чел.), причем особенно интенсивно – почти на 40 % – увеличились государственные преступления [6, с. 18]. Рассматривая структуру преступлений в России за 1874–1890 гг., С. С. Остроумов отмечает, что имущественные преступления, главным образом кражи, составили примерно 2/3 всех уголовных нарушений [6, с. 33]. Такая же картина наблюдалась и на периферии. Так, в Уфимской губернии за 1874–1890 гг. количество преступлений возросло в 1,9 раза – с 2 173 до 4 234 [7, л. 58]. В 1890 г. было осуждено 1 176 мужчин и 75 женщин против здоровья и чести частных лиц, против порядка управления 250 мужчин и 7 женщин (20 %), по службе государственной и общественной 103 мужчины (8 %) и т. д. [8, с. 94]. Подавляющее их число совершалось в сельской местности.

Одной из первых мер для укрепления органов сельской полиции явилось создание института полицейских урядников. В своем представлении по этому поводу министр внутренних дел предлагал учредить должности урядников в сельских местностях 46 губерний, управляемых по Общему положению, и 2 000 человек конно-полицейской стражи в крупных городах. Полицейские урядники предназначались в помощь становым приставам «для исполнения полицейских обязанностей, а также для надзора за действиями сотских и десятских на местах»; конно-полицейская стража – чтобы «при каких-либо экстренных обстоятельствах в одном пункте можно было бы сосредоточить с должной быстротой достаточное количество вооруженной силы, проникнутой духом дисциплины» [9, с. 67].

Представление министра внутренних дел обсуждалось в Комитете министров в конце мая – начале июня и было целиком одобрено. 9 июня 1878 г. Высочайше утвержденный проект Временного Положения о полицейских урядниках в 46 губерниях по общему учреждению управляемых был утвержден императором [10, с. 398–400]. В ст. 4 проекта отмечалось, что «урядники определяются в должности уездным исправником из лиц,

оказавшихся по сделанному исправником испытанию наиболее годными к полицейской службе» [10, с. 399]. Его вооружение состояло из шашки драгунского образца, отпускаемой Военным министерством из суммы, вносимой в смету МВД. Кроме того, урядникам предоставляется сверх казенного вооружения иметь и собственное огнестрельное вооружение.

Следующим шагом на пути реализации вышеприведенного нормативного акта явилось утверждение 19 июля 1878 г. «Инструкции полицейским урядникам», которая была подписана министром внутренних дел А. Е. Тимашевым и отпечатана в типографии МВД [11]. В ней более подробно были сформулированы их правовой статус и место в общей структуре сельской полиции. Инструкция состояла из 42 параграфов и 4 приложений, в которых регламентировались общие обязанности урядников, описывались обязанности полицейских урядников по охране личной и имущественной безопасности, тишины, порядка и спокойствия, а также были включены статьи об обязанностях урядников по борьбе с преступностью.

Перечень обязанностей урядников начинался с обеспечения общественного порядка близ церквей во время богослужения и крестного хода. Следующая обязанность возлагалась на урядников по недопущению антиправительственных действий в виде кривотолков, а равно действий, направленных против законных властей и общественного порядка, подрывающих нравственность и права собственности. Так, согласно п. 5 Инструкции урядникам вменялось в обязанность не допускать:

а) распространения среди народа на фабриках, заводах, в питейных заведениях и т. п. злонамеренных суждений и слухов;

б) распространения посредством рассылки, раздачи, разбрасывания или иным способом листовок, книг, картин и т. п. преступного содержания;

в) схода общин и собраний, действий против тишины и спокойствия;

г) буйства и беспорядка в публичных собраниях и местах.

Они также выявляли ношение запрещенного оружия; контролировали соблюдение мер предосторожности при складировании и перевозке тяжеловесных грузов, правил продажи спиртных напитков в питейных заведениях, на ярмарках и в других определенных Инструкцией случаях. Урядники докладывали становому приставу, судебному следователю и товарищу прокурору окружного суда о чрезвычайных происшествиях и преступлениях и до прибытия кого-либо из вышеперечисленных лиц приступали к проведению дознания. Дознание проводилось урядником по делам, выявленным лично, либо по заявлениям или сообщениям граждан, причем дела о преступлениях запрещалось оканчивать примирением сторон. Урядники были обязаны при открытом сопротивлении распоряжениям полиции и законным представителям власти докладывать становому приставу для принятия установленных законом мер и по возможности через сотских и десятских задерживать буйствующих, а также им обязаны в этом помогать волостные старшины и сельские старосты. Урядники обязывались в качестве профилактико-предупредительных мер регулярно обходить или объезжать вверенный им участок территории уезда, посещать общественные места и промышленные предприятия, осматривать глухие места, притоны. Полицейские урядники обязаны были проживать на своем административном участке и без ведома непосредственного начальника не отлучаться с обслуживаемого участка [12, с. 175]. Вот далеко неполный перечень обязанностей новых служителей порядка.

Положение о полицейских урядниках вводилось в Уфимской губернии с 15 сентября 1878 г., по штату здесь полагалось 110 урядников [13, л. 29].

В Уфимский, Мензелинский и Стерлитамакский уезды было назначено по 18 урядников, Белебеевский – 20, Бирский – 21, Златоустовский – 15 урядников [13, л. 278].

Практическая реализация нормативного акта на начальном этапе в Уфимской губернии осуществлялась под общим руководством губернатора В. Д. Левшина, который занимал данную должность с 1876 по 1880 год [14, с. 115–119]. 3 июня 1884 г. в губернии уже проходили службу 119 человек: в Уфимском и Стерлитамакском уездах числилось по 20 урядников, Бирском – 23, Белебеевском – 22, Мензелинском – 18, Златоустовском – 16 урядников [15]. Подавляющее число урядников были представлены отставными нижними воинскими чинами. На 1884 год из 119 урядников последние составляли 78 человек (65,5 %).

Представляют интерес сведения о составе урядников по вероисповеданию. Из 4 888 обследованных урядников – 4 658 (96,3 %) православных и 230 иноверцев. Таким образом, подавляющее большинство урядников было православного вероисповедания [3, с. 220].

В работе урядников наблюдалась большая текучесть. В 1881 года из 23 урядников 15 человек было уволено за служебные упущения: по подсудности, за неблагонадежность, за нетрезвый образ жизни, по несоответствию своему назначению и по собственному желанию [16, л. 14]. В 1884 году в целом по Уфимской губернии по причине пьянства, лихоимства, несоответствия службе и другим отрицательным причинам было уволено 34 урядника [16]. Но были и редкие исключения. Так, военный писарь Никанор Ситников 18 мая 1883 г. был назначен на должность урядника 7 участка 2 стана Белебеевского уезда и проработал на должности более 27 лет [15, л. 17]. В центральном ведомственном журнале «Вестник полиции» за 1910 г. отмечалось, что «5 июля полицейские урядники 6 стана Белебеевского участка провожали своего сослуживца Никанора Егоровича Ситникова в связи с уходом по болезни. За беспорочную и усердную службу он был награжден двумя серебряными медалями и рядом благодарностей» [17, с. 877].

В своем отчете департаменту полиции в 1879 г. уфимский губернатор В. Д. Левшин сообщал, что хотя при выборе кандидатов на должность урядников ставилась задача подобрать людей нравственных, достаточно грамотных и распорядительных, «выбор таких лиц оказался крайне затруднителен по недостатку в губернии для этих должностей способных людей». Несмотря на многочисленные недостатки в деятельности урядников, они выполняли свои основные задачи. В 1879 г. в регионе ими было задержано 39 преступников, в числе которых за убийство – 1, воров – 7, конокрадов – 12, фальшивомонетчиков – 7 [3, с. 212].

Опыт функционирования института урядников был обобщен, и его дальнейшее развитие было связано с деятельностью нового министра внутренних дел графа Д. А. Толстого, который работал на этом посту 1882–1889 гг. В результате была подготовлена вторая Инструкция, существенно переработанная с учетом негативного опыта предшествующей, утверждена министром внутренних дел Д. А. Толстым 28 июля 1887 г. и циркулярно за № 3153 направлена всем губернаторам, в том числе и в Уфу.

В Национальном архиве Республики Башкортостан сохранилась копия данного циркуляра с приложенной Инструкцией на 103 страницах [18]. В документе акцент делался на практическую составляющую в деятельности урядников «по охране порядка и спокойствия в сельских поселениях, предупреждению и пресечению преступлений». Особое внимание обращалось на то, что в настоящее время по отзывам многих губернаторов, разных должностных лиц, местных чиновников

деятельность полицейских урядников «не вполне удовлетворяет общим потребностям охранения порядка и безопасности» [18, л. 2]. Среди негативных причин назывались: «слишком обширный круг обязанностей, возложенных на урядников; неудовлетворительный личный состав; отсутствие должной дисциплины; крайне слабый в большинстве губерний надзор за их деятельностью» [18, л. 3].

Для устранения вышеприведенных в циркуляре причин, негативно влияющих на деятельность урядников, министр «по соглашению с министром юстиции признал полезным преподать для руководства полицейским урядникам взамен Инструкции 1878 г. новую более точную Инструкцию» [18, л. 3]. В документе отмечалось, что необходимо «освободить урядников от письменных сношений и от составления актов и протоколов, кроме исключительных случаев, предусмотренных инструкцией».

В Циркуляре подробно анализировались вопросы подбора кадров, отмечалось, что по собранным с мест сведениям «лучшими урядниками являлись грамотные унтер-офицеры и нижние чины запаса армии» [18]. Министр потребовал от губернаторов обращать внимание на этот факт при решении кадровых назначений на местах, отмечалось, чтобы губернаторы со своей стороны осуществляли серьезный надзор за службой урядников и «в особенности в отношении к ним уездных исправников и становых приставов. Учреждение такого надзора едва ли представит какие-либо затруднения, – отмечал министр, обращаясь к губернаторам, – если Вам угодно будет воспользоваться для того состоящими при Вас чиновниками особых поручений, советниками губернских правлений и вообще лицами, указанными в ст. 695 Т. II ч. I св. зак.» [18]. Реализацию данного циркуляра лично возглавил Уфимский губернатор П. А. Полторацкий, руководивший губернией в 1883–1889 гг. Также было принято решение о создании при губернском правлении особой комиссии «для производства испытаний лиц, желающих поступить на должности урядников в составе: состоящего при Министерстве Внутренних Дел и в распоряжении Губернатора, действительного статского советника Н. А. Гурвича, советников правления, уфимского уездного исправника и уфимского полицмейстера. Комиссия должна была собираться и действовать по мере явки в Правление подлежащих испытанию лиц» [19, л. 1].

Кандидатам, выдержавшим экзамены на знание инструкций и ясное понимание служебных обязанностей урядников, выдавались удостоверения с обозначением в них звания, имени, отчества и фамилии кандидата. Все документы по мере их выдачи записывались в особую книгу, которая хранилась в губернском правлении [19, л. 2].

17 ноября 1887 г. за № 5018 губернатор П. А. Полторацкий в своем распоряжении потребовал от исправников ежегодно к первому числу июня месяца предоставлять губернскому правлению точные сведения о числе имеющихся в подведомственных им уездах свободных вакансий полицейских урядников с названием №№ участков и селений.

С целью повышения качественного состава исправники обязывались направлять в Штаб Казанского Военного округа ведомости вакантных должностей полицейских урядников для подбора кандидатов из числа увольняемых нижних воинских чинов, желающих поступить на должность урядников, «наиболее соответствующих по их нравственным качествам, усердию к службе и расторопности, и направлять таковых с рекомендательными от себя свидетельствами в г. Уфу для предварительного подготовления их к предстоящей полицейской деятельности в ведение местного уездного Исправника» [18, л. 2].

Вся подготовительная работа с кандидатами по прибытии их в г. Уфу была возложена на уфимского уездного ис-

правника и его помощника. Они должны были, помимо разъяснения смысла Инструкции, научить их составлять донесения, акты и протоколы, указанные в Инструкции. Тех кандидатов, которые при хороших нравственных качествах и безупречном поведении окажутся достаточно подготовленными и способными к занятию уряднических должностей, допускали к испытаниям [18, л. 2]. Успешно выдержавшие испытания кандидаты направлялись к уездным исправникам на соответствующие уряднические вакансии. За 1888–1899 гг. комиссией было выдано 254 свидетельства на право занятия этой должности [20].

В Циркуляре Уфимского губернатора от 26 марта 1888 г. за № 1255 предоставлялось право определять на должности урядников только при наличии у кандидатов свидетельства испытательной комиссии и обязательного согласия губернатора [18, л. 9]. Анализ служебной деятельности урядников на местах выявил ряд проблем, требующих принятия безотлагательных мер. 29 февраля 1888 г. губернатор Полтарацкий издал распоряжение, в котором обязал исправников уездных городов губернии в целях исключения из командируемых в г. Уфу кандидатов «людей малограмотных или неспособных и по своим нравственным качествам не имеющих права на занятие должностей урядников» проверить их знания на месте и дополнительно консультировать на предмет знания инструкции и только потом направлять их в Уфу в экзаменационную комиссию.

Прибывшие в Уфу кандидаты должны были иметь документ, удостоверяющий личность, оплатить гербовым сбором свои прошения на имя губернатора. Обязательным условием также являлось наличие характеристики о поведении, нравственных качествах и неподсудности кандидатов. Для исключения повторного назначения на должности урядников, уволенных со службы, исправники должны были делать соответствующие записи на выданных испытательной комиссией свидетельствах, удостоверяющие время определения на должность и увольнения [18, л. 9]. Учитывая ограниченное материальное положение кандидатов, на период прохождения занятий им предоставлялось бесплатно жилье в здании приюта для мальчиков, а также продовольствие по самым умеренным ценам дешевой столовой.

С приходом в конце 1889 г. нового губернатора Л. Е. Норда в работу экзаменационной комиссии были внесены новые изменения. 3 октября 1890 г. им были утверждены новые правила для проведения испытательных экзаменов для урядников. Отныне подготовка кандидатов была возложена не на уфимского уездного исправника и его помощника, а на всех уездных исправников [21]. Губернатором также были утверждены предложения членов экзаменационной комиссии проверять помимо инструкции и знания уставов строительного, врачебного, питейно-табачного, а также брошюр об оказании первой медицинской помощи в несчастных случаях.

28 ноября 1891 г. губернатор Л. Е. Норд отменил практику назначения на должности урядников в связи с отказом многих уволенных из Казанского военного округа нижних военных чинов участвовать в испытании экзаменационной комиссией. Согласно новым правилам кандидаты должны были назначаться на уряднические должности без предварительных испытаний и в течение 6 месяцев проходить стажировку на конкретном участке, приобретая соответствующий опыт и знания под руководством становых приставов и уездных исправников [19, л. 3-3 об.]. После прохождения указанной практики они направлялись для прохождения испытаний в экзаменационную комиссию в г. Уфу. По итогам испытания не выдержавшие экзамена урядники увольнялись. Такая практика продолжалась вплоть до 15 июня 1905 г., когда при уфимском

уездном полицейском управлении были открыты курсы для подготовки полицейских стражников, преобразованные в 1906 г. в школу-резерв [22, л. 347–348; 23, с. 232–233].

В начале 1898 г. вновь назначенный губернатор Н. М. Богданович ходатайствовал перед МВД об увеличении урядничесих должностей на 20 единиц. Свои доводы он справедливо обосновывал территориальной разобщенностью участков от 100 до 200 верст и неравномерной плотностью населения [15]. Просьба начальника губернии была удовлетворена с выделением из казны кредита на сумму в 7 011 руб. [24]. В 1900 г. в состав шести уездов Уфимской губернии входило 178 волостей с населением 2 105 810 человек. Волости в административном полицейском отношении были преобразованы в станы, которые возглавлялись 34 становыми приставами, здесь же несли службу и 140 полицейских урядников [25, л. 2].

Таким образом, создание института полицейских урядников, несмотря на определенные недостатки, в целом явилось необходимым инструментом для укрепления низового полицейского звена уездной полиции. В 1870–1900 гг. число урядников в Уфимской губернии возросло с 110 до 140 человек. Накапливался опыт их профессиональной подготовки. Позитивным шагом в этом направлении явилась организация при губернском правлении особой комиссии для проверки знаний будущих урядников.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Отечественная историография профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в Российской империи как элемент общей историографии Российской полицеистики // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 9–24.

2. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: монография. Воронеж, 2018. 685 с.

3. Ахмедов Ч. Н. Институт полицейских урядников: профессиональная подготовка и социально-материальное обеспечение его деятельности (вторая половина XIX – начало XX века): монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. 224 с.

4. Рязанов С. М. Урядники Пермского уезда в 1878–1917 годах: институциональный, социальный и личностный аспекты // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3 (20). С. 68–77.

5. Тюрин В. А. Должность полицейского урядника в России конца XIX – начала XX в. (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 82 (1-1). С. 211–215.

6. Остроумов С. С. Преступность, ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Московского университета, 1980. 212 с.

7. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ) Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1680.

8. Обзор Уфимской губернии за 1890 г. Уфа, 1891.

9. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Изд-во Московского университета, 1964. 513 с.

10. Полное Собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Второе собрание (1825–1881). Т. 53. Ч. 1. Ст. 58610. СПб., 1880.

11. Инструкция полицейским урядникам: утверждена Министерством внутренних дел 19 июля 1878 г. СПб., 1878. 45 с.

12. Сборник циркуляров и инструкций МВД от 19 июля 1878 г. № 124. СПб., 1880. 140 с.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1286. Оп. 53. Д. 271.

14. Кантемирова Р. И. Государственная деятельность В. Д. Левшина // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей. Новосибирск: СибАК, 2014. С. 115–119.
15. НА РБ Ф. И-9. Оп. 1. Д. 439.
16. НА РБ Ф. И-9. Оп. 1. Д. 424.
17. Вестник полиции. 1910. № 36.
18. НА РБ Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1209.
19. НА РБ Ф. И-9. Оп. 1. Д. 553.
20. НА РБ Ф. И-11. Оп. 2. Д. 3.
21. Уфимские губернские ведомости. 1891. 20 июля. № 29.
22. НА РБ Ф. И-9. Оп. 1. Д. 750.
23. Мухаметшин Ф. Б., Султанов А. Х., Хакимов С. Х. Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству: монография. Уфа, 2017. 283 с.
24. ПСЗ РИ. Третье собрание. Т. 18. Ст. 16050. СПб., 1888.
25. НА РБ Ф. И-9. Оп. 1. Д. 662.

© Каримов Р. Р.
© Хакимов С. Х.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.57:342.34(470)(091)

И. Р. БАДРЕТДИНОВ, *доцент кафедры конституционного и муниципального права Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат политических наук (г. Стерлитамак)*

I. R. BADRETDINOV, *Assistant Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Candidate of Political Sciences (Sterlitamak)*

ОБЩЕНАРОДНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМ ПРЯМОЙ (НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ) ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PUBLIC VOTING IN THE CONTEXT OF FORMS OF DIRECT (IMMEDIATE) DEMOCRACY IN RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *В статье рассмотрены проблемы исторического развития, понятия и определения, классификации, совершенствования форм прямой (непосредственной) демократии в Российской Федерации. Выявлено, что конституционно-правовое закрепление и динамика форм непосредственной (прямой) демократии в Советском Союзе имели определённую специфику, сущность которой заключалась в том, что формы прямой (непосредственной) демокра-*

тии были ширмой власти партийной номенклатуры. В современной России конституционные нормы о прямой (непосредственной) демократии стали наполняться реальным содержанием. Рассмотрена классификация форм прямой (непосредственной) демократии и сделан вывод об общеупотребимости классификации последних на императивные и консультативные формы. Рассмотрены основные характеристики общенародного голосования как новой императивной формы прямой (непосредственной) демократии, выявлены проблемы закрепления данной формы в законодательстве, обоснована необходимость её совершенствования.

Ключевые слова и словосочетания: *общенародное голосование, прямая (непосредственная) демократия, формы прямой (непосредственной) демократии, конституционно-правовое закрепление.*

Annotation. *The article deals with the problems of historical development, concepts and definitions, classification, and improvement of the system of forms of direct (direct) democracy in the Russian Federation. It is revealed that the constitutional and legal consolidation and dynamics of the forms of direct democracy in the Soviet Union had a certain specificity, the essence of which was that the forms of direct democracy were the screen of power of the party nomenclature. In modern Russia, the constitutional norms of direct (direct) democracy began to be filled with real content. The classification of forms of direct (direct) democracy is considered and it is concluded that it is common to divide the latter into mandatory and Advisory forms. The main characteristics of public voting as a new mandatory form of direct (direct) democracy are considered, the problems of fixing this form in legislation are identified, and the need for its improvement is justified.*

Keywords and phrases: *public vote, direct (direct) democracy, forms of direct (direct) democracy, constitutional and legal consolidation.*

Вопрос о механизмах и способах политического взаимодействия органов власти и граждан, их конституционализации и разновидности этого – формах прямой (непосредственной) демократии – всегда находится в центре внимания исследователей. При этом особенности принятия поправок к Конституции РФ 2020 года позволяют говорить о расширении количества форм прямой демократии в современной Российской Федерации.

Конституционно-правовое закрепление и динамика форм непосредственной (прямой) демократии в Советском Союзе имели определённую специфику. Так, уже первая советская Конституция 1918 года закрепляла достаточно широкий перечень органов новой власти – советов, формирование которых происходило выборным путем (ст.ст. 24–57), и закрепляла право всех трудящихся избирать и быть избранным (ст. 64), а ст. 15 признавала право граждан свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п. [1]. В Конституции 1936 года упоминалось о том, что советы всех уровней избираются (ст.ст. 24, 59, 91, 95), закреплялась свобода собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 125), устанавливались основы избирательной системы (ст.ст. 134–142) [2].

Наконец, в Конституции 1977 года были зафиксированы нормы о вынесении на всенародное обсуждение наиболее важных вопросов государственной жизни, а также о постановке их на всенародное голосование (референдум) (ст. 5). Одной из целей развития политической системы советского общества провозглашалось дальнейшее развертывание социалистической демократии, что должно было выражаться во все более широком участии граждан в управлении делами государства и общества, повышении активности общественных организаций, усилении народного контроля, расширении гласности, постоянном учете общественного мнения (ст. 9).

Кроме того, закреплялись права граждан СССР на:

– участие в управлении государственными и общественными делами,

обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения, что реализовывалось через возможность избирать и быть избранными в советы, через принятие участия во всенародных обсуждениях и голосованиях, народном контроле, работе государственных органов, общественных организаций и органов общественной самодеятельности, собраниях трудовых коллективов и по месту жительства (ст. 48);

– внесение в государственные органы и общественные организации предложений об улучшении их работы, на критику недостатков в их деятельности (ст. 49).

Гарантировалась свобода собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 50). Отдельно в главе 13 устанавливались основы избирательной системы СССР [3]. Разумеется, в практике советского государства очень многое происходило иначе. По идее В. И. Ленина советская система должна была привести к исчезновению «класса» политиков-профессионалов и к тому, чтобы каждый гражданин был вовлечен в управление государством через систему советов. Однако очень быстро власть в государстве аккумулировалась в руках партноменклатуры [4]. В этих условиях акты конституционного значения РСФСР и СССР, закреплявшие и формы прямой (непосредственной) демократии, были фактически ширмой власти партийной номенклатуры.

Принципиальные изменения в конституционно-правовом устройстве России произошли с распадом СССР и формированием новой российской государственности. В эти годы конституционные нормы о демократии и народе как источнике власти стали наполняться реальным содержанием. Наблюдалось развитие и в трактовках, и в научном понимании прямой (непосредственной) демократии. При этом современные исследователи отмечают, что в отечественной юридической литературе нет единообразного понимания непосредственной демократии [5, с. 5].

Так, В. В. Комарова считает, что «под непосредственной демократией следует понимать общественные отношения, которые возникают в результате решения значимых общественных и государственных вопросов обладателями государственной власти, выражающими их суверенитет, путем непосредственного властного волеизъявления, решение которых подлежит неукоснительному исполнению всеми субъектами права и не нуждается в каком-либо дополнительном утверждении» [5, с. 9]. Ю. А. Гарькавченко отмечает, что «непосредственная (прямая) демократия – одна из форм осуществления местного самоуправления, которая, в отличие от представительной демократии, дает населению возможность самостоятельно выступать в качестве коллективного субъекта осуществления местной власти и самоуправления, в конечном счете формирующее основные направления реализации публичной власти на уровне муниципального образования» [6].

В свою очередь С. А. Авакьян считает, что термин «непосредственная демократия» базируется на концепциях прямого управления народом собственной жизнью, обществом и государством, идеях общественного и государственного самоуправления и самоорганизации. По мнению данного автора, непосредственной демократией является совокупность конституционно-правовых норм и установлений, через которых народом выражается собственная воля, им самим осуществляется государственная либо местная власть. Синонимичными вышеуказанному понятию являются «прямая демократия», «непосредственное народовластие», «прямое народовластие» [7, с. 388]. По нашему мнению, последняя точка зрения представляется наиболее близкой к истине.

Объектом отношений непосредственной демократии является власть:

принятие властных решений либо воздействие на них. Субъектами непосредственной демократии являются:

1) различного характера объединения граждан, носящие как постоянный, так и временный характер: общественные организации, инициативные группы, собрания;

2) граждане Российской Федерации, которые проживают на территории отдельных субъектов Российской Федерации, наделённые избирательными правами;

3) весь многонациональный народ Российской Федерации [8, с. 53].

Анализ содержания непосредственной демократии позволяет согласиться с утверждением о том, что чертами прямой (непосредственной) демократии являются:

– прямое волеизъявление граждан;

– единство воли и субъекта ее выражения, а также осуществление власти от своего имени;

– особый круг субъектов, обусловленный особыми требованиями к ним;

– особые формы осуществления власти [5, с. 124].

В этих же чертах находит свое отражение и сущность непосредственной демократии, заключающаяся в том, что последняя представляет собой форму власти народа.

Весьма интересен вопрос о формах непосредственной демократии. В. В. Комарова считает, что «формы непосредственного народовластия представляют собой перечень способов и средств непосредственной реализации власти народом либо определенной его частью, а также корректировки осуществления властных полномочий властными органами посредством сопоставления народной воли с текущей деятельностью органов власти» [5, с. 129]. Почти общепринятым в науке является классификация форм непосредственной демократии на императивные и консультативные. В качестве первых выступают формы, в которых воля, выраженная народом либо иным субъектом непосредственной демократии, имеет обязательный, окончательный характер, а решения, принятые здесь, не нуждаются в утверждении кем-либо. Ко вторым относятся те формы, при которых окончательное решение принимается соответствующим органом государственной власти или местного самоуправления, а функция форм непосредственной демократии заключается в выражении мнения граждан и своеобразном консультировании власти. Возможно, выделение форм, сочетающих черты консультативного и императивного характера. Примером таких институтов непосредственной демократии являются собрания (сходы) граждан по месту их жительства [7, с. 389].

Анализ современного российского законодательства позволяет отнести к императивным формам:

– референдум, выборы, отзывы депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации;

– голосования, связанные с изменениями границ муниципального образования, преобразования муниципального образования;

– сходы граждан, осуществляющие полномочия представительного органа муниципального образования;

– собрания и конференции граждан при осуществлении территориального общественного самоуправления на части территории муниципального образования.

К консультативным формам непосредственной демократии, существующим на сегодняшний день в Российской Федерации, относятся:

– общественное обсуждение проектов федеральных конституционных и федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации;

– коллективные обращения граждан по вопросам общественного значения;

– публичные слушания;
– правотворческая инициатива;
– собрания граждан;
– конференция граждан;
– опрос граждан.

Принятие поправок в Конституцию РФ в 2020 году с неизбежностью включает в перечень форм непосредственного народного волеизъявления общенародные голосования, на что и указал в своем Постановлении Конституционный Суд РФ [9]. Однако, как нам представляется, правовое закрепление данной новой формы еще весьма далеко от оптимального. Это актуально в связи с тем, что, как указывает Т. Я. Хабриева, «чтобы быть принятыми обществом, конституционные изменения, в частности те, которые составляют конституционную реформу, должны быть легальными и легитимными» [10, с. 74]. При этом легальность конституционных изменений, включая реформы, составляет важную часть их характеристики, и в мире существует большой опыт легитимации конституционных преобразований [10, с. 89].

Как известно, правовой основой общенародного голосования являются Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправке), Указ Президента РФ от 17 марта 2020 г. № 188 «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации», распоряжение Президента РФ от 14 февраля 2020 г. № 32-рп «Об организации подготовки проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации», постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 20 марта 2020 г. № 244/1804-7 «О Порядке общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» [11, с. 20].

В качестве целевого ориентира проведения общенародного голосования ст. 2 Закона о поправке устанавливает, что общероссийское голосование проводится по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, причем ст. 4 закрепляет, что поправки, предусмотренные ст. 1, вступают в силу со дня официального опубликования результатов общероссийского голосования в случае, если эти изменения в Конституцию РФ получили одобрение в ходе общероссийского голосования. Изменения же в Конституцию РФ будут считаться одобренными, если за них проголосовало более половины граждан России, принявших участие в общероссийском голосовании. В противном случае изменения одобренными не считаются. Представляется, что императивность данной формы налицо. В связи с этим вызывает недоумение краткость, можно даже сказать скудность правовой основы проведения общенародного голосования, особенно в сравнении с регулированием иных императивных форм непосредственной демократии на федеральном уровне: федеральных выборов и федерального референдума. Это особенно актуально в связи с тем, что именно с референдумом, как и со всенародным голосованием (если конкретный автор различает данные понятия), по совершенному обоснованному мнению многих исследователей [11; 12], общенародное голосование и имеет наибольшее сходство.

Безусловно, трудно не согласиться с позицией Конституционного Суда РФ, указывающей как на конституционность, так и на соответствие демократическим стандартам норм Закона о поправках, посвященным общенародному голосованию [9]. Однако непонятно, почему не была подвергнута оценке на конституционность «достаточность» правовой основы проведения общенародного голосования. Так, в законодательстве весьма скупо отражен перечень субъектов обще-

народного голосования, их статус, нет ни слова об агитации, ее финансировании, непонятна ответственность. При этом, с точки зрения юридической техники, было бы весьма несложно включить в Закон о поправке отсылочные нормы на федеральное законодательство, содержащее регламентирование указанных выше вопросов, либо, несколько адаптировав текст данного законодательства, прямо включить его в Закон о поправке. Тем более что исторический опыт подобного решения вопросов имеется: именно так в свое время и поступили разработчики Положения о всенародном голосовании по проекту Конституции РФ 12 декабря 1993 года [13].

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, актуализируется проблематика совершенствования правовой основы общенародного голосования, прежде всего учитывая его императивный характер, в плане приближения к стандартам организации и проведения классических форм непосредственной (прямой) демократии, таких как выборы и референдумы, являющиеся предметом постоянного совершенствования законодателя. Это в свою очередь потребует либо принять специальный акт по данному вопросу, либо разработать и принять кодифицированный акт, где были бы урегулированы вопросы проведения различных видов голосования. В противном же случае, как в научной среде, так и в общественно-политической, могут нарастать мнения о негативном влиянии введения и использования общенародного голосования в процедуре конституционных поправок.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Конституция (Основной закона) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Будаев А. М. Реализация принципа народовластия в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2001. № 5. С. 15–36.

5. Комарова В. В. Формы непосредственной демократии в России. М.: Ось-89, 1998. 302 с.

6. Гарькавченко О. Ю. Непосредственная демократия как форма осуществления местного самоуправления: некоторые вопросы теории // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 12 // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18337240_19906594.pdf (дата обращения: 27.08.2019).

7. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. Т. 1. 864 с.

8. Денисов Ю. В. Реализация непосредственной демократии в России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 3. С. 50–62.

9. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации, не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»,

а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-З город Санкт-Петербург // Российская газета. 2020. 17 марта.

10. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении. М., 2018. 504 с.

11. Старостина И. А. Общероссийское голосование в контексте конституционных поправок // Конституционное и муниципальное право. 2002. № 8. С. 18–24.

12. Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.

13. Положение о Всенародном голосовании по проекту Конституции РФ 12 декабря 1993 года // СПС «КонсультантПлюс».

© Бадретдинов И. Р.

УДК 342.518:342.7(470)

В. Г. ИЩУК, *преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Рязань)*

V. G. ISHCHUK, *Instructor of the Chair of State and Civil Law Disciplines of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya (Ryazan)*

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВАЯ ОСНОВА, ПОЛНОМОЧИЯ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL BASIS, POWERS AND WAYS TO IMPROVE PERFORMANCE

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с функционированием института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; предпринимается попытка раскрытия сущностного предназначения данного института исходя из заложенных в его правовой природе исторических основ; исследуются вопросы, связанные с правовой основой деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, кругом законодательно предоставленных полномочий, спецификой компетенции и функциональной составляющей; выявляются и подробно анализируются имеющиеся в данной сфере проблемы правового и иного характера, существенно снижающие эффективность данного института, а также предлагаются возможные варианты их решения, которые при правильном и своевременном применении позволят кардинальным и положительным образом изменить сложившуюся на сегодняшний день ситуацию и поспособствуют дальнейшему динамичному развитию указанного института.*

Ключевые слова и словосочетания: *Уполномоченный по правам человека, специализированный омбудсмен, защита, полномочия, эффективность, правовая основа.*

Annotation. *The article examines topical issues related to the functioning of the institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, attempts to disclose the essential purpose of this institution, based on the historical foundations of its legal nature, examines issues related to the legal basis of the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, the scope of the legislatively granted powers, the specifics of competence and functional component, identifies and analyzes in detail the problems of a legal and other nature in this area that significantly reduce the effectiveness of this institution, as well as offers possible options for their solution, which, with correct and timely application will radically and positively change the current situation and will contribute to the further dynamic development of this institution.*

Keywords and phrases: *Commissioner for Human Rights, specialized ombudsman, protection, powers, efficiency, legal basis.*

Сфера прав и свобод человека и гражданина пользуется популярностью для изучения среди ученых и специалистов по различным дисциплинам во всем мире уже на протяжении нескольких столетий. Подобное внимание к данной проблематике обусловлено как объективными факторами повседневной жизни человеческого социума, так и различными историческими событиями, связанными с торжеством прав человека и признанием их в качестве высшей ценности. Кроме того, актуальность исследования прав и свобод человека и гражданина усиливается посредством понимания и осознания необходимости их закрепления в законодательстве международного и национального уровня, так как без официального оформления в виде правовой нормы любые права и свободы попросту лишаются юридической силы и становятся необязательными для исполнения.

Как известно, на сегодняшний день сфера прав и свобод человека и гражданина чрезвычайно многообразна и разнонаправлена, она затрагивает все отрасли нашей повседневной жизни, находит свое отражение в каждом проявлении взаимодействия и участия человека в общественных отношениях. Безусловно, помимо сугубо декларативного характера прав и свобод человека и гражданина, которые закреплены в различных нормативных правовых актах международного и национального уровня, важно, чтобы они обладали и практическим характером, а именно, чтобы субъекты, которые наделены данными правами, могли беспрепятственно реализовать их в повседневной жизни. К сожалению, следует констатировать, что далеко не всегда то или иное лицо способно свободно реализовать своё законное право. Одной из основных причин подобного развития событий является тот факт, что некоторые государственные органы и должностные лица намеренно или легкомысленно нарушают права граждан, а также всячески препятствуют их реализации.

Учитывая вышеизложенное и принимая во внимание важность дополнительной защиты прав и свобод как человека в целом, так и отдельных социальных групп в частности, в современном мире получил активное распространение институт специализированных омбудсменов или уполномоченных, среди многообразия которых наибольшее распространение и применение во всем мире нашёл институт Уполномоченного по правам человека ввиду своего общего и всеобъемлющего характера правозащитной деятельности.

Обращаясь к историческим фактам, следует отметить, что впервые институт Уполномоченного по правам человека появился в Швеции в 1809 году, но признать данный институт похожим на его современные аналоги крайне сложно. Шведский прообраз Уполномоченного представлял собой созданное парламентом должностное лицо, которое было обязано принимать и рассматривать жалобы от граждан Швеции на незаконные

действия или бездействие администрации [1]. Важный правовой статус омбудсмена был зафиксирован в ст. 97 Конституции Швеции, что стало первым подобным прецедентом и положило начало подобной практики в законодательстве различных зарубежных государств. Тем не менее, несмотря на более чем двухсотлетнюю историю, активная рецепция института специализированного омбудсмена или Уполномоченного началась лишь во второй половине XX века, прежде всего в странах Европы. Слово «омбудсмен» изначально шведское, однако некоторые штаты США, Канады и Индии, а также скандинавские соседи Швеции – Финляндия, Дания и Норвегия, используют его для обозначения данного института и по сей день. В других же государствах термин «омбудсмен» обозначается как «представитель», «поверенный», «делегат», «адвокат» или, как в законодательстве РФ, «уполномоченный».

Анализируя становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, следует отметить, что фактически Уполномоченный по правам человека в России возник еще в 1994 году [2]. Нормативной базой для этого послужили президентский Указ «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека» [3], а также п. «е» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ. Полноценное и окончательное юридическое оформление указанный институт получил лишь в 1997 году с принятием соответствующего Федерального конституционного закона [4] (далее – ФКЗ). Правовой статус института Уполномоченного по правам человека раскрывает его в виде контрольного органа, имеющего определенную действующим законодательством компетенцию и специфические полномочия рекомендательно-восстановительного характера. Иными словами, это правозащитный контрольный орган, олицетворяющий гарантию государства по обеспечению и соблюдению прав человека и гражданина со стороны органов власти [5]. Соответственно, фундаментальной правовой основой деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является Конституция РФ и вышеуказанный ФКЗ.

Необходимо подчеркнуть, что помимо федерального, общероссийского правозащитного должностного лица – Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, аналогичные должностные лица действуют и в субъектах Российской Федерации. Подобный механизм предусмотрен с целью обеспечить правовую защищенность для максимального количества граждан Российской Федерации, проживающих во всех её отдаленных местностях, а также для разгрузки деятельности федерального омбудсмена. На сегодняшний день институт Уполномоченного по правам человека осуществляет свою деятельность абсолютно во всех субъектах Российской Федерации. Следовательно, осуществляя свои полномочия, они руководствуются не только федеральным законодательством, но и принятым в соответствии с ним законодательством субъекта Российской Федерации.

Рассмотрев вопросы, связанные с правовым регулированием деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, необходимо обратиться к анализу конкретных аспектов и форм реализации полномочий уполномоченного. В данном отношении в первую очередь следует обозначить основные направления деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. К таким направлениям следует отнести:

– рассмотрение поступивших от граждан или их объединений различных обращений, заявлений и жалоб о нарушении их прав и свобод в бумажном и электронном формате;

– совершение действий по проверке поступивших обращений о нарушении прав и пресечение нарушений в случае их подтверждения;

– осуществление анализа нормативно-правовой базы субъекта Российской Федерации на предмет наличия в ней нарушений прав граждан или отдельной социальной группы;

– разработку проектов нормативных правовых актов, направленных на совершенствование и повышение эффективности действующего законодательства в сфере прав и свобод человека и гражданина по вопросам ведения уполномоченного;

– направление государственным органам, органам местного самоуправления и должностным лицам замечаний и предложений общего характера, относящихся к обеспечению прав и свобод человека и гражданина, совершенствованию административных процедур.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что весь основной сущностный функционал деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации сводится к приему, рассмотрению и реагированию на поступившие от граждан или их представителей жалобы на действия или бездействие уполномоченных должностных лиц, государственных или муниципальных органов, что не может в полной мере на уровне теоретического осмысления подлежать положительному оцениванию и свидетельствовать о достаточности и полноте имеющихся полномочий. Но это лишь сугубо теоретические аспекты, а как обстоит дело на практике?

Безусловно, нельзя не отметить, что наличие подобного правозащитного института как на федеральном, так и на региональном уровне, должно позитивным образом сказываться на обеспечении и соблюдении прав и свобод человека и гражданина в нашей стране. Однако, несмотря на то что в общих чертах наблюдается положительная динамика и позитивный эффект от функционирования и деятельности всех специализированных омбудсменов в Российской Федерации, существуют некоторые проблемы, мешающие более эффективному процессу реализации уполномоченными своих должностных обязанностей. Именно поэтому считаем целесообразным изучить имеющиеся проблемы в данной сфере, проанализировать их природу и предложить возможные варианты их решения.

Первая проблема, определенно требующая внимания, – отсутствие ясности в понимании места Уполномоченного по правам человека в системе государственной власти. Сущность данной проблемы кроется в недостаточности нормативно-правового регулирования, так как, по общему правилу, уполномоченный должен быть независим от какой-либо ветви государственной власти и осуществлять свои функции на благо граждан, однако в действительности все не совсем так. На данный момент в доктрине конституционного права относительно обозначенной дискуссии существуют несколько точек зрения. Одни ученые относят этот институт к органам парламентского контроля [6], другие – к новой ветви государственной власти, называемой контрольной.

Исходя из анализа имеющейся на сегодняшний день информации, мы пришли к выводу о том, что большинство современных авторов, анализируя отечественную модель Уполномоченного по правам человека, оценивают её как парламентскую [7]. Основной аргумент применительно к данной позиции заключается в том, что в соответствии с порядком назначения и отчетности федеральных и региональных уполномоченных в Российской Федерации подавляющее большинство из них назначается областной Думой и ежегодного отчитывается перед ней о результатах своей деятельности. Полагаем, что подобная практика не может благоприятным образом сказываться на независимости деятельности уполномоченного на пути защиты граждан в споре с различными государственными, муниципальными органами и должностными лицами, поэтому предлагаем закрепить правовой статус Уполномоченного

по правам человека независимого ни от одной ветви власти должностного лица, действующего от имени государства. Это позволит сделать существенный шаг к самостоятельности в деятельности Уполномоченного по правам человека, что положительно скажется на эффективности его правозащитной деятельности.

Другой не менее актуальной и, по сути, основной проблемой в сфере функционирования института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является проблема недостаточности полномочий, которые предоставлены уполномоченному исходя из норм федеральных и региональных нормативных правовых актов для эффективной реализации своих задач [8].

В первую очередь речь идет об отсутствии у уполномоченного права принимать юридически обязательные решения. Он не наделен императивными полномочиями в отношении государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц. Как уже отмечалось нами ранее в рамках данного исследования, по большей части сущностный функционал деятельности Уполномоченного по правам человека сводится к обращениям в другие органы, наделенные властными функциями: суды, прокуратуру, административные органы. Даже основное специфическое полномочие, а именно направление заключения о необходимости принятия мер по восстановлению прав и свобод не носит властного характера, а является лишь рекомендательным. Это вызывает определенные нарекания со стороны общества, поскольку непонятно, каким образом, не имея рычагов принуждения, уполномоченный способен заставить орган государственной власти, орган местного самоуправления или должностное лицо исправить допущенные нарушения прав гражданина.

В связи с этим на практике мы получаем отнюдь не радужную картину, которая свидетельствует о том, что на сегодняшний день институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в полной мере не соответствует той сущностной составляющей, которая изначально заложена в его правовой природе. При рассмотрении данной проблемы под определенным углом складывается отчетливое ощущение, что уполномоченный в настоящий момент выступает в качестве промежуточного звена, посредника между гражданами и государственными органами, должностными лицами, которые нарушают их права. От этого страдает деловая репутация уполномоченного, следствием чего является достаточно прохладное отношение граждан к данному институту и неверие в то, что обращение к уполномоченному может поспособствовать защите их прав в споре с государством, представленным в лице различных органов, организаций и должностных лиц.

В целях исправления сложившейся ситуации, исходя из мирового опыта, следует задуматься о том, чтобы законодательно повысить степень властных, императивных полномочий, которыми наделяется Уполномоченный по правам человека. Это повысит авторитет в глазах государственных органов и должностных лиц, так как они будут осознавать, что за нарушения они могут подлежать реальной ответственности, а также увеличит уровень доверия граждан, так как они увидят, что их проблема может быть решена более эффективно и быстро.

Таким образом, подводя итоги исследованию, следует сделать ряд выводов. Прежде всего нельзя не отметить, что институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации прошел в своём развитии длительный путь и постепенно стал составной частью правозащитного механизма нашего государства в целом и каждого субъекта в отдельности. Действующее законодательство достаточно подробно определяет порядок назначения уполномоченного на должность, четко очерчивает критерии, которым должен соответствовать

кандидат, претендующий на должность уполномоченного, закрепляет условия прекращения полномочий омбудсмена, устанавливает его компетенцию и полномочия, что, безусловно, следует отнести к плюсам. Однако анализ данных полномочий, закрепленных действующим законодательством, свидетельствует о том, что, к сожалению, в настоящее время практически вся деятельность уполномоченного сводится к тому, чтобы рассматривать обращения граждан и проводить по результатам их рассмотрения соответствующие проверки деятельности подозреваемых в нарушении прав граждан государственных органов и должностных лиц, после чего направлять виновным свое заключение о недопустимости противоправных деяний.

Норма о праве обращения уполномоченного в суд с требованием привлечь к административной или уголовной ответственности конкретного должностного лица законодательно закреплена в единицах субъектов Российской Федерации. Поэтому чтобы эффективно решить имеющиеся в указанной сфере проблемы, некоторые из которых были обозначены в рамках данного исследования, необходимо осуществить кардинальные изменения в нормативно-правовом регулировании, в первую очередь направленные на расширение императивных полномочий Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, и обратиться к положительному международному опыту. По нашему мнению, подобные шаги позволят существенным образом повысить эффективность данного института как на федеральном, так и на региональном уровнях.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинина Е. Г. О закреплении института омбудсмена в Конституции // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2015. № 4. С. 91–94.

2. Лозоватская-Долинская Е. С., Филиппова Н. А. Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека // Инновационная наука. 2016. № 3. С. 74–76.

3. О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека: указ Президента РФ от 04.08.1994 № 1587 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Галяутдинов Б. С. Правовая природа института Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2. С. 40–47.

6. Фомичева О. А. Механизм осуществления контрольной власти парламентом // Lex Russica. 2017. № 4. С. 52–60.

7. Кудрявцев М. А. Институт парламентского Уполномоченного по правам человека в России: проблемы становления и развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. № 3. С. 101–123.

8. Тхабисимова Л. А., Евлоев И. М. Проблемы правового статуса и деятельности Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2012. № 2. С. 163–168.

© Ищук В. Г.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.73(470)

Е. Н. БАРХАТОВА, *доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск)*

E. N. BARKHATOVA, *Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Irkutsk)*

СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

ESSENCE, REASONS AND CONDITIONS OF LEGALIZATION (MONEY LAUNDERING) OF MONEY OR OTHER PROPERTY ACQUIRED BY CRIMINAL WAY

Аннотация. *Статья посвящена анализу понятия «легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем», разрешению отдельных процедурных вопросов, определяющих сущность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, выявлению ее причин, а также условий, способствующих совершению данного преступления, анализу эффективности принимаемых профилактических мер. На основе статистических данных изучено состояние преступности в сфере легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, произведена оценка эффективности противодействия подобным преступным деяниям как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Проанализированы противоречия в законодательстве, касающиеся понятийного аппарата. На основе данных Росфинмониторинга выделены сферы, наиболее подверженные легализационным рискам. В каждой сфере выделены причины и условия совершения рассматриваемого преступления. Приведены некоторые результаты применения антилегализационных мер. Сделаны выводы о необходимости внесения изменений в соответствующие нормы уголовного законодательства и о корректировке направленности мер предупредительного характера.*

Ключевые слова и словосочетания: *легализация, отмывание, экономическая деятельность, наркотические средства, финансовые потери, фиктивная легализация.*

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the concept of «legalization of money (laundering) or other property acquired in a criminal way», the resolution of certain procedural issues that determine the essence of legalization of money (laundering)or other property acquired in a criminal way, identifying its causes, as well as conditions conducive to the commission of this crime, the analysis of the effectiveness of preventive measures. Based on statistical data, the state of crime in the sphere of legalization of money (laundering) or other property acquired by criminal means was studied, and the effectiveness of counteraction to such criminal acts both at the international and domestic levels was assessed. The contradictions in the legislation concerning the conceptual apparatus are analyzed.*

Based on the data of Rosfinmonitoring, the spheres that are most exposed to legalization risks are identified. In each area, the reasons and conditions for the commission of the crime in question are highlighted. Some results of the application of anti-legalization measures are presented. Conclusions are drawn on the necessity to amend the relevant criminal law and on the adjustment of the direction of preventive measures.

Keywords and phrases: *legalization, laundering, economic activity, drugs, financial losses, fictitious legalization.*

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (далее – легализация) (ст.ст. 174, 1741 УК РФ) – один из основных инструментов преступного воздействия на экономическую сферу. Масштабы финансовых потерь от легализации и ее негативное влияние прослеживаются через статистические данные. Так, в 2019 году зарегистрировано 946 фактов легализации (ст.ст. 174, 1741 УК РФ), что лишь на 4,7 % меньше, чем в 2018 г., из них предварительно расследовано 795 преступлений, по которым установлено 723 лица. В суд направлены уголовные дела в отношении 624 лиц по 692 преступлениям [1]. Ежегодно ущерб от легализации составляет от 150 до 450 млрд руб. [2; 3].

Актуальной проблема противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, становится и в связи с развитием информационных технологий, переходом рыночных отношений в киберпространство. Одним из последних подтверждений данного факта стало изменение отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». Разъяснено, что статьи УК РФ об ответственности за легализацию должны распространяться также на доходы, полученные в результате незаконных действий, произведенных с криптовалютой. Такое решение было принято в соответствии с рекомендацией Международной группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (далее – ФАТФ). Кроме того, в течение 2017–2018 гг. в России было возбуждено 104 уголовных дела по преступлениям, совершенным с использованием криптоактивов при расчетах за наркотики. Окончено и направлено в суд 51 уголовное дело [4]. Решение неоднозначное ввиду того, что статус криптовалюты в России на настоящий момент непонятен. Официально валютой она не признана. Вместе с тем такая мера своевременна и эффективна. По сути, легализация представляет собой процесс сокрытия следов совершенного преступления, в результате которого было добыто имущество.

Статья 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – ФЗ № 115) предлагает следующее определение легализации: «Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, – придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления». Данное определение обобщенное и требует конкретизации – каким именно способом может быть придан правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом?

Процесс легализации денежных средств, как правило, происходит в три этапа:

1. Размещение предмета легализации (вывоз за пределы Российской Федерации, размещение на счетах, вложение).

2. Наслоение (процесс дальнейшего движения денежных средств или имущества между субъектами экономической деятельности с целью сокрытия следов их происхождения).

3. Интеграция (проведение внешне законных сделок с предметом легализации, слияние денежных средств или иного имущества с имуществом, находящимся у субъекта экономической деятельности на законных основаниях).

Далее разложим на перечисленные этапы деятельность граждан Л. и Ж., совершивших хищение и последующую легализацию денежных средств. Президент банка и глава финансовой группы Л. и председатель правления Ж. создали преступную группу с целью хищения денег. В 2015 году банк лишился лицензии. По данным Центрального Банка РФ (далее – ЦБ РФ), кредитная организация проводила высокорисковую политику, размещая средства в низкокачественные активы. Банк был признан банкротом. С целью хищения был заключен мнимый агентский договор об оказании банку услуг. По данному соглашению деньги были перечислены на счета аффилированных соучастниками организаций. Было похищено более 25 млрд руб. Денежные средства частично были преобразованы в активы на территории Лихтенштейна и Острова Кука (7 млрд руб.), в результате чего Л. и Ж. извлекли прибыль [2, с. 20–21].

Итак, первым этапом в данном случае выступила организация предпринимательской деятельности за рубежом за счет похищенных денежных средств. Второй этап выразился в последующем движении похищенных денежных средств к иным субъектам экономической деятельности. Третий этап – интеграция законно полученных от предпринимательской деятельности денежных средств и имущества в дальнейшее совершенствование предпринимательской деятельности, организованной на похищенные денежные средства.

Одним из последних ярких примеров легализации денежных средств является уголовное дело, возбужденное в отношении бывшего министра финансов Подмосковья А. Кузнецова, совершившего хищение денежных средств путем мошенничества (ст. 159 УК РФ) и растраты (ст. 160 УК РФ). Похищенные денежные средства были легализованы посредством фирм, принадлежащих жене А. Кузнецова, и переведены на счета в зарубежных банках. Затем на эти деньги приобреталась недвижимость, антиквариат, автомобили и т. п. [5].

Как видно из примеров, сущность легализации денежных средств и иного имущества, добытого преступным путем, может выражаться в различных действиях, направленных на сокрытие следов предикатного преступления и придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению незаконно добытых денег или имущества. Отсюда и используемый законодателем термин «легализация», т. е. «узаконивание». Однако стоит обратить внимание на тот факт, что законодатель как в названии, так и в диспозиции ст.ст. 174 и 1741 УК РФ, не отказался от слова «отмывание», имеющего мало общего с юридической терминологией и использовавшегося по одной версии известным преступником Аль Капоне, незаконно реализовывающим спиртосодержащую продукцию, а полученные от реализации деньги смешивавшим с наличным оборотом американских прачечных, а по другой – введенного газетой «The Guardian» в ходе освещения факта незаконного финансирования избирательной кампании кандидата в президенты США Ричарда Никсона.

Подобный подход законодателя можно объяснить лишь с той позиции, что термин «легализация» по своему первоначальному смыслу применяется для определения процесса, в ходе которого тот или иной факт становится юридическим, документально закрепленным и утвержденным, при этом до легализации

он не являлся нарушением закона, а признавался просто событием.

Что касается придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и иным имуществом, добытым в результате совершения преступления, то данный процесс, по сути, является противозаконным изначально и не может ни при каких условиях стать правомерным. Таким образом, «легализация» – условный термин, используемый законодателем как наиболее полно отражающий суть юридического факта, но тем не менее требующий уточнения за счет термина «отмывание».

Необходимо отметить также, что понимание термина «легализация» в трактовке ФЗ № 115 не совпадает с определением, предложенным международным нормативным актом – Конвенцией против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Конвенция не указывает особую цель легализации – придание правомерного вида пользованию, владению или распоряжению имуществом, добытым преступным путем, в отличие от национального законодательства. УК РФ отсутствие подобной цели при наличии схожих признаков объективной стороны преступления связывает уже с другим противоправным деянием – приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ).

Согласно экономическому словарю легализацию понимают в двух смыслах:

1) узаконение, придание юридической сил, разрешение деятельности организации;

2) подтверждение подлинности и юридической силы документа, выданного в другом государстве, в форме удостоверительной надписи [6, с. 201].

Ни одно из предложенных определений не подходит под вид деятельности, описанный в ст.ст. 174, 1741 УК РФ. Незаконно полученные денежные средства или имущество ни при каких обстоятельствах не смогут приобрести статус приобретенных на законных основаниях. Слово «отмывание» не соответствует юридической терминологии. С учетом изложенного уместно вести речь о фиктивной легализации, т. е. о придании мнимого правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или имуществом, добытым преступным путем, при фактически длящемся преступлении. Поэтому, на наш взгляд, стоит рекомендовать законодателю внести изменения в ст.ст. 174 и 1741 УК РФ, заменив в названиях и диспозициях указанных норм слова «легализация (отмывание)» словами «фиктивная легализация». Еще один вариант корректировки нормы – замена слов «легализация (отмывание)» словами «незаконное придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению». Однако в силу своей громоздкости последняя формулировка проигрывает, хотя наиболее полно раскрывает суть явления.

Рассматривая вопрос о детерминантах преступности и отдельного вида преступлений, в криминологии принято выделять причины и условия. Причины легализации очевидны и являются как бы продолжением причин предикатных преступлений. Их две: алчность и необходимость сокрытия следов предикатного преступления. Чтобы решить вопрос об объективных причинах легализации денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем, как негативное социальное явление, выступающих условиями для предикатных преступлений, необходимо рассмотреть особенности общественных отношений в различных сферах.

Росфинмониторинг выделяет четыре сферы, в которых совершаются предикатные преступления, а полученным в результате преступлений денежным средствам в последствии придается легальный статус:

– бюджетная сфера (хищение государственных средств и активов, налоговые преступления);

– коррупция (злоупотребление должностными полномочиями, получение и дача взяток, коммерческий подкуп);

– кредитно-финансовая сфера (мошенничество);

– незаконный оборот наркотиков.

Объективные причины и условия легализации совпадают с причинами совершения предикатных преступлений в указанных сферах.

1. Бюджетная сфера.

Среди условий совершения преступлений в бюджетной сфере можно назвать следующие:

а) недостатки в организации служебной деятельности должностных лиц: нерациональное распределение обязанностей; недостаточная или чрезмерная загруженность должностных лиц; отсутствие четкой регламентации прав и обязанностей; ненадлежащий внутренний контроль за выполнением должностным лицом действий, связанных с расходованием бюджетных средств;

б) недостатки в подборе и расстановке кадров: принятие на ответственные должности недобросовестных лиц (в том числе в силу коррупционных связей);

в) отсутствие эффективной системы финансового контроля [7, с. 27].

С целью устранения перечисленных причин, условий и возникающих в связи с ними рисков органами государственной власти осуществляется межведомственное взаимодействие. В профилактических и предупредительных мероприятиях принимают участие Росфинмониториг, Федеральная антимонопольная служба, прокуратура, органы внутренних дел. Также в финансовой разведке совместно с Росфинмониторингом принимает участие Счетная Палата Российской Федерации и в необходимых случаях аудиторы.

Так, например, в результате межведомственного взаимодействия выявлена и пресечена деятельность картеля, действовавшего на тендерах по строительству, реконструкции (ремонту) аэропортов и взлетно-посадочных полос в рамках Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010–2020 гг.)». В результате компании договорились не конкурировать на торгах и заключать контракты по начальной (максимальной) цене контракта или с незначительным снижением на общую сумму 24,7 млрд руб. [2, с. 26].

2. Коррупция.

Причины коррупции остаются неизменными на протяжении веков. Прежде всего это жажда наживы и стремление получить более высокий социальный статус. Коррупция появляется и растет, если государство чрезмерно вмешивается в различные сферы экономической жизни (вводит экспортно-импортные ограничения, предоставляет субсидии и налоговые льготы предприятиям и отраслям, контролирует цены, проводит политику множественных валютных курсов).

Причины коррупции принято делить на экономические (которые указаны выше), институциональные и социально-культурные. К институциональным причинам относится высокий уровень закрытости в работе государственных ведомств, громоздкая система отчетности, отсутствие прозрачности в системе законотворчества, слабая кадровая политика государства, допускающая возможности продвижения по службе вне зависимости от действительных результатов работы служащих. Социально-культурными причинами коррупции выступают деморализация общества, недостаточная информированность и организованность граждан, общественная пассивность.

В целях минимизации коррупционных рисков предусмотрено предоставление в установленный срок федеральными государственными служащими и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также полная и тщательная про-

верка данных сведений и соблюдения перечисленными лицами ограничений, запретов и обязанностей, предусмотренных Указами Президента РФ от 21 сентября 2009 г. №№ 1065, 1066.

Так, примером выявления преступных деяний на основании представленных сведений о доходах и расходах может служить громкое дело бывшего заместителя руководителя управления Росрезерва по СФО, обвиняемого в получении взяток от предпринимателей на общую сумму около 110 млн руб. Полученные незаконным путем деньги в последствии были легализованы, на них приобретено десять автомобилей, коллекция часов и охотничьих ружей [8].

3. Кредитно-финансовая сфера.

Причинный комплекс преступлений в кредитно-финансовой сфере, как и в коррупционной, отличается сложностью и состоит из целых групп причин:

а) социально-экономических: неэффективная модель экономических преобразований; неэффективная социально-экономическая политика; относительно низкое качество аудиторской деятельности; неэффективность контроля за формированием уставного капитала коммерческих банков; недостатки контроля за правомерностью открытия счетов;

б) социально-политических: ослабление государства и институциональные дисфункции; неэффективность системы контроля за деятельностью банков;

в) правовых: несовершенство правовых регуляторов общественных отношений; незащищенность субъектов экономической деятельности от недобросовестных сделок, в том числе и уголовно-правовыми средствами;

г) социально-психологических: неудовлетворенность своим социальным статусом; избегание решения проблем сложным, но законным способом.

В 2018 года с целью повышения эффективности профилактической деятельности в кредитно-финансовой сфере Росфинмониторингом были разработаны методические рекомендации для аудиторов. В рекомендациях содержатся положения о том, как выявлять сомнительные сделки клиентов и сообщать об этом в финразведку. Одной из эффективных заградительных мер является отказ банка в обслуживании клиента или проведении сомнительных операций. Так, на основании анализа информации, поступившей из ЦБ РФ, выявлена группа физических лиц, связанная с А., которая причастна к выводу активов из ряда банков с использованием подконтрольных ей инвестиционных компаний и кредитных организаций. Указанный анализ лег в основу уголовных дел [9].

4. Незаконный оборот наркотиков.

Данный вид преступной деятельности характеризуется сложным причинным комплексом. С точки зрения экономики, оборот наркотиков – прибыльный бизнес, поскольку потребители готовы платить большие суммы за требуемый товар. Для стран с низким уровнем экономического развития наркобизнес является едва ли не самым прибыльным видом деятельности. Отсутствие надлежащего контроля за оборотом наркотикосодержащих лекарственных препаратов в фармацевтической и медицинской сферах выступает как причиной, так и одним из условий распространения наркопреступлений. Одной из причин являются и психологические факторы, когда лица, не сумевшие преодолеть жизненные сложности, не могут противостоять желанию употребить наркотические средства якобы для улучшения своего морального состояния.

Схема легализации денежных средств через криптовалюту является сегодня одной из самых популярных. К примеру, в результате совместной работы Росфинмониторинга с МВД по Республике Алтай выявлены факты получения расчетов за реализацию наркотиков с использованием криптовалюты. В ходе финансового расследования, установив номер «Bitcoin-кошелька», уда-

лось проследить дальнейшие транзакции по обмену через онлайн-обменник в безналичные денежные средства, которые через электронный кошелек были зачислены на банковскую карту фигуранта. Материалы легли в основу уголовного дела по легализации наркодоходов с обвинением фигуранта по ст.ст. 2281 и 1741 УК РФ [2, с. 41]. Таким образом, причины легализации вытекают из причин и условий совершения предикатных преступлений (хищений, должностных, налоговых преступлений).

По факту легализацию можно представить в качестве последнего или заключительного этапа переформирования преступности в эффективный и высокодоходный вид нелегального предпринимательства [10, с. 131]. По справедливому утверждению В. Е. Батюковой, первоочередная роль в противодействии легализации отводится банковским учреждениям, которые выступают своего рода наблюдателями, могут отслеживать законность финансовых операций, предотвращать незаконные действия самостоятельно и передавать информацию в правоохранительные органы [10, с. 132].

Кроме эффективной деятельности банков, огромное значение имеет международное сотрудничество в сфере противодействия легализации, учитывая тот факт, что значительная часть незаконно полученных денежных средств направляется за рубеж. Среди наиболее известных международных проектов «Взаимная ‘‘заморозка’’», «Типологии отмывания преступных доходов». В настоящее время свою работу на международном уровне осуществляет ряд совещательных органов, которые реализуют многочисленные проекты, направленные на противодействие легализации:

– ФАТФ, о которой выше уже упоминалось (проводит исследование, касающееся профессиональных сетей отмывания денежных средств);

– МАНИВЭЛ (Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег);

– ЕАГ (Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма);

– АТГ (Азиатско-Тихоокеанская группа);

– СРПФР (Совет руководителей подразделений финансовой разведки Содружества Независимых Государств).

Таким образом, в целях совершенствования законодательного регулирования противодействия легализации преступных доходов необходимо рекомендовать законодателю внести изменения в ст.ст. 174 и 1741 УК РФ, заменив в названии и диспозиции указанных статей слова «легализация (отмывание)» словами «фиктивная легализация». С учетом того, что причины и условия легализации в значительной степени предопределены причинами и условиями предикатных преступлений, первоочередное внимание следует уделить профилактическим мерам по отношению к последним. Особое внимание в предупреждении легализации следует уделить выработке алгоритма взаимодействия банков с правоохранительными органами.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности январь – декабрь 2019 г. URL: http:// www.mvd.ru/statistic (дата обращения: 31.03.2020).

2. Отчет о деятельности Росфинмониторинга за 2018 год. М., 2019. 52 с.

3. Любарская М. А., Гаченко М. С. Проблема отмывания денежных средств, полученных преступным путем, в российской экономике // Экономические исследования и разработки. 2019. Вып. 5. С. 156–161.

4. Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 31.03.2020).

5. Взлет и падение министра. Бывший министр финансов Подмосковья Алексей Кузнецов начал знакомиться с материалами своего уголовного дела // Российская газета. 2019. 9 января.

6. Разберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. 497 с.

7. Лукин В. К., Петров Д. В. Причины преступлений в бюджетной сфере и их устранение // Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 15. С. 27–32.

8. Бывшего чиновника лишили коллекции ружей и автопарка. У экс-замглавы сибирского Росрезерва конфисковали деньги и имущество на 200 млн руб. // Коммерсантъ. 2018. 23 апреля.

9. Невозвратный кредит проведут по статье. Дело банкира Владимира Антонова направлено в суд // Коммерсантъ. 2019. 13 февраля.

10. Батюкова В. Е. Вопросы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 131–134.

© Бархатова Е. Н.

УДК [316.624.2:004.77]:159.922.763

А. В. ПУТИНЦЕВА, *адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)*

A. V. PUTINTSEVA, *Postgraduate of the Department of Criminal Law and Criminology Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk)*

РАЗВИТИЕ ФЕНОМЕНА «КИБЕРБУЛЛИНГ»: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

DEVELOPMENT OF THE CYBERBULLING PHENOMENON: ANALYSIS OF APPROACHES TO DEFINITION

Аннотация. *Научно-технический прогресс обусловливает появление новых явлений в общественной жизни общества. Одним из наиболее опасных проявлений развития науки и техники является возникновение новых видов преступлений в информационно-телекоммуникационной сети. Так, одним из проявлений Интернет-опасности в сети является кибербуллинг, который необходимо считать наиболее агрессивной формой девиации. Кибербуллинг представляет собой новый феномен Интернет-коммуникации, который в настоящее время активно развивается и характеризуется как вид психологического буллинга, совершающейся посредством применения современных информационных технологий, направленных против жертвы. Феномен кибербуллинга является актуальной проблемой и нуждается в обсуждении и поиске методов решения.*

Ключевые слова и словосочетания: *Интернет, информационные технологии, феномен, буллинг, кибербуллинг, подростки, травля, агрессия.*

Annotation. *Scientific and technological progress leads to the emergence of new phenomena in the public life of society. One of the most dangerous manifestations of the development of science and technology is the emergence of new types of crimes in the information and telecommunication*

network. So, one of the manifestations of Internet danger on the network is cyberbullying, which must be considered the most aggressive form of deviation. Cyberbullying is a new phenomenon of Internet communication, which is currently being actively developed and characterized as a type of psychological bullying, committed through the use of modern information technologies directed against the victim. The phenomenon of cyberbullying is an urgent problem and needs to be discussed and sought for solutions.

Keywords and phrases: *Internet, information technology, phenomenon, bullying, cyberbullying, adolescents, bullying, aggression.*

Новейшие информационные технологии постепенно проникают в мировое информационное пространство и затрагивают все новые сферы жизнедеятельности человека и современного общества. Возможности, которые открывает перед людьми Всемирная сеть, поистине безграничны, это и получение образовательных услуг, и возможность выбора разного вида информации из информационного пространства в любой точке мира, и виртуальное общение. Все это лишь краткий перечень возможностей, которые представляет Всемирная сеть. Интернет является мощнейшим ресурсом, который расширяет жизненное пространство людей, делая социальное взаимодействие более доступным.

В настоящее время научно-технический прогресс обусловливает появление новых явлений в общественной жизни общества, в том числе новых видов преступных посягательств, одним из которых является кибербуллинг как наиболее агрессивная форма девиации. Проводя большое количество времени в социальных сетях, молодежь подвергает себя опасности стать жертвой киберпреступлений. При этом детская аудитория более доверчива, наивна и легко поддается манипулятивным уловкам, а также недостаточно информирована об опасностях в Интернете, где агрессия, травля и мошенничество получают широкое распространение.

Кибербуллинг – это современное понятие, которое обозначает психологическое насилие в сети. Первичным же было понятие «буллинг» (от англ. «bullying» – хулиган, насильник), обозначающее насилие, запугивание, направленное на то, чтобы вызвать у жертвы страх и тем самым подчинить себе [1, с. 218]. Буллинг относительно новый термин, обозначающий старое, можно сказать, вековое явление – детскую жестокость.

В научном современном мире буллинг рассматривается как опасная социально-педагогическая проблема. Первое упоминание о буллинге появилось еще в 1905 году, когда английский психолог К. Дьюкс исследовал данный феномен. В дальнейшем его разработки были положены в основу целого ряда трудов различных европейских исследователей. В 90-е гг. XX в. сведения о буллинге были систематизированы такими учеными, как Д. Олвеус, Д. Лэйна, Е. Роланд, А. Пикас, П. Хайнеманн, Е. Мунте и др.

Норвежский ученый Дэвид Олвеус в 70-х гг. XX в. провел комплексное исследование буллинга и определил его как особый вид насилия, при котором один человек или же группа лиц физически нападает или угрожает другому человеку или группе лиц, последний из которых значительно слабее и не может себя защитить ни физически, ни морально. По его утверждению, отличительными особенностями буллинга выступают: регулярная повторяемость на протяжении определённого промежутка времени и то, что субъекты взаимодействия, в данном случае «обидчик» и «жертва», как правило, являются представителями одной и той же социальной группы [2, с. 54]. Выявленные Д. Олвеусом отличительные характеристики буллинга позволяют понять разницу между данным

явлением и случайной дракой либо ссорой, которые иногда происходят между различными людьми.

В дальнейшем было проведено множество зарубежных исследований, которые позволили глубже понять проявление данного феномена, а также вывить факторы, его вызывающие. В частности, американский исследователь Дэвид Иден Лэйн описывает буллинг как сложный и скрытый процесс, в котором есть жертвы и преследователи, взаимодействие между ними, а также позиция по отношению к происходящему негативному явлению взрослых и школы. По утверждению автора, буллинг характеризуется как длительное физическое или психическое насилие со стороны одного человека или группы в отношении отдельного ученика, который в данной негативной ситуации не может за себя постоять [3, с. 240].

Буллинг – это в первую очередь форма насилия, которая имеет место в школьной среде. Так, исследователь С. Арора пришел к выводу о том, что буллинг – это агрессивные действия, имеющие место в общении между молодыми людьми в школе [4, с. 12]. Современный финский социолог Кристина Салмивалли также подчеркивает социальную природу буллинга, ссылаясь на широкий диапазон ролей его участников, выходящий за рамки отношений между хулиганом и жертвой [5, с. 112].

В 2015 году официальный журнал Американской психологической ассоциации «American Psychologist» опубликовал специальный выпуск, посвященный буллингу. В данном журнале буллинг рассматривался как сложное явление, на которое оказывают воздействие различные факторы, влияющие на обе стороны в индивидуальной, семейной, коллегиальной группе, школе и сообществе [6, с. 344].

В отечественных исследованиях данная проблема также нашла свое отражение в работах различных авторов, таких как И. С. Бердышев, И. С. Кон, В. Е. Бесаг и др. Так, отечественный психотерапевт Илья Бердышев под школьным буллингом понимает продолжительное сознательное насилие, исходящее от одного или нескольких человек и не носящее характера самозащиты, которое направлено на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его [7, с. 3].

С. Г. Куприянова дает более расширенное толкование данному явлению и рассматривает буллинг как отдельное социальное явление, при помощи которого человек скрывает свою несостоятельность посредством целенаправленной агрессии, направленной на другого человека. По утверждению автора, подростки, которые когда-либо подверглись насилию, склонны испытывать стыд и неуверенность в себе и предпочитают не сообщать никому о произошедших издевательствах и унижениях [8, с. 266].

Необходимо отметить, что сама категория буллинга рассматривается различными авторами по-разному, но в одном их понятия тождественны: школьный буллинг – это регулярное, сознательное насилие, осуществляемое в одиночку или группой людей, целью которого является желание навредить другому, и направленное против определенного человека, который психологически и (или) физически слабее.

Таким образом, буллинг является сложной проблемой, представляющей собой агрессивное поведение, проявляющееся в относительно устойчивых группах и способное вовлекать и включать в себя несоответствие силы и власти, что приводит жертву в состояние, в котором она не может эффективно защитить себя от отрицательного воздействия из вне.

Новое время, построенное на развитых информационных технологиях, внесла свои коррективы, вследствие чего появился кибербуллинг как новый феномен Интернет-коммуникации, который в настоящее время получил активное развитие. Под кибербуллингом принято понимать один из видов агрессивного

поведения. Термином «byllying» в англосаксонском варианте обозначается психотеррор, который переводится как «издеваться, запугивать, донимать и тиранить», а префикс «cyber» означает «связанный с компьютерами, информационными и иными технологиями» [9, с. 16].

Первые эпизоды кибербуллинга появились еще в XX в., тогда Интернет только начинал завоевывать всемирное пространство. Одной из известных жертв агрессоров стала Моника Левински, ее имя долго обсуждалось во всех мировых изданиях. После скандала с президентом США Моника подверглась настоящей травле, её электронную почту взломали, телефон разрывался от хулиганских звонков, она была завалена различными посланиями с угрозами. С тех пор травля человека в Интернете приобрела громадные масштабы. Жертвами кибербуллинга в наши дни становятся подростки, они считаются самыми активными пользователями Интернета.

В настоящее время феномен кибербуллинга развит во многих развитых странах, таких как Соединённые Штаты Америки, Канада, страны Европы, Австралия и другие страны, где государственные органы вынуждены все больше внимания уделять данной проблеме. В последние годы рассматриваемый феномен становится популярным среди зарубежных и российских исследователей, проводится множество работ по его изучению и противодействию в современном мире. Для начала необходимо отметить, что эти два слова «феномен кибербуллинга» употребляются в одной связи, потому как феномен, то есть вещь, очевидно, до конца неизученная, остается таковой, поскольку распространяется на крайне непредсказуемой площадке – в Интернете и социальных сетях, являясь к тому же новым веянием, идущим вслед за развитием информационных технологий. В пользу этой версии является факт появления термина, который возник в 2000-х гг. и напрямую связан с повсеместным распространением Интернета [10, с. 235].

Впервые сам термин «кибербуллинг» был введен Биллом Белсеем, который определил его как использование информационных или коммуникационных технологий для преднамеренного, повторяющегося и враждебного поведения, намеревающегося нанести вред другим [11, с. 187]. Исследователи Джастин Пэтчин и Самир Хиндуя кибербуллинг определяют как повторяющиеся и преднамеренные нападки, которые совершаются с использованием различных современных электронных технических средств [12, с. 129]. Основанный ими американский Центр исследования кибербуллинга проводит собственные исследования и выпускает специализированные брошюры, посвященные проблеме кибербуллинга и его диагностике, предупреждению и профилактике, ориентированные на разные категории людей.

В российской доктрине феномен кибербуллинга начали целенаправленно изучать относительно недавно, несмотря на то что данная проблема является крайне актуальной и острой. Среди отечественных исследователей эту проблему изучали С. И. Анохин, С. Е. Ковалева, Д. Е. Щипанова, Л. А. Найденова, И. С. Осипов, У. У. Парфентьев и др., которые исследуют влияние кибербуллинга на современное общество и разрабатывают способы защиты от него.

Стоит отметить, что в России понятийный аппарат данного явления ещё не сформирован, поскольку отсутствует законодательно регламентированное определение кибербуллинга. Российский исследователь С. И. Анохин под кибербуллингом понимает целенаправленные агрессивные умышленные действия, совершаемые группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм воздействия в отношении жертвы, которая не может себя защитить [13, с. 210].

С. И. Ковалева в своем научном труде говорит о такой возникающей в резуль-

тате киберпреступности современной проблеме, как кибербуллинг, под которой понимает непрерывное отправление сообщений, содержащих оскорбления, агрессию, угрозы, рассылки унижающей информации. По ее мнению, кибербуллинг представляет собой самую опасную форму онлайн-агрессии, поскольку человек может пострадать не только психологически, эмоционально, но также и физически. В результате такой агрессии у жертвы могут возникнуть разные последствия: замыкание в себе, избегание социума, суицидальные состояния и намерения. Прежде всего это касается подростков, чья психика еще не окрепла. Одним из самых простых способов защиты является изменение настроек приватности, то есть закрытый доступ к странице в социальных сетях для того, чтобы перекрыть доступ лишней негативной информации [14, с. 123].

По утверждению А. И. Черкасенко, под кибербуллингом следует понимать преднамеренные агрессивные действия, направленные против жертвы, которые осуществляются систематически на протяжении определенного промежутка времени с использованием различных электронных форм взаимодействия, от игриво-шуточного до психологического виртуального террора, результатом которого может стать самоубийство [15, с. 53]. По утверждению автора, основной целью кибербуллинга является ухудшение эмоциональной сферы жертвы и/или разрушение ее социальных отношений.

Исследователь Д. Е. Щипанова в свою очередь определяет кибербуллинг как преднамеренное, многократно повторяющееся воздействие на человека при помощи современных технологий, включающее в себя рассылку оскорбительных сообщений, распространение в Интернете неправдоподобных сведений с участием самого пострадавшего [16, с. 622]. По мнению А. С. Зинцовой, в настоящее время кибербуллинг получил такое широкое распространение благодаря тому, что электронные средства коммуникации стали доступными, что способствует быстроте передачи и ретрансляции информации, при этом проявление агрессии дистанционно не позволяет увидеть реакции жертвы и влияния своего поступка, а также не вызывает чувства сопереживания [17, с. 123].

Стоит отметить, что некоторые исследователи утверждают, что понятийный аппарат данного явления ещё не сформирован. Так, например, А. А. Бочавер и К. Д. Хломов отмечают, что это совсем новая область исследований с пока не устоявшейся терминологической системой [18, с. 178]. Отдельно необходимо отметить, что в современном мире Интернет выполняет функцию некого ориентира, который способствует формированию сознания людей, приобретению или подтверждению вкусов, предпочтений, взглядов и привычек. Большинство детей и подростков посвящает все свое свободно время Интернету и социальным сетям, при этом их родители даже не подозревают о том, что их ребенок, проводя свободное время в информационном пространстве, может быть подвергнут виртуальной агрессии.

Некоторые исследователи изучают данное явление на всех возможных площадках и во всех медиа, в то время как другие изучают только конкретные инструменты (например, веб-камеры) или площадки (например, сетевые игровые платформы). Подобный дисбаланс в итоге приводит к появлению узконаправленных выводов относительно такого явления и степени его распространения, что в лучшем случае приводит к полному представлению, а в худшем – к дезориентации и ложной информации относительно рассматриваемого феномена. Действительно, в современном мире кибербуллинг представляет собой совсем новую область исследований с неустоявшейся пока терминологической системой, в связи с тем, что данный вид онлайн-агрес-

сии осуществляется с использованием различных современных информационных технологий коммуникации.

Таким образом, обобщая выше сказанное, необходимо отметить, что первичным было понятие «буллинг», представляющее собой социальное поведение, включающее в себя несоответствие силы и власти, что приводит жертву в состояние, в котором она неспособна эффективно защитить себя от отрицательного воздействия из вне и проявляется в относительно устойчивых группах.

Кибербуллинг представляет собой новый феномен Интернет-коммуникации, который в настоящее время активно развивается и характеризуется как вид психологического буллинга, совершающийся посредством информационных технологий, с помощью которых осуществляется преднамеренное агрессивное действие, направленное против жертвы.

В научном мире существует большое количество мнений о природе зарождения кибербуллинга, механизмах его протекания и результатах его воздействия, тем не менее данное явление все еще считается малоизученным и требует фундаментальных теоретических исследований как основы формирования эпикритических знаний о нем. Понятийный аппарат рассматриваемого явления ещё не сформирован, поскольку отсутствует законодательно регламентированное определение как буллинга, так и кибербуллинга. Существующая научная литература, изучающая кибербуллинг, в большей степени носит статистический, а не описательный характер. Таким образом, необходимо прийти к выводу о том, что в современной науке нет четкой и устоявшейся терминологии и единства мнений относительно рассматриваемого феномена.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский словарь общей лексики «Lingvo Universal». URL: https://dic.1963.ru/121 (дата обращения: 18.01.2020).

2. Olweus D. Bullying: What We Know and What We Can Do. Oxford: Basil Blackwell, 1993. 140 p.

3. Лэйн Д. А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна, Э. Миллера. СПб.: Питер, 2001. 438 с.

4. Arora C. M. J. Measuring bullying with the life in School checklist // Patoral Care in Education. 1994. № 12. P. 11–15.

5. Salmivalli C. Bullying and the peer group: A review // Aggression and Violent Behaviour. 2010. P. 112–120.

6. Swearer S. M., Hymel, S. Understanding the Psychology of Bullying: Moving Toward a Social-Ecological Diathesis-Stress Model // American Psychologist. 2015. № 70 (4). P. 344–353.

7. Бердышев И. Лекарство против ненависти // Первое сентября. 2005. № 18. С. 3–8.

8. Куприянова С. Г. Агрессивное поведение школьников: причины, последствия, профилактика // Продуктивное обучение: опыт и перспективы: материалы X Международной научной конференции. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2018. С. 265–271.

9. Колодей К. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 368 с.

10. Харитонова А. О., Викторова А. С., Тазетдинова А. А. Феномен кибербуллинга как угроза негативного влияния на детей школьного возраста // Новая наука и формирование интегративно-целостного мышления: сборник статей. Казань, 2017. С. 235–241.

11. Belsey B. Cyberbullying: An emerging threat to the «always on» generation. URL: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf (дата обращения: 18.01.2020).

12. Hinduja, S., Patchin, J. W. Cyberbullying: An exploratory analysis of factors related to offending and victimization // Deviant Behavior. 2008. № 2. P. 129–156.

13. Анохин С. М., Анохина Н. Ф. Травля учителя – симптом неблагополучия // Народное образование. 2015. № 4. С. 209–212.

14. Ковалева С. Е. О некоторых актуальных социально-психологических проблемах виртуальной коммуникации в информационную эпоху // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2017. № 5-6. С. 122–127.

15. Черкасенко О. С. Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2015. № 6. С. 52–54.

16. Щипанова Д. Е. Кибербуллинг как фактор риска в образовательной среде // Новые информационные технологии в образовании: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2015. С. 619–623.

17. Зинцова А. С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 122–128.

18. Бочавер А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Журнал Высшей школы экономики. Психология. 2014. № 3. С. 177–191.

© Путинцева А. В.

УДК 343.6:616-051(091)

К. А. ЧЕФРАНОВ, *адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров по кафедре уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва)*

K. A. CHEFRANOV, *Postgraduate of Faculty of Training Scientific-pedagogical and Scientific Personnel in the Chair of Criminal Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow)*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ИЛИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПАЦИЕНТОВ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

CRIMINAL LIABILITY OF MEDICAL PERSONNEL FOR CAUSING HARM OR DEATH TO HEALTH OF PATIENTS IN PROVIDING MEDICAL CARE: HISTORICAL ASPECT

Аннотация. *Данная статья посвящена последовательному анализу становления и развития института уголовной ответственности медицинских работников за недобросовестное исполнение своих профессиональных обязанностей. Рассматривается исторический очерк общественных отношений, возникающих в результате недобросовестного врачевания. Содержание предлагаемой для изучения научной статьи наглядно демонстрирует тот факт, что проблема привлечения врачей к уголовной ответственности была актуальна всегда и остаётся таковой и в настоящее время. Указывается на имевшийся ранее опыт в дифференциации ответственности медицинских работников за совершение ими криминальных ятрогений, а также на различные подходы к наказанию профессиональных работников сферы здравоохранения за виновное причинение вреда пациентам. Детально изучается предложение реформирования действующе-*

го отечественного уголовного законодательства, которому даны предложения по более верной (по нашей точке зрения) формулировке. Автор показывает значимость рассматриваемого вопроса через призму законодательного регулирования в разные периоды истории, подчеркивая тот факт, что решение проблемы до настоящего момента не было найдено.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовная ответственность, врачебная ошибка, причинение смерти, причинение вреда здоровью, оказание медицинской помощи.*

Annotation. *This article is devoted to a consistent analysis of the formation and development of the institution of criminal liability of medical workers for the unfair performance of their professional duties. This paper considers the historical outline of social relations arising as a result of unscrupulous healing. The content of the scientific article proposed for study is clearly demonstrated by the fact that the problem of bringing doctors to criminal responsibility has always been relevant and remains so at present. It points out the previous experience in differentiating the responsibility of medical workers for their criminal iatrogenic effects, as well as various approaches to punishing professional health workers for guilty harm to patients. The proposal for reforming the current domestic criminal law is being studied in detail, which has been given proposals for a more accurate (in our opinion) wording. The author shows the significance of the issue under consideration through the prism of legislative regulation at different periods of history, emphasizing the fact that no solution to the problem has been found to date.*

Keywords and phrases: *criminal liability, medical error, causing death, causing harm to health, providing medical care.*

Тема ответственности медицинских работников за причинение смерти или вреда здоровью пациентов в ходе исполнения своих профессиональных обязанностей являлась дискуссионной на протяжении долгого времени. Интерес общества к данной теме всегда подогревал тот факт, что на одной из чаш весов – совершение медицинского чуда и излечение, казалось бы неизлечимо больного человека, на другой же – совершение деяния, причиняющего вред здоровью пациента в результате неквалифицированного выполнения медицинским персоналом своих профессиональных обязанностей.

Государство всегда формировало отношение общества к виновным за совершение врачебных ошибок либо смягчая ответственность за их причинение, либо, наоборот, принимая более строгие меры, которые в свою очередь не противоречат религиозным воззрениям и морально-этическим устоям общества на каждом этапе исторического развития общества.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в любой сфере деятельности человеку свойственны ошибки, вне зависимости от его профессии. В то же время ни в одной из сфер трудовой деятельности совершению ошибок не уделяется такого пристального внимания, как в медицине. Вышеуказанное суждение легко объяснимо тем, что в результате недобросовестного лечения могут наступить тяжкие последствия, такие как нетрудоспособность, инвалидность, а в некоторых случаях и смерть пациента.

Во все времена при помощи норм религии, морали, нравственности, а позднее и права деятельность врачей строго регламентировалась. Первые упоминания об ответственности врачей за недобросовестное оказание медицинских услуг встречаются в законах древнего Вавилона [1]. В Своде законов Хаммурапи имелись три параграфа об ответственности врачей за виновное причинение вреда, наступившего в результате лечения. В Своде законов Вавилона и объединенной Месопотамии указывалось: «Если врач сделает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом и излечит человека или снимет бельмо человека бронзовым ножом и вылечит глаз человека, то он должен получить 10 сикелей серебра.

Если врач сделает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом и причинит смерть этому человеку или неудачно снимет бельмо человека бронзовым ножом, то ему должно отрезать пальцы» [2].

В таблице VIII памятника древнеримского права – «Законе 12 таблиц» говорилось: «Если причинить членовредительство и не примириться с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое» [3]. Данная норма, по мнению автора настоящей статьи, могла относиться к врачу, совершившему ошибку в ходе лечения пациента. Логичным видится вывод о том, что если в результате лечения пациент погибал, то и врач наказывался смертной казнью. При этом доктрина института Римского частного права допускала возможность невиновного причинения врачом вреда пациенту вследствие тяжести заболевания, перенесенного последним. В то же время за деяние, аналогичное вышеприведенному, в Древней Месопотамии врач наказывался отсечением пальцев.

Независимо от результата лечения врачи Древнего Египта, придерживавшиеся постулата «Священных книг», не несли наказания. Догматический характер медицины Древнего Египта заключался в том, что любое отступление от правил врачевания, которые были указаны в «Священной книге» или «Герметических книгах», каралось смертью. Интересен тот факт, что последние могли отказаться от оказания медицинской помощи пациенту, решив, что больной неизлечим. Так, например, в случае тяжелой травмы головы или сложных переломах костей больного сразу готовили к смерти, и силы на лечение такого пациента древнеегипетские врачи не тратили. В то же время если деятельность врача приводила к негативным последствиям, то он мог сказать: «Больной умер по всем правилам врачебного искусства», и за такой итог ответственность не наступала. В настоящее время практически невозможно определить, что было мерилом правды в случаях смерти пациента: совесть врача, профессиональное мнение коллег или суждение правителя государства [4].

Таким образом, в Древнем Египте впервые был введен в практику институт ответственности врачей не за наступление нежелательного исхода лечения, а конкретно за несоблюдение правил лечения, указанных в нормативном документе. Учитывая вышеизложенное, мы считаем, что ответственность врачей в древности была предельно строга, однако соответствовала принципам и моральным устоям общества того исторического периода.

Как отмечает доктор медицинских наук, профессор О. Е. Бобров: «В Древней Руси врачевание долгое время приравнивалось к колдовству и чародейству, а в случае причинения по своей вине вреда в ходе лечения врач нес ответственность за совершенное им деяние как за умышленное преступление» [5]. На Руси новатором в законотворчестве об ответственности врачей был Петр Первый, который издал указы в 1686 и 1700 гг., регламентировавшие наказание за ненадлежащее исполнение врачами своей профессиональной деятельности. Данные указы вошли в Боярский приговор «О наказании незнающих медицинских наук и по невежеству в употреблении медикаментов, причиняющих смерть больным», в соответствии с которым виновных врачей, причинивших тяжкий вред здоровью пациентов, привлекали к уголовной ответственности. Также в Военно-морском Уставе 1721 г. было указано, что «ежели лекарь своим небрежением к больному поступит, то яко злотворен наказан будет» [5]. В 1857 г. появился Врачебный Устав, просуществовавший вплоть до Октябрьской революции 1917 г., в результате которой были отменены все законы царского правительства.

Стоит заметить, что Врачебный Устав создавался государством по всем правилам в соответствии с требованиями того времени, не отвлекаясь на внутрен-

нюю борьбу, так как власть в России в тот момент была стабильна и устойчива. Основной функцией Врачебного Устава являлась формулировка обязанностей и квалификации медицинских работников (врачей, уездных фельдшеров, лекарей, повивальных бабок, вольнопрактикующих лиц). Врачебный Устав устанавливал: «Никто как из российских подданных, так и иностранцев, не имеющих диплома или свидетельства от университетов и военно-медицинской академии, не имеет права заниматься никакою отраслью врачебной или ветеринарной практики в России. Иностранные врачи, желающие заниматься врачебною практикой в России, обязаны сверх того непременно знать русский язык» [6]. В то же время в ст. 88 Врачебного Устава было закреплено: «Медицинским начальством будет признано, что если врач или оператор, или акушер по незнанию своего искусства делают явные, более или менее важные ошибки, то им воспрещается практика, доколе они не выдержат нового испытания и не получат свидетельств в надлежащем знании своего дела. Если от неправильного лечения последует кому-либо смерть или важный здоровью вред, то виновный, буде он христианин, предается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства» [7].

Из вышесказанного можно заключить, что в отношении медицинских работников в период Русского царства и во времена Российской империи применялись только материальные меры наказания или нравственное (чаще религиозное) порицание, но ошибка врача вследствие ненадлежащего оказания своих профессиональных услуг наказывалась по закону.

Одним из первых нормативных актов Советского периода был декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников», вступивший в законную силу 1 декабря 1924 г. В указанном декрете была предусмотрена уголовная ответственность для медицинских работников в случаях причинения тяжких повреждений или смерти пациенту в результате недобросовестного врачевания. Внимание общественности к уголовной ответственности врачей было привлечено обращением, поступившим из акушерско-гинекологического общества России в Народный Комиссариат здравоохранения в 1925 г. В указанном документе ставился вопрос относительно практики возбуждения уголовных дел в отношении врачей, связанных с их профильной деятельностью.

В обращении акушерско-гинекологического общества России говорилось о том, что за 4 года (в период с 1921 г. по 1925 г.) в отношении медицинского персонала было возбуждено 64 уголовных дела [8], общество возмутил тот факт, что в отношении акушеров-гинекологов органы следствия усмотрели признаки состава преступления в 27 случаях. Вносилось предложение о создании особых медицинских комиссий при университетских городах для внимательного изучения каждого отдельного случая. Указанное предложение не вызвало одобрения со стороны практиковавших юристов и части представителей медицинской профессии, которые считали целесообразным, что врачи должны нести ответственность наравне с остальными гражданами. УК РСФСР 1922 г. выделял медицинских работников в отдельную категорию.

Таким образом, врачи привлекались к ответственности за профессиональные и должностные преступления. Примером может служить ст. 165 УК РСФСР 1922 г. «Неоказание помощи больному без уважительной причины лицом, обязанным ее оказывать по закону или по установленным правилам». Санкция за совершение вышеуказанного преступления была следующая: «принудительные работы на срок до одного года или штраф до 500 рублей золотом». В свою очередь ст. 181 УК РСФСР

1926 г. была сформулирована следующим образом: «Нарушение правил по охране народного здравия, специально изданных в целях борьбы с эпидемиями». За совершение указанного преступления полагалось наказание в виде принудительных работ до шести месяцев или штраф до пятисот рублей [9]. Думается, что вышеуказанные статьи УК РСФСР неслучайно после определенной редакции нашли свое отражение в действующем уголовном законе, а именно в ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному» и ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил».

Основоположник русской военно-полевой хирургии Н. И. Пирогов писал: «Каждый добросовестный человек должен уметь признать и обнародовать свои ошибки, чтобы предостеречь от них менее сведущих людей» [10]. Следует отметить, что большинство медицинских практиков и ученых в области медицины советского периода считали крайне полезным изучать врачебные ошибки с целью недопущения подобных ситуаций в будущем. Благодаря данному мнению, которое разделяли советские медики, в 1936 г. в печать вышло руководство для врачей «Ошибки, опасности и непредвиденные осложнения при лечении хирургических заболеваний». При помощи названого руководства, в котором излагалось подавляющее большинство врачебных ошибок, советские медицинские работники имели достойную теоретическую опору, идентичную развитию медицинской науки того времени.

Уголовная ответственность врачей по УК РСФСР 1960 г. предусматривалась за: незаконное производство аборта (ст. 116), незаконное помещение в психиатрическую больницу (ст. 126.2), неоказание помощи больному (ст. 128), разглашение сведений, составляющих врачебную тайну (ст. 128.1), незаконное врачевание (ст. 221). Как видим, уголовные кодексы, принятые в РСФСР, содержали примерно тождественный состав норм об уголовной ответственности медицинских работников, в соответствии с которыми врач являлся субъектом преступления, поскольку преступность деяния определялась превышением (или невыполнением) определенных профессиональных или служебных полномочий.

Мы живём в информационном обществе, в котором утаить какую-либо проблему крайне проблематично. Каждое преступное деяние, совершенное врачом в ходе исполнения своих профессиональных обязанностей, в настоящее время формирует общественное мнение о системе здравоохранения в целом. После принятия действующего УК РФ решения проблемы привлечения медицинских сотрудников к уголовной ответственности не было найдено, а споры об усовершенствовании законодательства, охраняющего общественные отношения, возникающие между пациентом и медицинским работником при предоставлении медицинских услуг, ведутся по сей день. В настоящий момент в уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы, регламентирующие ответственность врачей за вред, виновно причиненный здоровью, и за причинение смерти пациентам при оказании медицинских услуг. Врач подлежит привлечению к уголовной ответственности на общих основаниях, а его деяния квалифицируются по следующим статьям УК РФ: 109 «Причинение смерти по неосторожности», 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности», 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», 293 «Халатность». Однако действующее законодательство в части, касающейся рассматриваемого вопроса, требует дополнения.

В 2016 г. по факту совершения преступлений, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи, следственными

органами СК РФ было возбуждено 878 уголовных дел, в 2017 г. – 1 791 уголовное дело, а в 2018 г. – 2 229 уголовных дел. В связи с тем, что число преступлений, обусловленных небрежным исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, продолжает расти, 26 ноября 2018 г. в штате следственных органов СК РФ были внесены изменения. Названные изменения коснулись организации отделов по расследованию преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг [11].

Проанализировав историю ответственности врачей за вред, виновно причиненный в процессе оказания медицинской помощи, полагаем, что в настоящий момент законодателю следует обратить внимание на уголовный закон, действовавший в советском государстве. В частности, не следует забывать опыт политики в сфере борьбы с преступлениями, совершаемыми медицинскими работниками, который был получен в советский период. Как указывалось выше, в УК РСФСР медицинские сотрудники выделялись в отдельную категорию. Мнение о том, что не стоит забывать советский уголовный закон разделяет председатель СК РФ А. И. Бастрыкин. Кроме того, в июле 2018 г. председатель СК РФ предложил ввести в УК РФ две дополнительные статьи: 124.1 «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)» и 124.2 «Сокрытие нарушения оказания медицинской помощи» [12].

На наш взгляд, данное предложение заслуживает внимания и дальнейшего развития в сфере реформирования законодательства об ответственности медицинских работников. В то же время в случае, если законодатель будет готов принять предложение СК РФ, важно будет разграничить предлагаемую ст. 124.1 УК РФ со смежными составами преступлений: ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», ст. 124 «Неоказание помощи больному», ст. 125 «Оставление в опасности» УК РФ. Также следует отметить, что предложение СК РФ в части, касающейся ст. 124.2 УК РФ, по нашему мнению, крайне уязвимо, так как «сокрытие нарушения оказания медицинской помощи» не отвечает признакам преступления по степени общественной опасности, а скорее соответствует дисциплинарному проступку сотрудника сферы здравоохранения.

Проблема привлечения врачей к уголовной ответственности за преступления, совершаемые ими в процессе осуществления своей профессиональной деятельности, возникшая в XVII веке до н. э., до настоящего времени не разрешена, и следует назвать её классической. В связи с прогрессом уровня медицинской деятельности естественно возникает и потребность в обеспечении достойного уровня законодательного регулирования сферы охраны жизни и здоровья населения. Современная отечественная уголовная политика в области медицины базируется на нормах, которые не соответствуют уровню развития медицины, вследствие чего нуждаются в реформировании.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Черниловский З. М. Хрестоматия по общей истории государства и права. М., 1996. 412 с.

2. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права: в 2-х т. / под ред. К. М. Батыра, Е. В. Поликарповой. М., 1996. Т. 2. 520 с.

3. Косарев А. Н. Римское право: учебник. М., 2001. 192 с.

4. Яровинский М. М. Проблема ошибки в профессиональной деятельности медицинских работников // Медицинская помощь. 1996. № 6. С. 41–46.

5. Бобров О. Е. Медицинские преступления: правда и ложь. Петрозаводск: ИнтелТек, 2003. 193 с.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Том XXXII. Отделение 1. 1857 г. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1858.

7. Хлапов А. Л., Першина Н. К., Тарасов В. В. Развитие российского законодательства о преступлениях в сфере здравоохранения // Вестник ИвГМА. 2014. № 1. С. 56–59.

8. Акопов В. И. К истории судебной ответственности врачей // Научно-культурологический журнал. 2001. № 10. С. 37–39.

9. Официальный сайт Электронного фонда правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901757374 (дата обращения: 09.08.2019).

10. Пирогов Н. И. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Медгиз, 1953. Т. 2. 623 с.

11. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/sk_russia/structure (дата обращения: 13.09.2019).

© Чефранов К. А.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.924.03:351.74:004(470)

О. А. ДИЗЕР, *начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Омск)*

O. A. DIZER, *Head of the Research Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk)*

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND PUBLIC SAFETY IN THE FORMATION OF DIGITAL SPACE

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы административно-правовой защиты прав и свобод граждан в условиях формирования цифрового пространства. Уделено внимание функциям органов публичной власти в рассматриваемой сфере. Проанализированы меры административной правовой защиты прав и свобод граждан в виртуальном пространстве. Отдельно рассмотрен опыт зарубежных стран по охране общественного порядка и общественной безопасности в киберпространстве. По мнению автора, рассмотрение вопросов административно-правовой охраны общественного порядка и общественной безопасности в условиях фор-*

мирования цифрового пространства позволяет сделать вывод об актуальности данного направления в силу масштабности распространения киберпространства и использования его для совершения противоправных действий. В связи с этим главной задачей государства является поиск оптимального баланса между правом граждан на информацию и безопасностью граждан в цифровом пространстве.

Ключевые слова и словосочетания: *административная ответственность, общественный порядок, общественная безопасность, цифровое пространство, признак публичности, киберпространство, цифровые коммуникации.*

Annotation. *The article deals with the issues of administrative and legal protection of citizens rights and freedoms in the context of the formation of the digital space. Attention is paid to the functions of public authorities in this area. Measures of administrative legal protection of citizens rights and freedoms in the virtual space are analyzed. The experience of foreign countries in protecting public order and public security in cyberspace is considered separately. According to the author, the consideration of issues of administrative and legal protection of public order and public security in the context of the formation of the digital space allows us to conclude that this direction is relevant due to the scale of the spread of cyberspace and its use for committing illegal actions. In this regard, the main task of the state is to find an optimal balance between the right of citizens to information and the security of citizens in the digital space.*

Keywords and phrases: *administrative responsibility, public order, public safety, digital space, sign of publicity, cyberspace, digital communications.*

Защита прав и свобод граждан на любом из этапов развития общества и государства выступает в качестве важного условия их нормального существования, от соблюдения которого зависит духовное благосостояние каждого человека. Успех такой деятельности возможен лишь при формировании на официально-властном уровне консолидированного подхода. Его необходимость особенно актуализируется на современном этапе с учетом протекающего процесса цифровизации. Не случайно Президент РФ В. В. Путин отмечал, что «нравственные основы – это ценности, на которых мы можем и должны строить нашу жизнь, воспитывать детей, развивать общество, в конечном итоге укреплять нашу страну. Как показывает наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жёсткой конкуренции, порой, объект открытого информационного противоборства и хорошо срежиссированной пропагандистской атаки» [1].

Подобное переосмысление роли важно прежде всего с позиции усиления роли государства в вопросах реализации гражданами своих прав в рассматриваемой сфере особенно в местах, открытых для их свободного посещения, к которым в настоящее время можно с уверенностью отнести и информацию в Интернете. Анализ деятельности органов публичной власти в рассматриваемой сфере свидетельствует о превалировании административно-правовых средств в деле охраны общественного порядка и общественной безопасности. Среди них особо выделяется институт административной ответственности, играющий значительную роль в деле охраны порядка в публичных местах.

В 2019 году сотрудниками полиции было выявлено 7 284 099 административных правонарушений (без учета правонарушений в области дорожного движения и в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации). Наибольшее количество выявленных административных правонарушений – 4 031 595 (55,3 %), посягали на общественный порядок и общественную безопасность (гл. 20 КоАП РФ). Наиболее распространенными деликтами являются: потребление (распитие) алкоголь-

ной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах (ст. 20.20 КоАП РФ – 1 496 646 (37,1 %)); появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ – 1 226 008 (30,4 %)); мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ – 794 724 (19,7 %)); побои (ст. 6.6.1 КоАП РФ – 252 888 (6,3 %)).

Из числа правонарушений, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ, выявленных в 2019 году, было рассмотрено 202 350 дел, подвергнуто наказанию 193 449 нарушителей, из них в отношении 106 086 граждан вынесено решение о назначении административного наказания в виде административного ареста [2]. В настоящее время происходят значительные изменения в социальных процессах, обусловленные интенсивным процессом цифровизации и касающиеся всех сторон общественной жизни, в том числе защиты прав и свобод граждан в киберпространстве. «Разнообразные информационные технологии проникают во всех сферы жизнедеятельности нашего общества, затрагивают основы правового положения личности в информационном пространстве и актуализируют проблему защиты прав человека в виртуальном мире, в том числе от самих информационных технологий» [3]. Защита прав и свобод граждан имеет первостепенное значение, поскольку закрепляется и гарантируется Конституцией РФ. В связи с этим законодательством должны регламентироваться не только вопросы развития, но и защиты прав и свобод граждан в условиях развития цифрового пространства.

Для защиты прав граждан в цифровом пространстве Роскомнадзор осуществляет контроль за соблюдением операторами связи норм и требований законодательства, касающихся ограничения доступа к информации в Интернете, распространение которой на территории России запрещено. Данные полномочия осуществляются в соответствии и на основании требований, установленных Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 апреля 2020 г. № 105-ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149). Решения об ограничении доступа к противоправной информации принимаются как судами, так и во внесудебном порядке на основании решений уполномоченных Правительством РФ федеральных органов исполнительной власти. Во внесудебном порядке решения принимают: Роскомнадзор – по материалам с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера; МВД России – по информации с описанием способов, методов разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, о местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений; Роспотребнадзор – по информации с описанием способов совершения самоубийства, а также с призывами к его совершению; Федеральная налоговая служба – по информации, нарушающей требования о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием Интернета и иных средств связи; Росалкогольрегулирование – по информации о розничной продаже алкогольной продукции дистанционным способом; Росмолодежь – по информации, направленной на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни или здоровья либо для жизни или здоровья иных лиц, а также информации о несовершеннолетнем, пострадавшем

в результате противоправных действий или бездействия; Федеральная служба судебных приставов – по информации, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица (на основании постановления судебного пристава-исполнителя).

Требование Генерального прокурора или его заместителей является основанием для принятия Роскомнадзором внесудебных мер по ограничению доступа к Интернет-ресурсам, содержащим: призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка; информационные материалы иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации, сведения, позволяющие получить доступ к указанной информации или материалам; недостоверную информацию, создающую угрозу жизни, здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка; информацию, в неприличной форме оскорбляющую человеческое достоинство, общественную нравственность, выражающую явное неуважение к обществу, государству, государственным символам, Конституции РФ, органам государственной власти. Доступ к Интернет-ресурсам, на которых с нарушением авторских прав размещены объекты интеллектуальной собственности (за исключением фотографий), ограничивается на основании решений Московского городского суда. Интернет-ресурсы с противоправной информацией вносятся в соответствующие реестры, информация из которых в ежедневном режиме выгружается операторам связи, предоставляющим доступ к Интернету.

В соответствии со ст. 15.1 ФЗ № 149 Роскомнадзор ведет Единый реестр, содержащий информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Основанием для включения в Единый реестр является решение уполномоченных Правительством РФ федеральных органов исполнительной власти, а также решение российских судов о признании информации запрещенной.

Роскомнадзор также принимает сообщения от граждан, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, органов государственной власти, органов местного самоуправления о наличии на страницах сайтов запрещенной информации. В 2019 году обработано более 556 тыс. таких обращений (2018 г. – 518 тыс.). Зафиксировано увеличение количества сообщений по линии азартных игр (на 3 %) и незаконного оборота наркотиков (на 43 %). В связи с наличием запрещенной информации в Единый реестр в минувшем году во внесудебном порядке внесено 285 тыс. (2018 г. – 233 тыс.) указателей страниц сайтов (URL). Помимо этого, на основании судебных решений в Единый реестр было внесено более 134 тыс. Интернет-ресурсов. В связи с удалением запрещенной информации либо ограничением доступа к ней провайдерами хостинга из Единого реестра было исключено более 227 тыс. URL-адресов (2018 г. – 165 тыс.) [4].

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 30-ФЗ [5] ФЗ № 149 был дополнен статьей 15.1-1 «Порядок ограничения доступа к информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации», определяющей механизм ограничения доступа к указанной информации. При этом определений таких понятий, как «оскорбление человеческого достоин-

ства», «общественная нравственность», «явное неуважение к обществу», в данной норме не приводится. Тем не менее с момента действия закона в Роскомнадзор поступило более 367 URL-адресов в составе 73 требований Генпрокуратуры. Большая часть из них (70 %) касалась материалов с оскорблением флага и герба Российской Федерации. В подавляющем большинстве случаев администрации сайтов, в том числе иностранных компаний, удаляли запрещенный контент. Среди них – Instagram, Facebook, Twitter, «ВКонтакте», Liveinternet. В январе 2019 года Роскомнадзор и Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды подписали соглашение о взаимодействии в рамках противодействия распространению информации, направленной на склонение несовершеннолетних к противоправным действиям. Соглашение предполагает обмен информацией, методическими материалами и опытом работы, проведение совместных совещаний, конференций и семинаров [4].

К числу административно-правовых мер в рассматриваемой можно отнести.

1. Вынесение предупреждения средству массовой информации (далее – СМИ) за распространение сведений о нарушениях общественного порядка. В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. Федерального закона от 1 марта 2020 г. № 42-ФЗ) (далее – Закон «О СМИ») запрещается распространение материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, а также материалов, содержащих нецензурную брань.

Согласно ч. 3 ст. 16 Закона «О СМИ» основанием для прекращения судом деятельности СМИ являются неоднократные в течение двенадцати месяцев нарушения редакцией требований ст. 4 указанного закона, по поводу которых регистрирующим органом делались письменные предупреждения учредителю и (или) редакции (главному редактору), а равно неисполнение постановления суда о приостановлении деятельности СМИ. Решением Верховного Суда РФ от 27 февраля 2015 г. по делу № АКПИ15-35 прекращена деятельность СМИ электронного периодического издания «TLTgorod.ru (ТЛТгород.ру)» по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 4 Закона «О СМИ». Обращению в Верховный Суд РФ предшествовали письменные предупреждения 12 марта, 4 сентября и 3 октября 2014 г., которые Роскомнадзор вынес учредителю и редакции СМИ ЭПИ «TLTgorod.ru (ТЛТгород.ру)» за нарушение требований ст. 4 Закона «О СМИ». Ни одно из указанных выше предупреждений не было обжаловано в суд и признано незаконным. Факт получения данных предупреждений представителем СМИ ЭПИ «TLTgorod.ru (ТЛТгород.ру)» не оспаривался. С учетом того, что неоднократные нарушения были совершены в течение двенадцати месяцев, предшествующих обращению в суд указанного полномочного федерального органа исполнительной власти в сфере печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, и вынесенные Роскомнадзором учредителю и СМИ ЭПИ «TLTgorod.ru (ТЛТгород.ру)» письменные предупреждения не были обжалованы и не признаны судом незаконными, Верховный Суд РФ пришел к выводу о наличии правовых оснований для прекращения деятельности данного СМИ [6].

Несмотря на наличие подобной меры административно-правовой защиты общественной нравственности от угроз, связанных с незаконным оборотом наркотиков, законодательство не содержит норм, регламентирующих форму и содержание подобных предупреждений.

2. Направление обращений о недопустимости злоупотреблений свободой массовой информации к СМИ, распространение которых осуществляется в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет. Правовую основу применения названной

меры административно-правовой защиты общественного порядка составляют: Закон «О СМИ»; положение о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденное постановлением Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228 в ред. постановления Правительства РФ от 16 мая 2020 г. № 701) (п. 5.1.1); постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"»; приказ Роскомнадзора от 6 июля 2010 г. № 420 «Об утверждении порядка направления обращений о недопустимости злоупотреблений свободой массовой информации к средствам массовой информации, распространение которых осуществляется в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет».

Применение данной меры реализуется в целях оперативного реагирования на злоупотребления свободой массовой информации в комментариях читателей СМИ, распространение которых осуществляется через информационно-телекоммуникационные сети, в том числе через сеть Интернет. Управление контроля и надзора в сфере массовых коммуникаций Роскомнадзора или подразделение территориального органа Роскомнадзора, наделенное полномочиями по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций, в рамках исполнения своих полномочий по осуществлению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о СМИ устанавливает факт публикации комментариев читателей Интернет-СМИ с признаками злоупотребления свободой массовой информации.

В случае неисполнения Интернет-СМИ требования Роскомнадзора об удалении комментариев читателей Интернет-СМИ, содержащих признаки злоупотребления свободой массовой информации, либо если после редактирования комментариев признаки злоупотребления свободой массовой информации не устранены, структурное подразделение готовит в адрес Интернет-СМИ письменное предупреждение. Форма обращения утверждена приказом Роскомнадзора от 6 июля 2010 г. № 420 «Об утверждении порядка направления обращений о недопустимости злоупотреблений свободой массовой информации к СМИ, распространение которых осуществляется в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет».

В 2019 году количество вынесенных редакциям и учредителям СМИ предупреждений о недопустимости злоупотребления свободой массовой информации составило 24. Наибольшее количество предупреждений выдано за распространение материалов, содержащих нецензурную брань (63 % от общего количества всех предупреждений). В 2019 году в редакции сетевых изданий направлено 3 113 обращений в связи с размещением на их сайтах комментариев с признаками злоупотребления свободой массовой информации (ст. 42 Закона «О СМИ»). Наибольшее количество обращений направлено за распространение материалов, содержащих нецензурную брань – 2 930 (94,1 % от общего числа обращений в 2019 году; в 2018 г. – 3 099 обращений) [4].

С одной стороны, развитие киберпространства дает возможность совершать противоправные действия, в том числе в сфере общественного порядка и общественной безопасности. С другой стороны, любой человек может быть свидетелем противоправных действий, став их очевидцем. Это обстоятельство заставляет давать новую оценку признаку публичности, наиболее характерному для всех правонарушений, посягающих на общественный порядок, и особенно для мелкого хулиганства.

В этой связи, несмотря на устоявшуюся точку зрения ученых и практиков о

месте совершения административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, к которым относятся любые публичные места нахождения людей: улицы, скверы, парки, объекты транспорта общественного питания и досуга граждан и т. п., необходимо признать таковым и Интернет-пространство. Так, мелкое хулиганство будет иметь место в том случае, когда лицо сделало непристойные надписи (символы) в отсутствие людей [7]. Кроме того, к мелкому хулиганству будут относиться и вышеуказанные действия, совершенные не в публичных местах, но направленные на общество, проживающее за его пределами (например, хулиганские действия в квартире в отношении лиц, не проживающих там, но находящихся в нем на законных основаниях, или нецензурная брань из окон жилища в отношении прохожих) [8]. Следуя обозначенной логике, к публичному месту можно отнести информационно-коммуникационную сеть Интернет, а именно публикацию в ней действий, содержащих, по мнению правоприменителя, признаки мелкого хулиганства. Именно этим, по нашему мнению, руководствовался судья при вынесении решения по делу об административном правонарушении от 14 декабря 2017 г. в городе Усть-Лабинск Краснодарского края, так как на видеозаписи правонарушения не видно представителей общества, позволяющих признать данное место общественным. При этом следует сделать вывод о том, что не важно, где были совершены хулиганские действия, если информация о них была размещена в сети Интернет, которая в данном случае обеспечивает признак публичности.

Это же касается обращений граждан о привлечении к ответственности за совершение действий в виртуальном пространстве. Так, например, Российская певица Наргиз Закирова, более известная как Наргиз, обвинила главу фракции ЛДПР Владимира Жириновского в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ [9]. В размещенном в Интернет-шоу телеканала «НТВ» он нелицеприятно высказался в адрес певицы.

За рубежом вопросы защиты прав граждан в Интернет-пространстве являются достаточно острыми. Следует отметить, что уже около двадцати лет назад появились нормы, направленные на решение указанных вопросов. Так, например, в США в 2006 году был принят федеральный закон, согласно которому признается правонарушением рассылка «раздражающих» сообщений по электронной почте или публикация анонимных комментариев «оскорбительно-раздражающего» характера. Данные поправки были разработаны к Акту по запрещению насилия против женщин и обновлению полномочий Министерства юстиции (Violence Against Women and Department of Justice Reauthorization Act) [10]. В качестве наказаний за данные преступления предусмотрен денежный штраф или лишение свободы до двух лет.

В Турции был принят Закон «О публикациях в Интернете и их последствиях», дающий властям право досудебной блокировки сайтов с запрещенной информацией [11, с. 81].

В Израиле приняты правила саморегулирования, в соответствии с которыми они сами осуществляют мониторинг за общением пользователей на своих сайтах и блокируют тех, чье общение носит противозаконный характер. Саморегулирование и самоцензура устанавливаются в Израиле нормами этики журналистов, принятыми в большинстве крупных Интернет-изданий, печатных СМИ и телекомпаний. Правила самоцензуры диктуются также многовековыми израильскими традициями и религией, из-за чего в Израиле существует особое отношение к Интернету и особая политика в области блогосферы. Старейшины ультраортодоксальных общин Израиля полагают, что Интернет – это один из самых серьезных врагов традиций и религии государства, намного более опасный, чем телевидение. В еврейских религиоз-

ных домах даже существует запрет на использование Интернета [11, с. 81].

В Новой Зеландии в 2015 г. был принят Закон о пагубных цифровых коммуникациях (Harmful Digital Communications Act) [12], устанавливающий ответственность за оскорбления в Интернете. К оскорблениям могут быть приравнены различные виды Интернет-троллинга.

Рассмотрение вопросов административно-правовой охраны общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства позволяет сделать вывод об актуальности данного направления в силу масштабности распространения киберпространства и использования его для совершения противоправных действий. Несомненно, цифровое пространство нуждается в правовом регулировании, поскольку им охватываются все сферы общественной жизни. При этом важно понимать, что установление полного контроля является целью утопической. В связи с этим главной задачей государства является поиск оптимального баланса между правом граждан на информацию и безопасностью граждан в цифровом пространстве.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Военное обозрение. Владимир Путин задается вопросами нравственности и патриотизма в России. URL: https://topwar.ru/18871-vladimir-putin-zadaetsya-voprosami-nravstvennosti-i-patriotizma-v-rossii.html (дата обращения: 14.04.2020).

2. Судебная статистика РФ. URL: http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1/ (дата обращения: 28.11.2019).

3. Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 19–22.

4. Публичный доклад Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций за 2019 г. URL: http://rkn.gov.ru/docs/doc_2326.pdf (дата обращения: 28.11.2019).

5. Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1220 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Решение Верховного Суда РФ от 27 февраля 2015 г. по делу № АКПИ15-35 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Канунникова Н. Г. К вопросу о правовых характеристиках объективной стороны мелкого хулиганства // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 31–35.

8. Решение Суетского районного суда Алтайского края от 17 июня 2011 г. № 12-4/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Московский комсомолец. Наргиз Закирова собирается подать в суд на Жириновского. URL: https://www.mk.ru/social/highlife/2020/08/16/nargiz-zakirova-sobiraetsya-podat-v-sud-na-zhirinovskogo.html (дата обращения: 14.04.2020).

10. Violence Against Women: Overview, Legislation, and Federal Funding. Federation of American scientists. URL: https://www.fas.org/sgp/crs/misc/R42499.pdf/ (дата обращения: 12.07.2020).

11. Агейчев А. С. Законодательство в сфере Интернет-коммуникаций: российский и международный опыт // Сравнительная политика. 2016. № 2. С. 73–84.

12. Harmful Digital Communications // New Zealand Legislation website. 2015. № 63. URL: http://www.legislation.govt.nz/act/public/2015/0063/latest/whole.htm (дата обращения: 12.07.2020).

© Дизер О. А.

УДК 342.924.03:343.615:351.749.6(470)

Т. М. ЗАНИНА, *профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, профессор (г. Воронеж)*

T. M. ZANINA, *Professor of the Chair of the Administrative Activity of the Internal Affairs Bodies of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Professor (Voronezh)*

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 6.1[1] «ПОБОИ», ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

FEATURES OF CONSIDERATION OF CASES OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE UNDER ARTICLE 6.1[1] «BEATINGS» BY INTERNAL AFFAIRS BODIES ON RAILWAY TRANSPORT

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности производства дел об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1[1] «Побои» Данное правонарушение является одним из наиболее распространенных, которое совершается и на объектах железнодорожного транспорта. Исходя из того, что объекты железнодорожного транспорта обладают специфическими особенностями, затрудняющими деятельность правоохранительными органов, возникают определенные трудности в расследовании этого правонарушения. В статье раскрывается основная сущность особенностей правонарушений, отличающая их от других объектов. На основании этого предложен алгоритм деятельности правоохранительных органов по расследованию и профилактике данного вида правонарушений, учитывая особенности железнодорожного транспорта. В связи с чем этот алгоритм может использоваться правоохранительными органами при расследовании административных правонарушений, предусмотренных Кодексом об административном правонарушении, а именно ст. 6.1[1] «Побои».*

Ключевые слова и словосочетания: *правопорядок, правоохранительные функции, административное правонарушение, побои, железнодорожный транспорт, профилактика, транспортная безопасность.*

Annotation. *The article deals with the specifics of the proceedings on an administrative offense under article 6.1[1] «Beatings». This offense is one of the most common, which is also committed at railway transport facilities. Based on the fact that railway transport facilities have specific features that hinder the activities of law enforcement agencies, certain difficulties arise in the investigation of this offense. The article reveals the main essence of the features of offenses that distinguish them from other objects. Based on this, we propose an algorithm for law enforcement agencies to investigate and prevent this type of offense, taking into account the peculiarities of railway transport. In this connection, this algorithm can be used by law enforcement agencies in the investigation of administrative offenses envisaged in the Code of administrative offenses, namely article 6.1[1] «Beatings».*

Keywords and phrases: *law and order, law enforcement, administrative offense, beatings, railway transport, prevention, transport safety.*

На сегодняшний день большинство правонарушений на объектах железнодорожной инфраструктуры совершаются в движении во время перевозочного процесса. Данную специфику следует учитывать при подборе методов и приемов рассмотрения и профилактики дел об административных правонарушениях. В связи с этим сотрудники органов внутренних дел на транспорте должны обладать не только правовыми знаниями, но и познаниями в области функционирования железнодорожного транспорта, к которым относятся:

– структура и организация работы железнодорожных организаций;

– порядок обслуживания пассажиров и перевозка грузов;

– правила ведения документации;

– системы транспортных путей и станций;

– классификация вагонов, их частей, механизмов [1].

Эффективная организация процесса предупреждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях на объектах железнодорожной инфраструктуры зависит от особенностей функционирования данного вида транспорта. К ним относятся:

– сложность построения организационных аспектов работы железнодорожных объектов;

– графики движения поездов;

– значительная протяженность участков железнодорожной инфраструктуры;

– круглосуточный режим работы;

– длительность процесса грузопассажирских перевозок;

– относительно свободный доступ к объектам железнодорожного транспорта;

– большое количество людей, пользующихся услугами транспортного комплекса;

– частые удаленность и географический разброс потенциальных участников дела об административном правонарушении от места его совершения и административного расследования [2].

Административное расследование правонарушений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта, для сотрудников правоохранительных органов происходит гораздо сложнее, чем на территории. Пассажирские поезда предназначены для различных категорий граждан: для профессиональных преступников-гастролеров, лиц, которые находятся в розыске, бродяг, и являются местом, где можно совершить огромное количество правонарушений и преступлений. Вышеперечисленные обстоятельства являются, на наш взгляд, причинами повышенной криминогенной обстановки на участках, которые обслуживают подразделения полиции на транспорте. При административном расследовании и профилактике правонарушений их необходимо учитывать для полного и точного выяснения обстоятельств дела.

Обстоятельства, которые устанавливаются сотрудниками полиции по конкретному виду административного правонарушения, закреплены в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3]. Данный нормативный акт устанавливает административную ответственность за конкретный вид правонарушения. Остановимся более подробно на таком правонарушении, как побои, которое закреплено КоАП РФ, а именно в ст. 6.1^1. Следует отметить, что данная статья относительно новая для действующего законодательства об административных правонарушениях, которая была введена Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона ‘‘О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности’’» [4].

За период 2019 года в Российской Федерации было рассмотрено 179 390 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1[1] КоАП РФ. В результате подвергнутых административному наказанию составило 118 070 человек. Объектом данного вида правонарушения являются общественные отношения, которые непосредственно связаны с охраной здоровья граждан. Это объясняется тем, что побои и другие действия насильственного характера в обязательном порядке причиняют физическую боль [5].

Важным условием, которое необходимо учитывать при расследовании правонарушения, предусмотренного 6.1[1] КоАП РФ, является отсутствие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ [6]. К таким условия относятся кратковременное расстройство здоровья и незначительная стойкая утрата общей трудоспособности.

Следует вывод о том, что действия насильственного характера, включая и побои, могут быть совершенно различными, но, как следствие, их совершение это только причинение физической боли. Физическая боль у потерпевшего может также сопровождаться телесными повреждениями. При их получении следует провести оценку для определения или отсутствия вреда здоровью потерпевшего.

Объективная сторона данного правонарушения не определяет конкретных действий. Также отсутствует законодательно закрепленное понятие «побои». Однако, опираясь на проведенный анализ правоприменительной практики органов внутренних дел, а также административной практики и норм административного права, было установлено, что объективная сторона выражается в таких действиях, как:

1. Нанесение побоев (произведение ударов руками, ногами, головой и другими частями тела по телу человека, которые причиняют ему болевые ощущения. Стоит отметить, что такие удары могут наноситься с использованием любых твердых предметов).

2. Заламывание или выкручивание рук, сдавливание частей тела, щипание, связывание, вырывание волос, защемление кожи и др.

В случае повторного совершения таких действий, когда лицо уже было привлечено к ответственности по 6.1[1] КоАП РФ, данное правонарушение уже будет квалифицироваться по статье УК РФ, а именно ст. 1161 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию».

Останавливаясь на субъективной стороне ст. 6.1[1] КоАП РФ «Побои», следует сказать, что она характеризуется прямым умыслом. Если физическая боль была причинена по неосторожности, состав такого административного правонарушения отсутствует. При установлении факультативных признаков субъективной стороны, например, хулиганских побуждений, мотивов любых видов ненависти или вражды, такие деяния будут квалифицироваться по ст. 116 УК РФ.

Субъект административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1[1] КоАП РФ, – физическое лицо, которое достигло шестнадцати лет. Говоря о взаимоотношениях правонарушителя и жертвы, следует отметить то, что в основном ряде случаев эти люди являются пассажирами одного и того же вагона, например, совместно распивающие спиртные напитки, между которыми произошел конфликт. Реже встречаются случаи, если это пассажиры соседних вагонов. Поводами для возбуждения дела об административном правонарушении, которое предусмотрено ст. 6.1[1] КоАП РФ, являются:

– обнаружение факта совершения административного правонарушения должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях;

– заявление, сообщение физического лица;

– сообщения и материалы из средств массовой информации;

– информация и материалы, которые были предоставлены другими правоохранительными органами, содержащие в себе необходимые данные, указывающие на наличие административного правонарушения.

В результате проверки поступившей информации должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1[1] КоАП РФ «Побои», вправе возбудить дело об административном правонарушении. Важно учитывать то, что на основании ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ после выявления состава вышеуказанного административного правонарушения производство по нему следует проводить в форме административного расследования [7]. Административное расследование начинается после вынесения определения с учетом установления факта совершения побоев. Однако в законодательстве отсутствуют нормы, связанные с возбуждением административного расследования, когда лицо, совершившее правонарушение, не установлено. В этом случае определение согласно административной практике выносится в отсутствие указанного лица, и принимаются меры по его установлению и месту его нахождения.

После окончания административного расследования и установления всех признаков состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1[1] КоАП РФ «Побои», должностное лицо вправе составить протокол от административном правонарушении в соответствии с полномочиями, определенными ст. 28.3 КоАП РФ и приказом МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» [8], либо вынести постановление о прекращении производства. Установление и точное юридическое закрепление признаков административного правонарушения имеет принципиальное значение для правильной квалификации действий виновного лица. В связи с этим предлагаем рассмотреть алгоритм установления обстоятельств совершенного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1[1] КоАП РФ «Побои»:

1. Установление места и времени совершения правонарушения. Для этого необходимо:

– запросить у ОАО «РЖД» информацию, сообщающую о графике движения поездов. Нередко встречаются случаи, когда поезд по тем или иным причинам отклоняется от установленного графика. В данной ситуации необходимо получить справку о времени прибытия поезда, его отправления или времени, в которое поезд проходил по интересующему участку пути;

– установить точный участок местности по скоростемерной ленте. В данное действие входят: установление юридического адреса платформы станции, на которой было совершено правонарушение;

– во время проведения опроса потерпевшего и свидетелей в обязательном порядке уточнить, каким образом ими было определено время и место совершения правонарушения;

– уточнить наличие камер видеонаблюдения на объектах железнодорожного транспорта. В том случае, если они имеются, следует изъять видеозаписи с этих камер.

2. Установление обстоятельств, в рамках которого было совершено правонарушение:

– установить пострадавшему лицу статус потерпевшего и взять с него объяснение;

– изъять у потерпевшего лица одежду и другие материальные предметы, чтобы выявить информацию о наличии следов борьбы, ранений и др.;

– установить степень тяжести вреда, который был причинен потерпевшему. Для этого проводится судебная медицинская экспертиза. На основании документов, полученных в результате обследования, определяется тяжесть полученного вреда здоровью;

– произвести задержание правонарушителя и взять с него объяснение. Обязательным пунктом в данном случае является его личный досмотр;

– опросить в качестве свидетелей лиц, которые выявили данное правонарушение либо стали его очевидцами;

– опросить пассажиров, которые следовали на соседних местах;

– опросить членов поездной бригады: проводников, начальника поезда, при необходимости персонала поезда и других лиц, владеющих какой-либо информацией о совершении правонарушения;

– произвести осмотр предметов, документов, видеозаписей и приобщить их к материалам дела об административном правонарушении;

– собрать необходимую информацию о личности правонарушителя: копию паспорта (в случае отсутствия – другой документ, удостоверяющий личность с фотографией), справку о судимости (требование ИЦ УВД по месту совершения правонарушения и по месту регистрации подозреваемого, ГИАЦ МВД России), справки врачей нарколога и психиатра, характеристики с места жительства (с места регистрации по месту жительства и места фактического проживания), с места работы (учебы), а также другие, характеризующие данные.

В том случае, если лицо, совершившее правонарушение установлено, но не имеется данных о его местонахождении:

– ориентировать на установление правонарушителя линейные подразделения, обслуживающие территорию, на которой оно было совершено, а также соседние линейные подразделения по пути движения поездов, территориальные отделы полиции, ОАО «РЖД» и общественность;

– выставить подозреваемого на сторожевой контроль ПТК «РозыскМагистраль»;

– опросить в качестве свидетелей родственников лица, совершившего правонарушение, а также его знакомых и близких.

В случае, если лицо, которое совершило правонарушение не установлено, а также неизвестно его местонахождение:

– опросить потерпевшего и установить приметы, характеризующие лицо, совершившее правонарушение;

– на основании информации, полученной от потерпевшего и свидетелей, составить фоторобот предполагаемого правонарушителя;

– направить полученную информацию в линейные подразделения и ориентировать их на розыск;

– установить причастность к совершенному правонарушению лиц, находившихся на объекте железнодорожного транспорта: пассажиров, членов поездной бригады, обслуживающий персонал и других лиц;

– изъять записи с камер видеонаблюдения.

Подводя итог вышесказанному, в целях повышения качества деятельности органов внутренних дел по предупреждению и расследованию правонарушений, предусмотренных ст. 6.1^1 КоАП РФ «Побои», считаем целесообразным осуществление следующих мер:

1. На постоянной основе проводить мероприятия, связанные с укреплением совместной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления (всероссийская акция «Полицейский Дед Мороз», оперативно-профилактические мероприятия «Безопасный рейс», «Грузы», «Дети и транспорт» и др.), в том числе поддерживать их совместное участие в государственных программах, которые имеют правоохранительное направление

(Государственные программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности», «Информационное общество» и др.).

2. Совершенствовать деятельность по выявлению и предупреждению правонарушений, посягающих на здоровье граждан.

3. Укрепить служебную дисциплину и законность, а также улучшить качество профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Агалаков А. Дорога не прощает рассеянных // Правопорядок на транспорте. 2006. № 3. С. 30–33.

2. Цуканова О. В. Особенности совершения и расследования преступлений на объектах железнодорожного транспорта // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2013. С. 377–382.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 41. Ст. 4231.

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2020).

5. Антонова Л. Б., Полякова Н. В., Тюрина И. Н. Особенности применения отдельных составов административных правонарушений главы 6 КоАП РФ, совершенных в отношении несовершеннолетних и с их участием: учебное пособие. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2019. 63 с.

6. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. Корниенко О. В., Кудрявцев Б. А. Некоторые особенности производства по делу об административном правонарушении по статье 6.1.1 «Побои» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 3–6.

8. О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание: приказ МВД России от 30.08.2017 № 685 // СПС «КонсультантПлюс».

© Занина Т. М.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.125.2(470)

В. Н. ГРИГОРЬЕВ, *ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России; доктор юридических наук, профессор (г. Москва)*

V. N. GRIGORYEV, *leading researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, professor (Moscow)*

О ФАКТИЧЕСКОМ ЗАДЕРЖАНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

ABOUT THE ACTUAL DETENTION OF A SUSPECTED

Аннотация. *Современная нормативно-правовая трактовка фактического задержания подозреваемого однозначно связывает его с одним из элементов в системе применения меры процессуального принуждения при производстве по уголовному делу в виде задержания подозреваемого, представляющего фактическое лишение свободы передвижения лица, которое выражается в препровождении (конвоировании) этого лица после составления протокола задержания в изолятор временного содержания. В условиях «израсходованности» категории фактического задержания в действующем УПК РФ (пп. 11, 15 ст. 5) представляется нецелесообразным до внесения изменений в закон употреблять ее в обиходе для обозначения иных действий, в частности, связанных с захватом и доставлением лица в служебное помещение.*

Ключевые слова и словосочетания: *уголовно-процессуальное принуждение, задержание подозреваемого, уголовно-процессуальное задержание, фактическое задержание, захват и доставление лица, полицейское задержание.*

Annotation. *The modern legal and regulatory interpretation of the actual detention of a suspect unambiguously connects it with one of the elements in the system of applying a measure of procedural coercion in criminal proceedings in the form of the arrest of a suspect representing a de facto deprivation of freedom of movement of a person, which is expressed in the escort (escort) of this person after drawing up a protocol detention in a temporary detention center. In the conditions of «exhaustion» of the category of actual detention in the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation (paragraphs 11, 15 of Art. 5), it seems inappropriate to use it in everyday life before amendments to the law to indicate other actions, in particular, related to the capture and delivery of a person to an office.*

Keywords and phrases: *criminal procedural coercion, detention of a suspect, criminal procedural detention, actual detention, capture and delivery of a person, police detention.*

Фактическое задержание подозреваемого традиционно ассоциируется с действиями сотрудников правоохранительных органов (чаще – полиции) по поимке и захвату лица, заподозренного в совершении преступления, и доставлению его (конвоированию) в служебное помещение для разбирательства и решения вопроса о водворении в изолятор временного содержания (далее – ИВС).

До принятия действующего в настоящее время уголовно-процессуального законодательства (УПК РФ 2001 г., далее – УПК РФ) фактическое задержание не имело нормативного выражения в УПК, однако эта категория

активно использовалась в научных исследованиях и комментариях законодательства при определении порядка исчисления срока задержания подозреваемого. Дело в том, что составление протокола задержания подозреваемого в совершении преступления в соответствии со ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР), аналогичной ст. 91 действующего в настоящее время УПК РФ, на практике могло по разным (в том числе не вполне законным) причинам откладываться на срок от нескольких часов до нескольких суток. В этой связи, чтобы нивелировать факт незаконного содержания лица в помещении органа дознания, утверждалось, что срок задержания «должен исчисляться с часа, следующего за часом фактического задержания, а не за часом доставления в помещение для задержанных» [1, с. 177].

В последующем отражающая подобную позицию норма была закреплена в Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.07.1976 № 4203-IX [2]: «Срок задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, исчисляется с момента доставления этого лица в орган дознания или к следователю, а если задержание указанного лица производится на основании постановления о задержании, вынесенного органом дознания или следователем, то с момента фактического его задержания» (ч. 2 ст. 3). Текст приведенной нормы стал воспроизводиться в комментариях к статьям УПК РСФСР о задержании подозреваемого [3, с. 166], а в теории устоялось представление об отграничении задержания в процессуальном смысле от фактического задержания. В частности, утверждалось, что задержание в процессуальном смысле этого слова необходимо отличать от общепринятого понимания термина «задержание», которым обычно обозначается фактическое ограничение свободы лица, сопряженное с доставлением последнего в орган дознания либо к следователю и осуществляемое любым работником органа дознания, постовым или патрульным, потерпевшим, очевидцем, иным гражданином. Такое действие, если оно осуществлено не работником органа дознания и не в порядке исполнения постановления (поручения следователя) о задержании данного лица, следует называть, во избежание смешения этих понятий, доставлением, которое по своей природе является либо административным, либо общественным актом, но не уголовно-процессуальным [4, с. 4].

В действующем УПК РФ категория фактического задержания подозреваемого получила нормативное выражение с несколько иным значением. В частности, в ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ говорится об участии защитника в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, а в ст. 5 этот момент расшифровывается и используется при определении задержания:

«11) задержание подозреваемого – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления»;

«15) момент фактического задержания – момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления».

Как видим, законодатель употребляет категорию фактического задержания подозреваемого в достаточно узком смысле для обозначения определенной вехи в системе сугубо уголовно-процессуальной деятельности, связанной с принятием решения о лишении лица свободы, получающего внешнее выражение в составлении следователем или дознава-

телем протокола задержания. То есть, по сути, в законе установлено, что момент фактического задержания наступает в момент составления протокола задержания, который ознаменовывает, означает и влечет лишение лица свободы. Предшествующее этому лишение лица свободы, обозначаемое обычно такими терминами, как «захват», «доставление», «разбирательство,» производится не «в порядке, установленном настоящим Кодексом», поэтому не охватывается употребленной в УПК РФ категорией фактического задержания. Исключение составляют случаи, когда задержание производится на основании постановления о задержании, вынесенного органом дознания или следователем.

В связи со сказанным представляется обоснованным утверждение С. В. Супруна о том, что понятия «уголовно-процессуальное задержание» и «фактическое задержание», используемые долгое время в теории советского уголовного процесса для отграничения действий по захвату и доставлению лиц, заподозренных в совершении преступления, от принятия решения о задержании подозреваемого в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ, в настоящее время совпадают по содержанию и сущности [6, с. 94]. В этом высказывании следует только уточнить объем совпадения – фактическое задержание является лишь одним из элементов в системе действий по уголовно-процессуальному задержанию, представляющих собой в соответствии с законодательным определением момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица. Уголовно-процессуальное задержание, помимо этого, включает в себя установление оснований для задержания, составление протокола задержания, сообщение прокурору о задержании, многочисленные уведомления о задержании и т. д. (ст.ст. 91–93, 96 УПК РФ).

В период действия УПК РФ, в котором место «фактического» задержания однозначно определено в структуре уголовно-процессуальной процедуры, опубликовано немало работ о фактическом задержании, где оно толкуется совсем не так как записано в законе. Под ним нередко понимают поимку лица на месте совершения преступления («с поличным») и доставление его в подразделение полиции или к следователю. Так, А. В. Гриненко, например, пишет: «Фактическое задержание представляет собой действия как должностных лиц, так и граждан, направленные на пресечение преступления и устранение возможности скрыться лицу, его совершившему» [6, с. 75]. Ему вторит в весьма привлекательном научном издании С. Б. Россинский: «Фактическое задержание представляет собой некий комплекс оперативно-розыскных, административных и иных непроцессуальных мероприятий правоохранительных органов, направленных не на формальное (юридическое), а на сугубо реальное (физическое) ограничение возможности человека (индивида) на свободу и личную неприкосновенность» [7, с. 71].

Подобный подход представляется не вполне обоснованным. Законодатель уже «израсходовал» категорию фактического задержания, поэтому до внесения изменений в закон ее место не может произвольно изменяться. Во избежание путаницы представляется нецелесообразным употреблять ее для обозначения других действий, отличных от тех, что уже обозначены в законе. Вместе с тем нельзя игнорировать и тот факт, что помимо «уголовно-процессуального», объективно существует иное задержание, которое до принятия УПК РФ вполне правомерно было называть «фактическим». Речь идет о поимке и доставлении лица в служебное помещение правоохранительных органов. Если его нельзя называть фактическим (потому что законодатель уже приписал эту категорию одному из элементов уго-

ловно-процессуального задержания), то какое же оно?

Отвечая на этот вопрос, сразу же обратим внимание на смысловую неоднозначность, нестрогость этой категории. Правильно пишет В. Ю. Стельмах, что понятие «фактическое задержание» неоднозначно и допускает различные интерпретации [8, с. 208]. По отношению к документальному задержанию, например, выражающемуся в составлении протокола задержания, всякое иное задержание будет фактическим: здесь уместно будет сказать и о поимке, и доставлении, и водворении в охраняемое помещение, не говоря уже о водворении в камеру ИВС. Таким свойством нестрогости категория фактического задержания характеризуется в условиях и ранее действовавшего, и современного законодательства. Именно поэтому, включив в динамическую систему действий по задержанию подозреваемого два с половиной десятка элементов, ни один из них автор не посчитал возможным назвать фактическим задержанием [9, с. 102–104]. Полагаю, что такая же причина – нестрогости смыслового содержания категории, побудила законодателя специально дать нормативное определение моменту фактического задержания в ст. 5 УПК РФ.

В условиях «израсходованности» законодателем категории фактического задержания представляется нецелесообразным до изменения законодательства употреблять ее в обиходе для обозначения иных действий, в частности, связанных с захватом и доставлением лица в служебное помещение.

Вместо вывода – реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого:

1. Современная нормативно-правовая трактовка фактического задержания подозреваемого однозначно связывает его с одним из элементов в системе применения меры процессуального принуждения при производстве по уголовному делу в виде задержания подозреваемого, представляющего фактическое лишение свободы передвижения лица, которое выражается в препровождении (конвоировании) этого лица после составления протокола задержания в ИВС.

2. В условиях «израсходованности» законодателем категории фактического задержания представляется нецелесообразным до изменения законодательства употреблять ее в обиходе для обозначения иных действий, в частности, связанных с захватом и доставлением лица в служебное помещение.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Научно-практический комментарий УПК РСФСР. 3-е изд. / под ред. Л. Н. Смирнова. М.: Юридическая литература, 1970. 560 с.

2. Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.07.1976 № 4203-IX) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 29. Ст. 426 (утратило юридическую силу).

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекункова и А. К. Орлова. М.: Юридическая литература, 1981. 536 с.

4. Гуляев А. П., Комаров Б. В., Малиновкин С. М. Комментарий к Положению о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления / под ред. С. В. Мурашова. М.: Юридическая литература, 1982. 56 с.

5. Супрун С. Разграничение физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2007. № 1. С. 92–96.

6. Гриненко А. Разграничение фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2002. № 3. С. 75–76.

7. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография. М.: Проспект, 2019. 192 с.

8. Стельмах В. Ю. Правовая сущность физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2005. № 1 (102). С. 207–212.

9. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого: монография. М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1999. 542 с.

© Григорьев В. Н.

УДК 343.131(470)

В. В. ГУСАК, *адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)*

V. V. GUSAK, *post-graduate of the post-graduate department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)*

МЕСТО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ

THE PLACE OF CRIME INVESTIGATION MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURE FUNCTIONS

Аннотация. *В статье рассматривается процессуальное руководство расследованием преступлений в качестве уголовно-процессуальной функции, выполняемой участниками уголовного судопроизводства, наделенными властными полномочиями. Сущность процессуального руководства состоит в принятии промежуточных и итоговых процессуальных решений, обязательных для выполнения участниками уголовного судопроизводства. Классифицированы виды процессуального руководства расследованием по субъекту, его осуществляющему. Место процессуального руководства в системе уголовно-процессуальных функций определяется автором исходя из общего назначения и функций права. Высказано мнение о том, что деление функций уголовного судопроизводства на основные и дополнительные представляется некорректным ввиду их взаимообусловленности. Вместе с тем, вычленение основных и дополнительных функций отдельных участников уголовного процесса позволяет определить главные и вспомогательные направления их деятельности, придавая ей целенаправленный непротиворечивый характер.*

Ключевые слова и словосочетания: *предварительное расследование, процессуальное руководство расследованием, сущность процессуального руководства, виды процессуального руководства, функция процессуального руководства, уголовно-процессуальные функции.*

Annotation. *The article deals with crime investigation management as a criminal procedural function performed by participants in criminal proceedings with authority. The essence of procedural guidance consists in making intermediate and final procedural decisions that are mandatory for participants in criminal proceedings. The types of crime investigation management by the subject performing it are classified. The place of procedural guidance in the system of criminal procedural functions is determined by the author based on the general purpose and functions of law. It is suggested that the*

division of the functions of criminal proceedings into main and additional ones is incorrect due to their interdependence. At the same time, identifying the main and additional functions of individual participants in the criminal process allows to determine the main and auxiliary directions of their activity, giving it a purposeful consistent character.

Keywords and phrases: *preliminary investigation, investigation management, the essence of investigation management, types of investigation management, function of investigation management, functions in criminal procedure.*

Уголовно-процессуальные правоотношения по своей природе являются публично-правыми, нуждаются в обязательном вмешательстве государственных органов и выполнении требований последних лицами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства, характеризуются наличием власти и подчинения, а также управляющих и управляемых субъектов.

Упрощенно структуру рассматриваемых властных отношений можно выразить формулой: с одной стороны, государство, в лице его органов или должностных лиц, с другой – подчиненный субъект, наделенный соответствующим уголовно-процессуальным статусом. Государственные органы и должностные лица обладают по отношению к лицам, вовлеченным в сферу уголовного процесса, неравным объемом полномочий, а также находятся в подчиненном положении по отношению друг к другу. Речь при этом идет не о ведомственном подчинении, а подчинении процессуальном, ограниченном рамками установленных уголовно-процессуальным законом процедур. Это позволяет говорить о существовании феномена управления, т. е. основанного на нормах уголовно-процессуального права руководства уголовно-процессуальной деятельностью подчиненных субъектов, возможностью влиять на нее путем совершения процессуальных действий и принятия соответствующих процессуальных решений.

Элементы процессуального руководства проявляются в деятельности следующих субъектов: следователя или дознавателя (например, проводящего то или иное следственное действие, направляющего органу дознания письменное поручение о производстве следственных действий или оперативно-разыскных мероприятий, направляющего повестку о вызове в орган расследования, принимающего решение о прекращении уголовного дела или передаче уголовного дела с обвинительным заключением прокурору и т. д.), руководителя следственного органа, начальника органа или подразделения дознания (при даче указаний о направлении расследования и производстве следственных действий, избрании меры пресечения, отмене решений следователя или дознавателя и т. д.), прокурора (при требовании устранения нарушений федерального законодательства, возвращении уголовных дел для дополнительного расследования со своими письменными указаниями, отмене постановлений о возбуждении уголовных дел и т. д.), а также судов в ходе судебного разбирательства и разрешения уголовных дел по существу, отмене или пересмотру судебных решений, принятых первой и последующими инстанциями.

Верным представляется исследовать понятие процессуального руководства в широком смысле как феномен властных отношений, организующий и упорядочивающий деятельность всех участников, вовлеченных с сферу уголовного процесса, в определенной степени предопределяющий направление движения и исход уголовного дела и в более узком – как руководство деятельностью подчиненных субъектов, уполномоченных принимать уголовные дела к производству и вести по ним расследование. В первом случае процессуальное руководство можно отнести к одной из основных функций

уголовного процесса (включающей в себя как разрешение уголовного дела, так и принятие по нему множества других процессуальных решений различными властными субъектами на разных стадиях уголовного судопроизводства). Во втором – отнести его к функции отдельных участников уголовного процесса, уполномоченных давать указания следователю или дознавателю, контролировать их выполнение, давать согласие на совершение процессуальных действий, вмешиваться в процесс расследования, отменяя незаконные решения или передавая уголовное дело другому подчиненному должностному лицу.

В широком смысле процессуальное руководство рассматривалось А. М. Лариным, считавшим, что следователь является процессуальным руководителем [1]. Иная точка зрения по этому поводу высказана А. В. Образцовым, считающим что процессуальное руководство осуществляется не следователями, а только «руководителями, наделенными процессуальными полномочиями» [2, с. 223]. Аргументация о том, что в случае признания следователя процессуальным руководителем эффективность процессуального руководства будет снижена, что, на первый взгляд, представляется обоснованной, но все же не отменяет наличие у следователя властных полномочий.

Таким образом, по субъектному составу справедливо выделить следующие виды (являющиеся одновременно и уровнями) процессуального руководства расследованием преступлений:

1) опосредованный делегированный – может быть как внутриведомственным, так и межведомственным (должностное лицо или орган, реализуя властные полномочия, осуществляет процессуальные действия по поручению следователя или дознавателя без принятия уголовного дела к своему производству);

2) непосредственный (следователь или дознаватель ведет расследование принятого им к производству уголовного дела, иными словами, руководит процессом расследования порученного ему уголовного дела, либо руководители, указанные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, организуют процесс расследования и проводят неотложные следственные действия по возбужденным им уголовным делам);

3) опосредованный внутриведомственный (руководство расследованием, осуществляемым подчиненными по службе следователями или дознавателями; имеющее несколько уровней);

4) опосредованный межведомственный (руководство следственными группами, состоящими из сотрудников разных ведомств);

5) опосредованный надведомственный (надзор прокурора за законностью при расследовании уголовных дел).

В связи с наличием в научной литературе различных мнений о природе феномена процессуального руководства возникает вопрос о том, как следует его именовать: задачей, методом и способом осуществления функции надзора в уголовном судопроизводстве [3, с. 196], методом реализации надзорной функции [3, с. 197; 4, с. 172–173], средством реализации функции обвинения [5, с. 117], методом реализации надзорных полномочий [6, с. 121] и средством прокурорского надзора [7, с. 51, 55], уголовно-процессуальной функцией [8, с. 19] или процессуальным принципом прокурорского руководства расследованием [9, с. 115].

Представляется, что ни одно из приведенных выше мнений нельзя считать ошибочным. В зависимости от контекста процессуальное руководство может рассматриваться и в качестве задачи, стоящей перед наделенными властными полномочиями участниками уголовного процесса, и метода деятельности, включающего в себя различные способы воздействия на подчиненных субъектов, основанных на реализации этих полномочий. Справедливо рассматривать его и

как средство реализации функции обвинения, а также в качестве одного из процессуальных принципов деятельности властных субъектов, таких как прокурор, следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник органа или подразделения дознания.

Наиболее правильным для целей проводимого исследования является рассмотрение процессуального руководства расследованием с позиции деятельностного и системного подходов: определения назначения, основных направлений и содержания деятельности властных субъектов и места этой деятельности в числе других уголовно-процессуальных функций. Нельзя не согласиться с мнением, что «первоначально должен быть решен вопрос о том, какие уголовно-процессуальные функции как основные направления уголовно-процессуальной деятельности нужны в уголовном судопроизводстве. Затем следует определить, какими участниками эти основные направления должны обеспечиваться, наделить каждого из них предназначением, для реализации которого необходимо предусмотреть права и обязанности» [10, с. 118; 11, с. 36]. Общественные отношения, регламентированные уголовно-процессуальным законом, несмотря на их общую направленность – реализацию материальных норм уголовного права, очень разнообразны. В целях надлежащего регулирования данных отношений зачастую приходится обращаться к нормам международного, конституционного, административного, гражданского и иных отраслей права. По этой причине не менее важным условием обеспечения достоверности результатов исследования будет соотнесение процессуального руководства с функциями не только уголовно-процессуального права, но и функциями права в целом.

Слово «функция» происходит от латинского «functio», что означает исполнение, совершение чего-либо; служебную обязанность, деятельность, предназначение, роль или значение чего-либо [12, с. 847]. К функции может быть отнесена любая деятельность, отвечающая некоторому специфическому назначению, направленная на решение какой-либо цели, что справедливо для всех сфер человеческой деятельности, в том числе для права в целом и для отдельной его отрасли – уголовного процесса.

В теории права принято делить функции права на внешние или общесоциальные (культурная, социальная, воспитательная, экономическая, информационная) и внутренние – специально-юридические (регулятивная, охранительная). Действие основных функций дополняется вспомогательными, неосновными. Общеправовые функции, т. е. общесоциальные и специально-юридические функции права дополняются и конкретизируются в отдельных его отраслях. Такие функции принято именовать отраслевыми. С этой позиции представляется верным деление функций на общеправовые, межотраслевые, отраслевые и функции отдельных правовых институтов [13, с. 148–149].

Классификация функций права условна, поскольку сложно строго и однозначно разграничить между собой как сферы общественной жизни, так и правовое воздействие на них. Многие виды деятельности человека имеют разносторонний характер. Каждый вид деятельности как система действий является частью другой системы, более высокого или общего уровня. Поэтому для функций характерно их взаимопроникновение, дополнение друг друга, взаимодействие в различных подсистемах деятельности человека. Вычленение основных и дополнительных функций имеет теоретическую и практическую значимость – позволяет разобрать деятельность на отдельные компоненты (направления деятельности), определить главные и второстепенные, вспомогательные направления, упорядочить, придавая этой деятельности основной вектор движения.

Отметим, что все основные общеправовые функции проявляются и в уголовном процессе. Наибольший интерес, с точки зрения познания механизмов правового регулирования, представляют основные специально юридические функции права: регулятивная и охранительная. Регулятивная закрепляет соответствующие отношения в правовых институтах, устанавливая позитивные правила поведения. Охранительная функция вторична по отношению к регулятивной и обеспечивает ее выполнение посредством установления обязанностей, запретов, ответственности и т. п. В рамках охранительной функции принято выделять вспомогательные: ограничительную (ограничивает и запрещает вредное для общества поведение), предупредительную (предупреждает нежелательное для общества поведение) восстановительную (предполагает восстановление нарушенного права), компенсационную (включает в себя возмещение ущерба, компенсацию причиненного вреда) и карательную (предусматривает ответственность правонарушителя) [14, с. 36].

Между функциями существуют сложные взаимосвязи. Восстановительная включает в себя компенсационную, выполнение предупредительной функции обеспечивается посредством реализации карательной, восстановительной и компенсационной. В рамках регулятивной и охранительной функций как в целом, так и при помощи вспомогательных подфункций последней, достигается воспитательное воздействие на человека, влияние на экономическую, политическую, социальную и иные сферы жизни общества. Поэтому для уголовного процесса также характерно наличие профилактической, компенсационной, воспитательной, восстановительной, карательной и других функций.

Законодатель, закрепив в ст. 15 УПК РФ принцип состязательности сторон, обозначил в качестве уголовно-процессуальных функций обвинение, защиту и разрешение уголовного дела, установив, что последние друг от друга отделены и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2 ст. 15 УПК РФ). Из анализа правовых статусов лиц, отнесенных гл. 8 УПК РФ к категории иных участников, следует, что данные лица, будучи не заинтересованными в исходе уголовного дела, наряду со сторонами обвинения и защиты, своей деятельностью способствуют реализации функции разрешения уголовного дела. Это свидетельствует о наличии четвертой функции – оказания содействия установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В. С. Латыпов предлагает дополнительно дифференцировать иных участников на: формирующих доказательственную базу (эксперт, специалист, свидетель) и содействующих реализации уголовно-процессуального назначения (переводчик, понятой) [15, с. 18], что позволяет говорить о неоднородности и делении функции содействия на подвиды.

Поддерживая выработанную в уголовно-процессуальной науке классификацию функций на основные (прямо закрепленные ст. 15 УПК РФ: обвинение, защиту и разрешение уголовного дела) и функции отдельных его участников (основные и вспомогательные), требуется принять во внимание некоторые важные обстоятельства. Учитывая приведенное выше определение функции как назначение чего-либо и руководствуясь ст. 6 УПК РФ, именуемой «назначение уголовного судопроизводства», к числу уголовно-процессуальных функций необходимо относить: защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Уголовное преследование, назначение справедливого наказания, освобождение невиновных от наказания, реабилитация – не только задачи, но и функции уголовного процесса.

Ряд принципов уголовного процесса, наряду со состязательностью сторон, предопределяет существование соответствующих им видов деятельности, например: разумный срок, осуществление правосудия только судом, охрана прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, языка уголовного судопроизводства, право на обжалование процессуальных действий и решений. Указанные принципы обязывают осуществлять деятельность, направленную на обеспечение закрепленных в них положений, выполняя тем самым соответствующие функции: разрешать уголовные дела в разумный срок, вершить правосудие, обеспечивать право на защиту и пользование услугами переводчика, обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства, создавать условия для беспрепятственной подачи и эффективного рассмотрения жалоб и т. д.

Функции, выполняемые в уголовном процессе, весьма многочисленны и разнообразны, в силу чего являются сложным многоуровневым и комплексным феноменом, представляющим собой единую систему с множеством подсистем. Правильное решение вопроса о системе функций уголовного процесса возможно не посредством «слепого» принятия на веру и некорректного толкования только одной ст. 15 УПК РФ как нормы, установившей лишь три основные из них, а путем анализа функций права в соотношении с нормами и институтами уголовного процесса.

Исходя из общего назначения и функций права, уголовно-процессуальная деятельность выполняет охранительную, иными словами, правоохранительную функцию. Она подразумевает охрану прав, свобод и законных интересов всех лиц, так или иначе вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Данная функция не может быть в полной мере реализована без установления с высокой степенью достоверности обстоятельств, имеющих значение для принятия правильных процессуальных решений и разрешения уголовного дела. Достоверность сведений и правильность принимаемых решений обеспечивается соблюдением определенных процедур и наличием контрольных механизмов.

В этом смысле правомерно говорить о функциях установления истины, принятия процессуальных решений и разрешения уголовного дела как подфункциях единой правоохранительной функции уголовного процесса. Сущностной характеристикой функции процессуального руководства как раз и является принятие властными субъектами обязательных для исполнения решений, в том числе разрешающих уголовное дело. Установлению истины и принятию процессуальных решений совместно с разрешением уголовного дела служат: всестороннее уголовно-процессуальное доказывание в рамках расследования и судебного разбирательства (правосудия), процедуры, гарантирующие равные права противоборствующих сторон, содействие доказыванию со стороны незаинтересованных участников уголовного процесса, а также механизмы, обеспечивающие управляющее и корректирующее воздействие на эту деятельность.

Доказывание, содействие доказыванию, уголовное преследование и обвинение, защита реализуются в ходе расследования и судебного разбирательства. В ходе расследования и судебного разбирательства осуществляются процессуальное руководство, прокурорский надзор и судебный контроль – функции, обеспечивающие установление истины, принятие правомерных процессуальных решений и справедливое разрешение уголовного дела.

Важно отметить, что функции расследования и судебного разбирательства

с соответствующими им подфункциями процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля занимают в этой системе особенное положение: являясь подфункциями по отношению к установлению истины и принятию процессуальных решений (процессуальному руководству), они сами включают в себя данные функции в качестве вспомогательных, наряду с такими функциями служебного порядка, как доказывание, уголовное преследование и обвинение, защита, охрана прав и свобод человека и гражданина, т. е. находятся между собой в диалектической взаимосвязи.

Представляется неверным рассматривать расследование и процессуальное руководство им как дополнительные уголовно-процессуальные функции по отношению к трем основным: обвинению, защите и разрешению уголовного дела. Сами функции обвинения и защиты выполняют по отношению к подфункциям установления истины, принятию процессуальных решений и разрешению уголовного дела вспомогательную, служебную роль. Принимая во внимание, что уголовный процесс начинается от момента получения первичной информации о совершенном или готовящемся преступлении и последовательно проходит стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного разбирательства, на приведенной ниже схеме автором отражены указанные стадии, служащие контрольным механизмом по отношению к предыдущим и предназначенные для выполнения единой правоохранительной функции уголовного судопроизводства.

Охрана прав обеспечивается благодаря правильному установлению обстоятельств и принятию на их основе промежуточных, промежуточных итоговых (для каждой отдельной стадии) и окончательных решений, имеющих обязательный характер, – актам процессуального руководства. На каждой стадии должны осуществляться установление обстоятельств путем доказывания, содействия доказыванию, уголовное преследование и защита от него, обеспечиваться охрана прав и законных интересов участников уголовного процесса в широком смысле этого слова.

Функции более высокого, общего уровня получают свое отражение в функциях «вспомогательных», менее общих по отношению к ним. Например, установление обстоятельств и принятие верных процессуальных решений обеспечивается благодаря доказыванию, расследованию, обвинению и защите, охране прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, наличию механизма процессуального руководства. Осуществление этих «дополнительных» подфункций» немыслимо без установления обстоятельств уголовного дела и принятия на их основе правомерных решений. Поэтому выделение основных и дополнительных функций уголовного судопроизводства представляется некорректным ввиду их взаимообусловленности, однако при наделении отдельных участников уголовного процесса правами и обязанностями это является важнейшим методологическим приемом, позволяющим непротиворечиво определить их правовой статус в целях успешного выполнения общеправовой охранительной функции в сфере уголовного судопроизводства.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 160 с.

2. Образцов А. В. О статусе субъектов уголовного процесса, обладающих полномочиями по процессуальному руководству расследованием преступлений // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8. С. 222–223.

3. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. 383 с.

4. Чеканов В. Я. Прокурорский надзор в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Ученые труды. Ученые труды Саратовского юридического института. Саратов: Коммунист, 1965. Вып. 2. С. 133–180.

5. Образцов А. В. Функция обвинения в деятельности руководителя следственного органа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 115–118.

6. Ильинский Д. О. Прокуратура Российской Федерации в механизме реализации общеправового принципа законности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 221 с.

7. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Калинкин В. Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // Государство и право. 2008. № 6. С. 48–58.

8. Насонова И. А., Моругина Н. А. Роль руководителя следственного органа при осуществлении функции руководства процессуальной деятельностью следователя при расследовании преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 3. С. 18–20.

9. Емельянова И. В. Организационные и процессуальные отношения в деятельности прокурора, надзирающего за расследованием // Совершенствование законодательства о суде и правосудии. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1985. С. 114–119.

10. Победкин А. В. Модель взаимоотношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя (с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2. С. 117–122.

11. Победкин А. В., Ерохина О. С. Следователь в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу: монография. М., 2017. 181 с.

12. Ожегов С. И., Шведова И. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М., 1996. 928 с.

13. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 384 с.

14. Малько А. В., Липинский Д. А. О подфункциях охранительной функции права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2. С. 34–39.

15. Латыпов В. С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ: монография. М., 2018. 304 с.

© Гусак В. В.

УДК [343.137.4+347.951.013].05(470)

А. Р. ШАРИПОВА, *кафедра уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)*

A. R. SHARIPOVA, *Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)*

ВИДЫ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ, АРБИТРАЖНОМ, ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

THE TYPES OF DECISIONS IN CRIMINAL, ARBITRATION, CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Аннотация. *Определена общность природы решений в разных видах судопроизводства. Названы родовые и видовые понятия, обозначающие процессуальные документы разных отраслей права. Обнаружено, что одни и те же термины использованы в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессах в различных значениях. Сделан вывод о нарушениях правил классификации решений в уголовном процессе при использовании лишних критериев их деления. Предложено заимствование системы наименований процессуальных актов из арбитражного процесса.*

Ключевые слова и словосочетания: *уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс, судебные решения, процессуальные акты, приговор.*

Annotation. *The community of the nature of decisions in different types of legal proceedings is determined. The generic and specific concepts are indicated defining the procedural documents of different branches of law. It was found out that the same terms are used in criminal, arbitration, civil and administrative processes in different meanings. It is concluded that there are violations of the rules for classifying decisions in criminal proceedings when using unnecessary criteria for their division. The borrowing of the system of names of procedural acts from the arbitration process is proposed.*

Keywords and phrases: *criminal procedure, arbitration process, civil process, administrative process, court decisions, procedural acts, sentence.*

Общность судебно-процессуальной деятельности во всех ее отраслевых видах выражается в том, что результатом ее всегда становятся зримые правоприменительные акты – решения. Именно в них концентрируются существо и результат правосудия, и поскольку уголовное, арбитражное, гражданское и административное судопроизводства, по нашему мнению, должны быть максимально приближены друг к другу во всех своих институтах, где это возможно, сравнительный анализ регламентации решений в них представляет интерес. В то же время с процессуальными актами связано множество проблем уголовного процесса, поскольку любые нормы реализуются в актах, но мы не будем касаться в рамках этой статьи всех внутренних связей решений и иных институтов процессуального права, остановившись исключительно на нормативно закрепленных видах судебных решений.

Родовые и видовые понятия, обозначающие документы, издаваемые судом для фиксации своих выводов по промежуточным и главным вопросам в разных судопроизводствах, максимально раз-

личны; настолько различны, что создается впечатление, что законодатель специально назвал их все по-разному, чтобы правоприменители в них путались. Любому юристу, имеющему дело с актами разных процессуальных отраслей, стоит некоторых усилий правильно назвать тот или иной акт в соответствующей отрасли, поскольку одни и те же слова используются в них в разных значениях.

Итак, документы суда в целом в уголовном процессе именуются судебными решениями, в арбитражном и административном процессе – судебными актами, в гражданском процессе – судебными постановлениями. В рамках этой статьи мы будем использовать все эти наименования как синонимы, если речь идет о судебных документах в целом, безотносительно конкретной отрасли.

Акт, разрешающий дело по существу, выносимый судом первой инстанции, в гражданском, арбитражном и административном процессах называется решением в любом случае. Только в уголовном процессе его название зависит от его содержания – приговор, в обычном порядке судопроизводства, а вне его (например, при производстве о применении принудительных мер медицинского характера) еще и в зависимости от состава суда – постановление, если оно вынесено единолично, и определение, если коллегиально. Считаем, что такое «разнообразие» уголовному процессу не на пользу.

Формулируя требования к итоговому судебном решению, законодатель называет его в соответствующих статьях кодекса наиболее «вероятным» из вариантов, а не перечисляет все возможные. Так, согласно ст. 297 УПК РФ приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым. Общие требования законности, обоснованности и мотивированности ко всем процессуальным решениям, конечно, названы в ст. 7, но значит ли это, что постановление (определение) о прекращении уголовного преследования или уголовного дела не должно быть справедливым? Не думаем, что это так. Хотя формально лишь приговор «по-настоящему» разрешает дело по существу, в действительности многочисленные вариации окончательных постановлений и определений тоже это делают, и почему бы им не быть справедливыми, если они являют собой физическое выражение правосудия, непонятно. В науке высказываются даже более радикальные предложения о распространении требования справедливости на все процессуальные решения [1, с. 17] (но это требует, на наш взгляд, выхолащивания смысла справедливости, когда речь будет идти о «служебных», промежуточных актах), однако нельзя обойтись без него тогда, когда правосудие состоялось, т. е. был вынесен итоговый судебный акт.

В ст. 239 УПК РФ, посвященной прекращению уголовного дела и преследования в суде, речь идет только о вынесении постановления судьей, хотя при коллегиальном рассмотрении выносится определение о прекращении. Такая же проблема есть, например, в п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, где как основание прекращения уголовного преследования названо наличие постановления судьи о прекращении дела по тому же обвинению, хотя в действительности это может быть и определение суда. С другой стороны, в ст. 63 УПК РФ в перечне актов, участие в вынесении которых препятствует участию в пересмотре дела, наряду с постановлением о прекращении дела, названо и определение. Аналогично они указаны и в ст.ст. 81, 82, 106 УПК РФ.

Полагаем, что никакой системы в решении этого вопроса у законодателя нет: где-то вариативные наименования судебных решений перечисляются полностью, где-то указывается только наиболее распространенный акт. Это очевидный дефект законодательной техники, устранять который методом полного перечисления возможных вариантов излишне затратно, с точки зрения объема текста закона. Мы не видим никаких существенных препятствий для того,

чтобы называть любое итоговое решение суда первой инстанции в уголовном процессе одним и тем же термином, например, «решением», хотя полагаем, что такое предложение вызовет яростное неприятие у сторонников сохранения неприкосновенного исторического «приговора», считающих также невозможным распространить этот правовой термин на иные из существующих теперь итоговых решений первой инстанции. Однако все перечисленные выше дефекты регламентации связаны именно с излишне вариативными наименованиями судебных актов в уголовном процессе.

К промежуточным судебным решениям по УПК РФ относятся все определения и постановления, кроме итоговых, т. е. и те, и другие называются одинаково, что также нельзя признать удачной терминологией. Проверочные акты апелляционной инстанции именуются апелляционными приговором, определением и постановлением, что хотя бы не совпадает с какими-то другими наименованиями. Акт, выносимый по результатам пересмотра в кассационном порядке, в разных статьях УПК РФ носит названия «кассационного определения» (п. 23 ст. 5), «определения суда кассационной инстанции» (ст. 393), «определения, вынесенного при производстве по уголовному делу в суде кассационной инстанции» (п. 53.1 ст. 5). Что касается актов надзорной инстанции, то они на уровне единоличного решения судьи о передаче или отказе в передаче дела в Президиум Верховного Суда РФ (далее – Президиум ВС РФ) предсказуемо именуются постановлениями, и совершенно неожиданно в рамках внутренней логики УПК РФ постановлениями же являются акты коллегиального рассмотрения – Президиума ВС РФ.

УПК РФ, в отличие от Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) и Кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ), положил в основу разделения судебных актов сразу три критерия:

1) инстанцию – приговор, апелляционный приговор, кассационное определение;

2) единоличность или коллегиальность вынесшего акт состава – постановление и определение;

3) промежуточность или итоговость – постановление и приговор.

Попытка одновременного применения всех трех критериев привела к тому, что система судебных решений в уголовном процессе составлена с нарушением правил классификации. Так, «постановлением» именуется одновременно и промежуточный документ (постановление о назначении экспертизы) и итоговый (постановление о назначении принудительных мер медицинского характера); с другой стороны, то же «постановление» – всегда единоличное решение судьи, а постановление Президиума ВС РФ – коллегиальное.

Мы не видим необходимости отражения в наименовании судебного акта состава суда, принявшего его (определение и постановление), поскольку это попытка передать содержание акта, а не обозначить его разновидность. Поскольку процессуальное решение – это ответ на свод неких правовых вопросов [2, с. 26], наименование этого решения должно ориентировать на то, ответов на какие вопросы следует от него ожидать без лишней конкретики.

В ГПК РФ в названиях судебных актов не отражается состав суда, однако изобилие однокоренных наименований в нем тоже малофункционально: определения – это промежуточные акты всех инстанций; апелляционное определение и определение кассационного суда общей юрисдикции – окончательные решения; судебные постановления – это акты в целом; постановления президиума суда надзорной инстанции – один из видов проверочных актов. При этом многократно в ГПК РФ термины «судебное поста-

новление» и «постановление» используются как синонимы.

Виды судебных актов по КАС РФ определены менее противоречиво: решение, апелляционное и кассационное определение, постановление Президиума ВС РФ (почему одни проверочные акты – это определения, а другие – постановления?) – для итоговых решений каждой из инстанций. Но согласно ст. 198 судебный акт суда первой инстанции, которым административное дело не разрешается по существу, выносится в форме определения.

Оптимальной нам представляется терминология арбитражного процесса, поскольку в ней одно лишь название судебного акта без дополнительных уточнений дает представление того, о чем идет речь. Решение – это всегда итоговый акт первой инстанции; определение – всегда промежуточный акт; постановление – акт проверочной инстанции.

Одна из особенностей наименований уголовно-процессуальных актов состоит в том, что один и тот же термин «постановление» используется для обозначения решений органов, осуществляющих уголовное преследование, и решений суда. В практике обычно указывается, чье это постановление – «постановление следователя» или «постановление суда», но применение разных слов для названий актов досудебной и судебной стадии процесса возможно было бы удобнее.

Во всех процессуальных отраслях ныне существуют частные определения (только в уголовном процессе они еще и частные постановления). Отметим, что так было не всегда, в АПК РФ соответствующие нормы внесены только в 2016 г. [3], причем отказ от них был неслучайным, т. к. в предыдущем АПК 1995 г., действовавшем до 2002 г., частные определения предусмотрены были. Для уголовно-процессуального закона термин «частное постановление» стал актуальным только в связи с введением единоличного рассмотрения уголовных дел в постсоветский период [4, с. 228–229]. В советские годы по УПК РСФСР 1960 года все уголовные дела рассматривались только коллегиально, суды выносили только частные определения.

Особая разновидность определений и постановлений – «протокольные» так или иначе предусмотрены всеми процессуальными законами, но упомянутое наименование использовано во всех кодексах, кроме УПК РФ. При этом перечень случаев, в которых решение какого-то вопроса включается в протокол без вынесения отдельного акта, в каждом из кодексов решается своеобразно. В УПК РФ есть перечень «самостоятельных» определений и постановлений (о прекращении дела, об избрании меры пресечения и др.), а все остальные – протокольные (ст. 256); в КАС РФ установлены критерии отдельных актов (возможность обжалования и др.), при их отсутствии определение является протокольным (ст. 198); по АПК РФ деление определений на виды аналогично, но при отсутствии возможности обжалования определение может быть как отдельным, так протокольным (ст. 184); ГПК РФ допускает вынесение протокольных определений при разрешении «несложных» вопросов (ст. 224). Среди перечисленных вариантов регламентации оптимальным нам представляется тот, что закреплен в АПК РФ.

Действительно, экономия усилий суда, связанная с отсутствием необходимости создания отдельного процессуального документа, оправдана единственно тем, что обжаловать этот документ сам по себе все равно было бы нельзя. В то же время жесткое деление определений, предусмотренное в КАС РФ, не вполне удобно, поскольку среди необжалуемых определений могут быть достаточно объемные (например, о назначении экспертизы), которые включать в текст протокола нецелесообразно. Судебного приказа или какого-то его аналога как разновидности судебных актов в УПК РФ, в отличие от

остальных процессуальных кодексов, нет, что, на первый взгляд, кажется очевидным. Однако же в истории российского уголовного процесса было и приказное производство, введенное в Устав уголовного судопроизводства 1864 г. изменениями 1912 г., в котором некоторые авторы видят исторические предпосылки современного особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ [5].

Межотраслевые различия касаются и «физической природы» судебных актов: согласно АПК РФ они выполняются в форме электронных документов и лишь при отсутствии технической возможности – на бумажном носителе (ст.ст. 169, 184 и др.). В УПК РФ вместо электронных документов – глубоко морально устаревшее положение о написании приговора от руки или изготовления с помощью технических средств (ст. 303). Между XIX в. уголовного и XXI в. арбитражного процесса находятся гражданское и административное судопроизводства, в которых основная форма решения письменная, а возможная – электронная (ст. 197 ГПК РФ, ст. 179 КАС РФ).

Следом за разными формами решений различия между процессами усугубляются изменившимися в эпоху цифровизации способом направления судебных актов сторонам (через Интернет или организацию связи), понятием «подписи» решений судом (усиленная квалифицированная электронная подпись против рукописного изображения). В итоге эти различия приводят к огромному разрыву в прогрессивности и соответствии современным цифровым реалиям [6].

Обобщая сказанное, полагаем целесообразным привести систему видов судебных актов уголовного, арбитражного, гражданского и административного судопроизводств к единому набору терминов и форме. Имеющиеся сходства и различия в наименованиях судебных актов во многом случайны, не имеют под собой объективно необходимых и объяснимых оснований, а потому затрудняют понимание российского правосудия населением, т. е. фактически ограничивают доступ к нему.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Аширова Л. В. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2006. 27 с.

2. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 240 с.

3. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Тарасов А. А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара: Самарский университет, 2001. 312 с.

5. Гуртовенко Э. С. Исторические корни особого порядка судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ) в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2010. № 8. С. 30–34.

6. Шарипова А. Р. Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. 2018. № 3 (38). С. 131–135.

© Шарипова А. Р.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.2/.3

Э. Х. РАХИМОВ, *начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)*

E. H. RAHIMOV, *Head of the Chair of Civil Law Disciplines of Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)*

Е. В. ПОНОМАРЕВА, *доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)*

E. V. PONOMAREVA, *Assistant Professor of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)*

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «ЕДИНЫЙ НЕДВИЖИМЫЙ КОМПЛЕКС» В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

GENESIS OF THE CONCEPT OF «UNIFIED IMMOVABLE COMPLEX» IN THE RUSSIAN CIVIL LAW

Аннотация. *Авторами статьи исследован вопрос эволюции понятия «единый недвижимый комплекс». Данная правовая категория прошла различные этапы своего становления. На законодательном уровне правовая категория «единый недвижимый комплекс» закреплена отдельной нормой в части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в то же время в современном российском гражданском праве отсутствует единый подход к пониманию единого недвижимого комплекса как объекта гражданского права. Сделан вывод об оптимизации процедуры государственной регистрации права собственности в связи с использованием правовой категории «единый недвижимый комплекс».*

Ключевые слова и словосочетания: *вещь, имущество, недвижимость, имущественный комплекс, вещные права, право собственности на вещь.*

Annotation. *The authors of the article have studied the question of the evolution of the concept of «unified immovable complex» in domestic legislation. This legal category has passed various stages of its formation. At the legislative level, the legal category «single immovable complex» is fixed by a separate norm in part 1 of the Civil code of the Russian Federation.at the same time, modern Russian civil law does not have a unified approach to understanding a single immovable complex as an object of civil law. The conclusion is made about optimization of the procedure of state registration of property rights in connection with the use of the legal category «unified real estate complex».*

Keywords and phrases: *thing, property, real estate, property complex, property rights, ownership of the thing.*

Приобретая в собственность землю,
становишься собственностью земли ...

Р. У. Эмирсон

Впервые в российском законодательстве понятие единого недвижимого комплекса было закреплено в ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Данная правовая категория прошла различные этапы развития в отечественном законодательстве. Так, в 1714 году Указом Петра I было введено понятие «единонаследие». Как отмечает С. В. Нарушкевич, «значение данного указа в развитии правового института недвижимости двоякое: с одной стороны, указ объединил понятия «поместье» и «вотчина» в единую недвижимую собственность, с другой – запретил в отношении нее продажу и залог» [2, с. 227–228].

С развитием общества, произошедшими изменениями в политической, экономической, социальной сферах в российской правовой системе появляется множество правовых актов. Так, в 1835 году был принят Свод Законов Российской империи, который состоял из пяти книг, где упоминалось о недвижимости как о «комплексной, неделимой вещи» (например, населенные пункты с заводами следовало рассматривать как единое целое) [3, с. 689].

Ю. С. Гамбаров, анализируя законодательство того периода, также упоминает в своих трудах о том, что «в нашем законодательстве нет вовсе особых определений о простых, составных и совокупных вещах» [4, с. 600]. К. П. Победоносцев, описывая объекты гражданского оборота, также говорил «о совокупности вещей, движимых и недвижимых, расположенных на земельном участке и предназначенных единой цели» [5, с. 89–90].

В начале XX века в проекте Гражданского уложения (1910 г.) было закреплено понятие и виды объектов, входящих в комплекс имущества, обозначены признаки, характеризующие вещь как имущественный комплекс, разновидности недвижимых вещей, прочно связанных с земельным участком, реестр недвижимого имущества (путем ведения вотчиной книги с установлением ее принадлежности по отношению к субъекту) [6]. Соответственно, перечисленные выше элементы в проекте Гражданского уложения свидетельствуют о наличии практически тех же признаков у современного имущественного недвижимого комплекса.

Существенные изменения в гражданском законодательстве произошли после 1917 года. Так, Гражданским кодексом РСФСР 1922 года было упразднено понятие «частная собственность на землю» и принадлежало государству. Таким образом, на тот период земельные участки предоставлялись только на право пользования, но не владения и распоряжения.

Восстановление экономики послевоенного времени и рыночных отношений формировали требования к правовому регулированию объектов имущественных прав и вещного права. Несмотря на это, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года закреплял правило, что все имущество, используемое в обороте, было предназначено для реализации задач государства. «Ни о какой нормативно закрепленной классификации объектов на движимые или недвижимые, делимые или неделимые не могло быть и речи в тот период времени» [7].

Начавшиеся в начале 1990 годов преобразования в политической и социально-экономической сферах жизни стали началом реформирования отечественного законодательства. Был принят ряд законодательных актов: Закон

СССР от 06.03.1990 № 1305-1 «О собственности в СССР» [8], Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» [9], Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31.05.1991 № 2211-1 [10]. Согласно данным законам вновь вводятся понятия «вещи», «иное имущество», которые подразделялись на недвижимое и движимое. При этом к недвижимому имуществу стали относить земельные участки и все то, что прочно с ними связано.

Следовательно, анализ законодательства показывает, что реформы начала 90-х годов дали положительные результаты для возрождения имущественных комплексов сначала как объектов права собственности, затем как объектов гражданского права, а также для поиска и формирования общего понятия недвижимым имущественным комплексам. С принятием действующего ГК РФ [11] законодатель в ст. 130 закрепил понятие и признаки недвижимых вещей, а в ст. 132 признал предприятие как имущественный комплекс, недвижимую вещь.

Наряду с понятием «предприятие», в законодательстве назрела необходимость предусмотреть специальное регулирование в отношении такого объекта гражданских прав, как «технологический имущественный комплекс», который представлял собой совокупность объектов имущества, объединенных «единым хозяйственным назначением» и расположенных на земельном участке, входящем в состав данного комплекса [12]. При этом следует отметить, что в Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе 2002 года упоминается технологический имущественный комплекс как сложная вещь [13].

К сожалению, с 2003 года предложенные Советом при Президенте РФ изменения ГК РФ в части закрепления на законодательном уровне и внедрения в гражданский оборот комплекса недвижимого имущества (технологического имущественного комплекса) так и не были реализованы на протяжении многих лет. Возможно, это представляется по причине наличия в действующем законодательстве внутренних противоречий и разных научных и практических точек зрения относительно правового регулирования сложных вещей.

В середине 2008 года было решено вернуться к проблематике совершенствования ГК РФ и подготовить Концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации, которая была одобрена в 2009 году Советом при Президенте РФ. В ней указывалось, что существенная проблема российского законодательства связана с понятием вещи, состоящей из частей, которые в свою очередь могли бы являться самостоятельными.

Поскольку в отечественном законодательстве отсутствовали критерии, при которых включение одной вещи в состав другой может означать потерю качеств самостоятельного объекта прав у первой, было предложено дополнить ст. 133 ГК РФ о неделимой вещи правилами, определяющими правовой режим составной части сложной вещи, а также проработать вопрос о включении в ГК РФ нового объекта недвижимого имущества – «технологический имущественный комплекс недвижимости» [14].

Однако в 2013 году в результате длительного обсуждения положений внесенного проекта закона в Государственную Думу Российской Федерации содержание ст.ст. 130, 133 ГК РФ существенно изменилось. Кроме того, в принятом Федеральном законе от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» было предусмотрено введение дополнительной ст. 133.1 ГК РФ, согласно которой в гражданский оборот введено понятие «единый недвижимый комплекс»

как совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одна недвижимая вещь.

Таким образом, согласно действующему гражданскому законодательству существуют два самостоятельных объекта гражданских правоотношений:

– единый недвижимый комплекс;

– предприятие как имущественный комплекс.

Данные объекты относятся к объектам недвижимости и требуют государственной регистрации. При этом в состав таких объектов могут входить как движимые, так и недвижимые вещи. Однако можно выделить и отличительные признаки двух правовых категорий:

– при участии в гражданских правоотношениях единый недвижимый комплекс является неделимой вещью, а предприятие может выступать как самостоятельный единый объект, так и по частям;

– единый недвижимый комплекс состоит только из вещей, а предприятие может включать в себя имущественные права и обязанности, исключительные права;

– в качестве одного из обязательных признаков, характеризующих предприятие как самостоятельный объект гражданских правоотношений, является его назначение, а именно в целях осуществления предпринимательской деятельности подобное требование в отношении единого недвижимого комплекса не установлено;

– правовой статус единого недвижимого комплекса регулируется общими положениями гражданского законодательства, в то время как в отношении предприятия установлен порядок совершения отдельных видов сделок [15].

Следует отметить, что в настоящее время с вступлением в законную силу ст. 133.1 ГК РФ участились случаи государственной регистрации права собственности на подобные объекты гражданских правоотношений. Так, в 2018 году единые недвижимые комплексы поставлены на государственный кадастровый учет в 24 субъектах Российской Федерации, в то время как в 2017 году – лишь только в 10 субъектах Российской Федерации [16].

В 2018 году в Республике Башкортостан администрацией городского округа города Уфа были поданы заявления в территориальные подразделения Росреестра по Республике Башкортостан о постановке на государственный кадастровый учет 350 дорог в качестве «бесхозяйных» [17]. Необходимо обозначить, что на сегодняшний день в российской правовой системе отсутствуют какие-либо специальные правила по осуществлению государственной регистрации прав на подобные объекты. Данный механизм осуществляется в общем порядке.

В заключение отметим, что из предложенных законодателем понятий, таких как «технологический имущественный комплекс», «технологический имущественный комплекс недвижимости», «единый имущественный комплекс», в окончательной редакции Гражданского кодекса Российской Федерации зафиксировано иное понятие – «единый недвижимый комплекс», что создает почву для научных дискуссий и свидетельствует об отсутствии единого подхода к понятию «имущественный комплекс» в доктрине гражданского права.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ // Российская газета. 2013. № 145.

2. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 719 с.

3. Нарушкевич С. В. Из истории становления и развития категории «имущественный комплекс» в гражданском праве России (до 1917 г.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2006. 22 с.

4. Гамбаров Ю. С. Русское гражданское право. Общая часть / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 816 с.

5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права / под ред. В. С. Ема. М.: Статут, 2002. 800 с.

6. Германов А. В. От пользования к владению и вещному праву. М.: Статут, 2009. 698 с.

7. Гражданский кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 11.06.1964) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.

8. Яковлева О. В. Уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.

9. О собственности в СССР: закон СССР от 06.03.1990 № 1305-1 (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 164.

10. О собственности в РСФСР: закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

11. Гражданский кодекс РФ. Часть 1: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

12. Цымляков Д. Правовое регулирование единого недвижимого комплекса: история вопроса и сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Балтийский юридический журнал. 2016. № 1. С. 59–70.

13. Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе от 19.06.2002 // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2003. № 1-2.

14. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

15. Хмелевская А. Единый недвижимый комплекс: актуальные вопросы и особенности осуществления кадастрового учета и регистрации прав. URL: https://serad.ru/rosreestr/2217-edinyj-nedvizhimyj-kompleks-aktualnye-voprosy-i-osobennosti-osushchestvleniya-kadastrovogo-ucheta-i-registratsii-prav.html (дата обращения: 25.07.2020).

16. Пылаев И. А. Особенности постановки единых недвижимых комплексов на государственный кадастровый учет // Московский экономический журнал. 2019. № 5.

17. В Башкирии на кадастровый учет поставят более 300 «бесхозяйных» дорог. URL: https://rosreestr.ru/site/press/news/v-bashkirii-na-kadastrovyy-uchet-postavyat-bolee-300-beskhozyaynykh-dorog/?sphrase_id=18789910 (дата обращения: 25.07.2020).

© Рахимов Э. Х.
© Пономарева Е. В.

УДК 347.626:351.811.121.1(470)

Д. С. РУДЬМАН, *доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Омск)*

D. S. RUDMAN, *Assistant Professor of Civil Law Disciplines of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Omsk)*

И. В. СЛЫШАЛОВ, *заместитель начальника кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Омск)*

I. V. SLYSHALOV, *Deputy Head of the Chair of Internal Affairs Bodies in Special Conditions of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Omsk)*

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

ABOUT STATE REGISTRATION OF VEHICLES THAT ARE JOINTLY OWNED BY SPOUSES

Аннотация. *В статье рассматриваются отдельные аспекты изменения регистрационных данных о владельце транспортного средства, находящегося в совместной собственности супругов. Раскрывается сущность совместной собственности супругов. Обращается внимание на то, что по разным причинам супруги сталкиваются с необходимостью «перерегистрации» автомобиля с одного супруга на другого. Авторы приходят к выводу о том, что основанием для изменения регистрационных данных о владельце транспортного средства должен являться не переход права собственности на транспортное средство от одного супруга к другому, а заявление одного из супругов о внесении изменений в регистрационные данные транспортного средства в связи со сменой титульного владельца. Отмечается, что помимо документов, удостоверяющих право собственности на транспортное средство, к заявлению целесообразно приобщать документ, подтверждающий приобретение транспортного средства в период брака, а также письменное согласие другого супруга.*

Ключевые слова и словосочетания: *супруги, совместная собственность, транспортные средства, регистрация, регистрационное действие, изменение данных о владельце.*

Annotation. *The article discusses some aspects of changing the registration data about the owner of a vehicle that is jointly owned by the spouses. The essence of joint property of spouses is revealed. Attention is drawn to the fact that for various reasons, spouses face the need to «re-register» the car from one spouse to another. The authors conclude that the basis for changing the registration data on the vehicle owner should not be the transfer of ownership of the vehicle from one spouse to another,*

but the application of one of the spouses to make changes to the registration data of the vehicle in connection with the change of the title owner. It is noted that in addition to documents certifying the ownership of the vehicle, it is advisable to attach to the application a document confirming the purchase of the vehicle during the marriage, as well as the written consent of the other spouse.

Keywords and phrases: *spouses, joint ownership, vehicles, registration, registration action, change of owner data.*

В жизни нередко встречаются ситуации, когда в собственности двух или нескольких лиц (сособственников) находится определенное имущество. Отношения собственников по поводу принадлежащего им имущества регулируются нормами гражданского законодательства об общей собственности. Возникновение права общей собственности может быть связано с различными юридическими фактами, например, приобретением несколькими лицами неделимой вещи. Гражданское законодательство предусматривает два вида общей собственности: долевую и совместную. Согласно п. 2 ст. 244 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) имущество может находиться в общей собственности с определением доли каждого из собственников в праве собственности (долевая собственность) или без определения таких долей (совместная собственность).

Участники долевой собственности имеют заранее определенную долю, которую они вправе по своему усмотрению продать, подарить, завещать и т. д. Участники совместной собственности могут владеть и пользоваться общим имуществом только сообща, распоряжаться таким имуществом они вправе по согласию всех участников, которое предполагается независимо от того, кто из участников совершает сделку по распоряжению имуществом. В ГК РФ определены два вида совместной собственности: совместная собственность супругов и совместная собственность крестьянского (фермерского) хозяйства.

Под совместной собственностью супругов понимается имущество, нажитое ими в период брака. С момента регистрации брака между супругами возникают личные и имущественные права и обязанности. Правоотношения имущественного характера могут быть урегулированы брачным договором. Однако в том случае, если брачный договор между супругами не заключен, имущественные права и обязанности определяются понятием «законный режим имущества супругов», под которым понимается режим совместной собственности супругов. Все имущество, которое супруги приобрели в зарегистрированном браке, по общему правилу является их совместной собственностью независимо от того, кем из супругов или на имя кого приобретено данное имущество [2].

Примером совместной собственности супругов является автомобиль, приобретенный в браке за счет общих доходов супругов по договору купли-продажи. Несмотря на то что транспортное средство в данном случае регистрируется на имя покупателя, который в свидетельстве о регистрации транспортного средства значится в качестве собственника (владельца) транспортного средства, другой супруг также является полноправным собственником автомобиля, приобретенного в браке.

В отдельных случаях супруги сталкиваются с необходимостью «перерегистрации» автомобиля с одного супруга на другого. Причины могут быть разные, например: получение права на льготы по транспортному налогу [3] или права на бесплатную парковку в пределах зоны платных городских парковок [4]. Кроме того, поводом к этому может быть нежелание супруга, находящегося на государственной службе, быть привлеченным к ответственности за административное

правонарушение в области дорожного движения, которое он не совершал. По общему правилу в случае нарушения правил дорожного движения, зафиксированного камерой автоматической фиксации, к административной ответственности привлекается собственник транспортного средства. Учитывая, что процедура обжалования постановления об административном правонарушении затратная по времени, разумным представляется перерегистрировать транспортное средство на супруга, который им преимущественно управляет.

Весьма распространенной является практика, когда для реализации своего права на регистрацию транспортного средства супруг представляет в регистрационное подразделение ГИБДД договор купли-продажи (договор дарения или иной гражданско-правовой договор), заключенный со своим же супругом и предусматривающий переход права собственности от одного лица к другому. В связи с этим возникают закономерные вопросы. Как супруга может приобрести у своего супруга вещь, находящуюся в совместной собственности, собственником которой она и так является? Насколько оправданно заключение гражданско-правовых договоров между супругами для последующей регистрации транспортного средства? Не является ли данная практика противоречащей закону [5, с. 33]?

Как отмечается в литературе, в деятельности регистрационных подразделений ГИБДД гражданско-правовые договоры между супругами весьма распространены и обычно не вызывают нареканий у сотрудников соответствующих подразделений. Приводится пример, когда в ходе проверки деятельности одного из подразделений РЭО ГИБДД был выявлен факт приобретения гражданкой по договору купли-продажи легкового автомобиля, причем приобрела она его у своего супруга, который ранее приобрел его в период брака за счет общих доходов супругов [6, с. 82]. Следует согласиться с точкой зрения авторов, выступающих против практики представления договоров, заключаемых между супругами, для совершения регистрационных действий. В обоснование своей позиции они ссылаются на положения ст. 454 ГК РФ, где дается легальное определение договора купли-продажи, в силу которого одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Следовательно, согласно правовой конструкции договора купли-продажи одна его сторона – собственник передает товар другой стороне – несобственнику. А в указанном выше примере имущество, приобретенное одним из супругов, является общей собственностью обоих. Значит, жена, покупая у своего мужа транспортное средство, фактически приобретала свою собственную вещь. Очевидно, что данные действия не укладываются в конструкцию договора купли-продажи [6, с. 82].

Считаем, что изменение регистрационных данных на основании такого рода гражданско-правовых договоров, направленных на отчуждение транспортного средства, будет правомерным только в том случае, если супруги произвели раздел совместно нажитого имущества. Режим совместной собственности при этом прекращается, и у каждого из супругов возникает право долевой собственности на транспортное средство. С этого момента каждый из супругов на законных основаниях может по своему усмотрению распорядиться своей долей – продать, подарить, завещать ее, в том числе другому супругу. После чего супруг-покупатель по такому договору имеет право на изменение регистрационных данных, связанных с переходом права собственности на транспортное средство. Во всех остальных случаях следует вести речь об изменении регистрационных данных

о владельце транспортного средства. При этом такое изменение не связано с необходимостью заключать гражданско-правовой договор и представлять его в регистрационное подразделение ГИБДД [5, с. 33–34].

Такие выводы согласуются с действующим нормативным правовым регулированием в рассматриваемой сфере. Так, основным нормативным правовым актом, регламентирующим правоотношения, возникающие в связи с государственной регистрацией транспортных средств, является Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] (далее – ФЗ № 283).

В соответствии со ст. 10 ФЗ № 283 регистрационное действие – это действие регистрационного подразделения по установлению или изменению регистрационных данных транспортного средства, замене документов, идентифицирующих транспортное средство. Регистрационное действие совершается по обращению владельца транспортного средства. Одним из регистрационных действий является внесение изменений в регистрационные данные транспортного средства – изменение содержания или состава регистрационных данных транспортного средства и внесение соответствующих изменений в документы, идентифицирующие транспортное средство. К регистрационным данным транспортного средства относится большой перечень данных, среди которых упоминаются данные о владельце транспортного средства (фамилия, имя и (при наличии) отчество, а также место жительства физического лица).

Для совершения регистрационных действий должностное лицо регистрационного подразделения вправе потребовать: заявление владельца транспортного средства; документ, удостоверяющий личность обратившегося лица; документы, идентифицирующие транспортное средство; документ об уплате государственной пошлины и др. Кроме того, согласно ч. 7 ст. 15 ФЗ № 283 к числу документов, предоставляемых для совершения регистрационных действий, относятся и иные документы, обосновывающие существо заявления о совершении регистрационных действий, представленные по инициативе лица, обратившегося для совершения регистрационных действий. Представляется, что к иным документам можно отнести свидетельство о заключении брака, подтверждающее, что транспортное средство является совместной собственностью супругов, а также письменное согласие супруга на внесение изменений в регистрационные данные транспортного средства.

Следовательно, ФЗ № 283 не содержит каких-либо препятствий для внесения изменений в регистрационные данные транспортного средства по заявлению одного из его владельцев. Не содержит таких препятствий и Административный регламент МВД России предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств [8] (далее – Административный регламент).

Вместе с тем необходимо отметить, что в отличие от Правил государственной регистрации автомототранспортных средств и прицепов к ним [9], действовавших до принятия Административного регламента, последний исключает возможность совершения регистрационных действий в отношении транспортного средства, принадлежащего двум и более собственникам. Само по себе отсутствие соответствующего правового регулирования, конечно, не свидетельствует о принципиальной невозможности изменения регистрационных данных транспортного средства по заявлению одного из сособственников. Однако это может создать потенциальные сложности для

владельцев транспортных средств (потребителей государственных услуг).

В связи с этим считаем целесообразным внести изменения в Административный регламент, дополнив п. 2 абзацем следующего содержания: «Регистрация транспортного средства производится только за одним юридическим или физическим лицом либо индивидуальным предпринимателем. Регистрация транспортного средства, принадлежащего двум и более собственникам, осуществляется за одним из них при наличии письменного согласия на это остальных собственников, поданного ими в регистрационное подразделение Госавтоинспекции при производстве регистрационного действия». Кроме того, предлагаем дополнить текст Административного регламента пунктом 128.1, изложив его в следующей редакции:

«128.1. Внесение изменений в регистрационные данные транспортного средства, находящегося в собственности двух и более лиц, в связи с заявлением одного из собственников осуществляется при наличии письменного согласия на это остальных собственников.».

Таким образом, анализ нормативных правовых актов, регламентирующих процедуру регистрации транспортных средств, позволяет сделать вывод об отсутствии правовых препятствий для «перерегистрации» транспортного средства, находящегося в совместной собственности супругов. При этом основанием для изменения регистрационных данных о владельце транспортного средства должен являться не переход права собственности на транспортное средство от одного супруга к другому, а заявление одного из супругов о внесении изменений в регистрационные данные транспортного средства в связи со сменой титульного владельца. Помимо документов, удостоверяющих право собственности на транспортное средство, к заявлению целесообразно приобщать документ, подтверждающий приобретение транспортного средства в период брака (например, свидетельство о заключении брака), а также письменное согласие другого супруга [5, с. 34].

На основании вышеизложенного полагаем, что содержащиеся в статье выводы и рекомендации, а также сформулированные предложения по внесению изменений в действующее законодательство позволят привести административное законодательство в части, касающейся государственной регистрации транспортных средств, в соответствие с частным правом относительно совместной собственности супругов. Положительным итогом данных изменений станет формирование насущной практики деятельности регистрационных подразделений ГИБДД, ведь только в этом случае процедура регистрации транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов, будет отвечать базовому принципу любой правовой системы – принципу законности.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. О транспортном налоге: закон Омской области от 18 ноября 2002 г. № 407-ОЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Московский паркинг. URL: http://parking.mos.ru/about/123/ (дата обращения: 20.07.2020).

5. Рудьман Д. С., Слышалов И. В. О праве каждого супруга на регистрацию транспортного средства, находящегося в совместной собственности, без изменения режима имущества // Актуальные проблемы частного права: материалы Межведомственной научно-практической конференции (Омск, 24 мая 2019 г.) / отв. ред. К. В. Карпов, Д. С. Рудьман. Омск, 2019. С. 31–35.

6. Семейное право: учебник / под общ. ред. Р. А. Прощалыгина. Барнаул, 2016. 212 с.

7. О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 03.08.2018 № 283-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств: приказ МВД России от 21.12.2019 № 950 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении Правил государственной регистрации автомототранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, образца бланка свидетельства о регистрации транспортного средства и признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России и отдельных положений нормативных правовых актов МВД России: приказ МВД России от 26.06.2018 № 399 (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

© Рудьман Д. С.
© Слышалов И. В.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985.7:343.72:347.454.3(470)

С. А. ГРИГОРЯН, *аспирант Башкирского государственного университета (г. Уфа)*

S. A. GRIGORYAN, *Postgraduate of the Bashkir state University (Ufa)*

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛЬЯ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УКАЗАННЫХ ДЕЯНИЙ

THE SITUATION OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF SHARED HOUSING CONSTRUCTION AND OTHER REAL ESTATE OBJECTS AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THESE ACTS

Аннотация. *В статье обращается внимание на содержание такого элемента криминалистической характеристики преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости, как обстановка этих деяний. Предопределенный особой ролью жилья в жизни людей, а также правовой регламентацией долевого строительства данный элемент криминалистической характеристики преступлений отличается выраженным своеобразием*

касательно пространственно-временных аспектов, а также факторов, влияющих на совершение данных деяний.

Ключевые слова и словосочетания: *обстановка преступления, долевое строительство, жилище, дольщики, договор участия в долевом строительстве, место преступления, время преступления.*

Annotation. *The article draws attention to the content of such an element of criminalistic characteristics of crimes in the field of shared housing construction and other real estate objects as the situation of these acts. Determined by the special role of housing in people's lives, as well as the legal regulation of shared-equity construction, this element of criminalistic characteristics of crimes is characterized by a pronounced originality, regarding the spatial and temporal aspects, as well as factors that affect the Commission of these acts.*

Keywords and phrases: *crime scene, shared-equity construction, housing, shareholders, contract of participation in shared-equity construction, crime scene, time of crime.*

В соответствии с Конституцией РФ (ст. 40) каждый имеет право на жилище, которое определенным категориям лиц может быть предоставлено бесплатно либо за доступную плату из государственных, муниципальных и иных жилищных фондов. На органы государственной власти и органы местного самоуправления возложены обязанности по поощрению жилищного строительства, а также по принятию мер, направленных на реализацию указанного конституционного права граждан на жилище.

Одним из финансово привлекательных и востребованных способов разрешения жилищных и смежных социально значимых вопросов на протяжении всего постсоветского периода является участие граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, сутью которого является возможность поэтапного инвестирования денежных средств в строящиеся объекты. По мере завершения строительства и ввода в эксплуатацию указанных объектов застройщик при условии выполнения дольщиком обязательств финансового характера обязан передать последнему соответствующее помещение (квартиру, гараж, подземное парковочное место и т. д.) для последующего оформления в собственность.

Однако в течение последних десятилетий следственно-судебная практика столкнулась с массовыми случаями неисполнения застройщиками взятых обязательств. Об этом свидетельствуют уголовные дела о преступлениях, совершенных как руководителями крупнейших строительных компаний (концернов, холдингов), имевших солидный опыт работы в строительной сфере и сдавших ранее не один десяток объектов, так и владельцами небольших фирм, а то и физическими лицами, обещавшими возвести малоэтажные здания, содержащие обособленные жилые помещения по привлекательным ценам.

С точки зрения уголовного законодательства, выступающего одним из неизменных источников для формирования криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений, под преступлениями в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости нами понимаются деяния, предусмотренные ст.ст. 159, 160, 200.3, 201, 286 УК РФ и иными нормами, если содержанием противоправных действий охватываются правоотношения в сфере долевого строительства жилья или иных объектов недвижимости.

Расследование этих деяний сопровождается достаточными трудностями [1], вызванными как объективной сложностью механизма их совершения, реализацией заинтересованными лицами ряда действий, направленных на сокрытие преступных деяний, так и недостаточностью современных действенных

научных наработок, основанных на всестороннем и глубоком эмпирическом и теоретическом анализе закономерностей совершения преступных посягательств указанной группы. В этой связи сохраняется актуальность в разработке комплекса методико-криминалистических рекомендаций [2], направленных на повышение результативности расследования преступлений отмеченной группы.

Как известно, совокупность закономерностей, отражающих механизм преступной деятельности [3], носящей динамичный характер, в гносеологическом аспекте воплощается в криминалистической характеристике преступлений [4; 5]. Выступая научной абстракцией, своеобразной информационной моделью соответствующего противоправного события, криминалистическая характеристика преступлений дифференцируется на ряд структурных элементов, носящих системный и взаимно обусловленный характер [6].

Одним из высоко информативных элементов данной научной абстракции являются особенности обстановки совершения преступлений [7]. Разумеется, сам по себе термин «обстановка совершения преступлений» носит междисциплинарный характер, изучаясь не только криминалистикой, но и уголовным правом, уголовным процессом, криминологией и иными науками уголовно-правовой специализации.

С точки зрения криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений, под обстановкой совершения преступлений принято понимать совокупность пространственно-временных и иных условий, сопутствующих совершению преступления. При этом зачастую основной составляющей обстановки совершения преступлений (как элемента универсальной структуры криминалистической характеристики преступлений, безотносительно к конкретным категориям деяний) различными исследователями считаются особенности места совершения преступлений. Напомним, что под местом совершения преступления понимается определенный участок пространства, в пределах которого реализуется непосредственный преступный умысел, а равно осуществляются те или иные этапы преступной деятельности (если таковая носит длящийся и/или многоэтапный характер).

Данный вывод закономерен, поскольку традиционно считается, что именно в пределах места совершения преступления концентрируется максимальная совокупность следов преступной деятельности. Кроме того, место совершения преступления имеет связь с личностью субъектов преступлений и иных лиц, случайно или преднамеренно оказавшихся в определенном материальном пространстве, вовлеченных в данное противоправное событие. Поэтому изучение места преступления, а также знание типичных криминалистически значимых особенностей такого места в рамках криминалистической характеристики преступлений выступают ценным методико-криминалистическим ресурсом для организации и осуществления расследования преступлений.

Установление времени либо временного диапазона совершения преступления приобретает значимость как само по себе (как элемент обстоятельств, подлежащих доказыванию согласно ст. 73 УПК РФ), так и во взаимосвязи с иными существенными характеристиками данного события (прежде всего совершение непосредственных противоправных действий с самими субъектами преступлений). Поэтому, с точки зрения криминалистической характеристики преступлений, исследователями зачастую определяется типичное для совершения той или иной группы преступления время. При этом содержание понятия «типичное время совершения преступления» разнолико: здесь может идти речь и о времени суток, и о днях недели,

и о времени года, и о связи с какими-либо государственными праздниками или иными значимыми датами, временными периодами и пр.

Помимо места и времени совершения преступления, содержанием обстановки совершения преступления могут охватываться иные смежные условия, способствующие совершению деяния: состояние профилактической работы; характер и содержание контрольно-надзорных мероприятий; положения законодательства, регулирующего правоотношения в сфере долевого строительства жилья (наличие пробелов и коллизий); повышенный спрос на жилье в определенном регионе в силу климатических, социокультурных особенностей; степень неправомерного вмешательства в бизнес со стороны должностных лиц государственных органов [8] и т. д.

Интерпретируем вышеизложенные общие положения по отношению к преступлениям, связанным с долевым строительством жилья и иных объектов недвижимости.

Под типичным местом совершения названных деяний следует понимать:

– помещение (офис, кабинет) организации, в которой состоялись: незаконное заключение договора об участии в долевом строительстве жилья или иных объектов недвижимости, получение денежных средств в счет выполнения обязательств по этому договору (а равно заключение фактически аналогичных сделок с подписанием документов в обход действующего законодательства: «предварительного договора», «договора инвестирования», «договора займа», «долговой расписки» и т. д.);

– помещение (служебный кабинет) уполномоченного должностного лица государственного или муниципального органа, выдавшего разрешение на строительство вопреки отсутствию оснований, принявшего иные незаконные решения в связи со строительством и/или введением в эксплуатацию объекта долевого строительства жилья или иной недвижимости; помещение (служебный кабинет) иных сотрудников, которым в силу служебных обязанностей поручено составление соответствующей документации, ее оформление, учет, ведение делопроизводства и т. д.;

– непосредственный участок пространства, в пределах которого осуществляется либо должно было осуществляться строительство многоквартирного дома или иного объекта недвижимости согласно существующим гражданско-правовым обязательствам.

Несмотря на то что преступлениям в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости имманентно присущи действия по фальсификации или иному искажению разрешительной, учетно-отчетной, правоустанавливающей, гражданско-правовой, текущей документации, учет третьего элемента типичного места преступления необходим, поскольку позволяет увидеть связь относительно: предполагаемого объекта строительства согласно разрешительной документации; обязательств, предусмотренных гражданско-правовым договором; реального хода и результатов строительства относительно как соответствия объекта характеристикам, предусмотренным в разрешительной документации, так и выполнения обязательств по передаче дольщикам завершенного строительством объекта. Кроме того, анализ характеристик земельного участка, отведенного под строительство, значим с точки зрения категории земель, определенных Земельным кодексом РФ, что взаимосвязано с видами разрешенной деятельности: для индивидуального жилищного строительства, строительства многоквартирного дома, ведения сельского хозяйства и т. д. [9].

Что касается типичного времени совершения преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости, то необходимо отметить следующее. Характеризуя типичное

время суток, следует констатировать выраженность совершения гражданско-правовых сделок, а также получения разрешений на строительство и иных согласований в связи со строительством и введением объекта в эксплуатацию в течение официально отведенного рабочего дня. С другой стороны, совершение аналогичных действий в определенных случаях имело место и вне рабочего времени (а также вне служебного помещения). В сочетании с иными доказательствами данный факт может указывать на сговор уполномоченных должностных лиц местной администрации и представителей застройщика, инициированный любой из этих сторон, а равно попытки оказания взаимного влияния путем уговоров, подкупа, давления (шантажа).

Однако значение для расследования времени совершения этих деяний не исчерпывается типичным временем суток. Разрешительной, проектно-сметной, отчетной, гражданско-правовой и иной сопутствующей документацией предусмотрены сроки выполнения тех или иных обязательств. Так, представляет значимость продолжительность периода с момента истечения срока, предусмотренного в разрешительной, а также гражданско-правовой документации до момента, когда стало известно о невозможности выполнения застройщиком взятых обязательств. Данный период может находиться в корреляции с действующим в соответствующий временной этап законодательством, устанавливающим те или иные требования и/или ограничения к застройщикам, а также корректирующим объем разрешительных или контрольных полномочий со стороны надлежащих государственных органов. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» регулирует правоотношения в связи с осуществлением долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости, а также устанавливает ряд требований и ограничений как к самим застройщикам, так и к их деятельности, осуществляемой в этой связи.

Помимо обладания разрешением на строительство и проектной документацией, получившей положительное заключение экспертизы, законодатель предъявляет к застройщику ряд иных условий, среди которых: наличие собственных средств в размере не менее 10 % от стоимости объекта согласно проектно-сметной документации; наличие денежных средств в указанном размере на банковском счете застройщика на момент открытия продаж объектов долевого строительства в уполномоченном банке либо наличие кредитного договора с уполномоченным банком, согласно которому застройщику предоставляется целевой кредит на строительство объекта долевого строительства в размере не менее 40 % от стоимости объекта согласно проектно-сметной документации; отсутствие финансовых обязательств по иным кредитам, займам, ссудам; соблюдение нормативов финансовой устойчивости; отсутствие реализации процедуры ликвидации застройщика как юридического лица, а также процедур банкротства; отсутствие решения о приостановлении деятельности застройщика в качестве административного наказания; отсутствие задолженности по налогам, сборам и иным обязательным платежам; принадлежащее застройщику имущество не обращено для обеспечения исполнения обязательств третьих лиц и т. д.

Оценку правомерности тех или иных действий представителей застройщика необходимо осуществлять: во-первых, с учетом действующего законодательства, во-вторых, с учетом содержания имеющейся у застройщика разрешительной и проектно-сметной документации; в-третьих, с учетом распространенности случаев документального искажения дат реального совершения действий или со-

бытий. Так, отказ должностных лиц муниципальных органов при наличии соответствующих оснований в продлении разрешения на строительство (отозвание разрешения на строительство), наряду с прочими ограничениями, означает также запрет на продажу квартир в данном строящемся объекте. Соответственно, заключение гражданско-правовых сделок в данный период (в том числе не в виде договора об участии в долевом строительстве, а в виде предварительного договора, договора займа, договора инвестирования и прочих «суррогатов»), а равно указание в этих документах дат, не соответствующих действительности, указывает на намеренный противоправный характер действий субъектов преступлений. В подобных случаях, как свидетельствуют материалы уголовных дел, субъекты преступлений сознательно принимают денежные средства от граждан или юридических лиц, вопреки отсутствию прав на совершение этих действий, а также отчетливо понимая, что строительство объекта останется незавершенным либо объект не может быть введен в эксплуатацию вследствие допущенных нарушений проектно-сметной документации.

Таким образом, содержание обстановки совершения преступлений в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости обладает достаточным своеобразием, продуцируемым спецификой механизма преступной деятельности и его отображением в следовой картине данного события, в свою очередь, представляющей собой совокупность документальных, материально-фиксированных, идеальных следов.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Варданян А. В., Мирзоян С. С. Общие положения судебной строительно-технической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2014. № 4 (65). С. 44–47.

2. Варданян А. В., Кулешов Р. В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Российский следователь. 2015. № 22. С. 7–13.

3. Варданян А. В., Гончаров К. В. Механизм злоупотребления полномочиями субъектами управленческих функций в коммерческих и иных организациях как методологическая основа для формирования частной криминалистической методики расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 3–9.

4. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 3–10.

5. Варданян А. В., Ларионов И. А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 4-2. С. 9–12.

6. Головин А. Ю. К вопросу межэлементных связей в криминалистической характеристике преступления // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 31–35.

7. Варданян А. В. Криминалистические знания о посткриминальной деятельности: проблемы формирования и развития // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 129–135.

8. Варданян А. В., Казаков В. В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 745–754.

9. Варданян А. В. Преступные нарушения земельных правоотношений как неотъемлемые деструктивные последствия либерализации прав на землю: генезис и механизм посягательства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 59–66.

© Григорян С. А.

УДК 343.985.7:343.7:[336.747.5:004.6]

А. В. МАИЛЯН, *адъюнкт Ростовского юридического института МВД России (г. Ростов-на-Дону)*

A. V. MAYILYAN, *adjunct of the Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Rostov-on-Don)*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

FORENSIC ASPECTS OF THE STUDY OF THEFT COMMITTED USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы, сопутствующие расследованию хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа, указываются проблемы, связанные с доказыванием типичных обстоятельств совершения этих деяний, даются рекомендации практического характера. Также авторами формулируется общий вывод о потребности в дальнейшем криминалистического изучения указанной группы деяний с позиций научного иструментария криминалистической методики.*

Ключевые слова и словосочетания: *банковские карты, электронные средства платежа, платежная система, мошенничество, кража, хищение, денежные средства.*

Annotation. *The article deals with urgent question related to the investigation of theft committed using electronic means of payment, points out the problems associated with proving the typical circumstances of the Commission of these acts, and provides practical recommendations. The author makes a General conclusion about the need for further forensic study of this group of acts from the standpoint of the tools of forensic methodology.*

Keywords and phrases: *bank cards, electronic means of payment, payment system, fraud, theft, embezzlement, money.*

Последние десятилетия ознаменовались дальнейшим неуклонным развитием науки и техники, в том числе такой ее неотъемлемой составляющей, как высокие технологии, выступающие закономерным проявлением формирующегося постиндустриального, информационного общества. Стремительное развитие и совершенствование информационных технологий, позволяющих предоставлять населению различные услуги в дистанционном формате, не могло не оставить в стороне такой аспект, как оборот денежных ресурсов, выступающих универсальным средством урегулирования различных обязательств возмездного характера. Нынешние условия констатируют тот факт, что электронные денежные средства, а также электронные средства платежа постепенно вытесняют тради-

ционный оборот с наличными денежными средствами. Будь это получение заработной платы и иных выплат (пенсий, пособий и пр.), совершение различных гражданско-правовых сделок, оформление и оплата кредитных продуктов либо выполнение обязательств в сфере налогообложения и т. п., осуществление этих и аналогичных действий безналичным путем выглядит несопоставимо удобно и привлекательно. По данным Банка России, среди операций, совершаемых с помощью банковских карт, преобладают не снятие наличных денежных средств, а совершение иных операций безналичного характера, отличающихся дальнейшей циркуляцией денежных средств с помощью соответствующих электронных систем.

Проиллюстрированная ситуация находится в закономерной связи как с развитием нормативной базы, регулирующей оборот безналичных (электронных) денежных средств с помощью соответствующих платежных систем, так и с разработкой мер, направленных на минимизацию случаев неправомерного завладения чужими денежными средствами с помощью данных новых ресурсов и возможностей.

Вопросы оказания услуг с помощью электронных средств платежа, а также нормативные основы национальной платежной системы урегулированы в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ № 161). Законодатель в ст. 3 дает дефиниции ряда терминов в связи с функционированием национальной платежной системы. Сама национальная платежная система определяется законодателем как совокупность операторов по переводу денежных средств (в том числе операторов электронных денежных средств), банковских платежных агентов (субагентов), платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг в соответствии с отечественным законодательством, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры, операторов услуг информационного обмена, иностранных поставщиков платежных услуг, операторов иностранных платежных систем, поставщиков платежных приложений (субъекты национальной платежной системы).

Под оператором электронных денежных средств понимается оператор по переводу денежных средств, осуществляющий перевод электронных денежных средств без открытия банковского счета. Соответственно, электронные денежные средства трактуются как денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами, в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

Электронные средства платежа – есть средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. Не присоединяясь к полемике относительно трактовки понятия и содержания указанных и взаимосвязанных терминов, отметим, что на данный момент отсутствует единообразие, наблюдается сосуществование различных подходов, наличие пробелов в законодательстве, включая недостаточное согласование положений ФЗ № 161 с нормами ГК РФ [1], что закономерно для этапа

формирования качественно новых условий денежного оборота.

С другой стороны, для криминалитета всякие нововведения, тем более характеризующиеся незавершенностью нормативного урегулирования, а также сулящие вследствие недостаточной финансовой и информационно-телекоммуникационной компетентности рядового населения колоссальные возможности по незаконному обогащению, воспринимаются в качестве очередных перспектив. Поэтому закономерно, что с момента возникновения в нашей стране оборота электронных денежных средств стали постепенно учащаться случаи их хищения. Изначально они совершались непосредственно с использованием банковских карт. В тот период появился такой специфический термин, как «пластиковая преступность», отражающий всего лишь материал, используемый при изготовлении банковских карт, но не криминалистически значимые свойства механизма совершаемых посягательств. Постепенно, по мере развития средств электронных платежей (электронной коммерции), наряду с непосредственным использованием банковских карт, субъектами преступлений стали применяться более совершенные электронные технологии, включая специальное программное обеспечение, устанавливаемое на персональный компьютер.

Уголовное законодательство, реагируя на данную ситуацию, Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ криминализировало: кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ); мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). При этом указанная разновидность кражи, во-первых, считается таковой при условии отсутствия признаков, присущих аналогичному виду мошенничества, во-вторых, в отличие от технологически сходного мошенничества, считается тяжким преступлением.

Закономерно, что на практике возникло множество конфликтных ситуаций в связи с определением составов кражи либо мошенничества, прежде всего вследствие неоднозначности категорий указанных, казалось бы, технологически сходных деяний, поскольку определение категорий преступления влияет на возможность и варианты прекращения производства по уголовному делу. Причем конфликтные ситуации возникали по инициативе как стороны обвинения (мотивируя созданием видимости раскрытия тяжкого преступления и/или приданием по уголовному делу более «определенной» судебной перспективы, невозможностью прекращения производства вследствие деятельного раскаяния либо в связи с допущением следственных ошибок [2]), так и стороны защиты (мотивируя законным правом подозреваемого и обвиняемого на защиту от уголовного преследования).

В этой связи постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» были даны некоторые разъяснения. В частности, если хищение денег произошло в результате посещения субъектами преступления банкомата, где ими была использована предварительно похищенная или поддельная банковская кредитная либо дебетовая карта без участия уполномоченного сотрудника финансовой организации, то такое деяние необходимо признавать кражей. Если же хищение с использованием чужой или поддельной банковской карты произошло вследствие обращения субъекта преступления к сотруднику финансовой, торговой или иной организации с сообщением заведомо ложных сведений о держателе карты либо с утаиванием факта незаконного владения платежной картой, то такое деяние представляет собой мошенничество, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ. В то же время не являются редкостью случаи, при которых обман или злоупотребление доверием держате-

ля карты как способ хищения денежных средств касался получения доступа к его персональным данным (фамилии, имени, отчества, даты рождения, паролей, других сведений контрольного характера), которые держатель карты передал злоумышленникам в результате оказанного на него психологического воздействия. Состоявшееся с использованием таких действий хищение безналичных денежных средств также надлежит определять как кражу.

С другой стороны, установление фактов получения доступа к банковской карте и иным персональным данным (в частности, пин-коду, паролю) путем иных форм хищения, в частности, грабежей и разбойных нападений, вызывает меньше сложностей. В подобных случаях грабежи или разбои, в ходе которых у субъектов преступления оказываются в распоряжении банковские карты, мобильные телефоны, персональные компьютеры, ноутбуки (имеющие необходимое программное обеспечение – Сбербанк онлайн и др.), выступают подготовительными действиями по отношению к непосредственному хищению денежных средств, находящихся на электронных банковских счетах.

Таким образом, расследование хищений с использованием электронных средств платежа в качестве одной из базовых своих задач предполагает уточнение формы совершенного хищения, что не всегда представляется однозначным. Кроме того, не являются редкостью ситуации, когда подготовительный этап данного деяния сам по себе предусматривает действия, которые, с точки зрения их юридической оценки, представляют собой иные формы хищения – предметов или документов, содержащих информацию, необходимую для хищения электронных денежных средств.

Криминалистическим средством определения точной формы хищения денежных средств с помощью электронных средств платежа выступает формулирование соответствующих общих следственных версий (касательно факта и формы хищений) либо действий, не носящих преступный характер, а также детализирующих общие версии частных версий – касательно каждого обстоятельства, подлежащего доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ. А именно места и времени (временного периода) совершения хищения, реализованных способов преступления и использованных технических и иных средств, лиц, в той или иной степени участвовавших в совершении хищения, характера их вины и мотивов, причиненного преступлением вреда, и т. д.

Фактическим отграничением кражи от мошенничества, осуществленного с помощью электронных средств платежа, выступает наличие психологического контакта между субъектом преступления и сотрудником финансовой, торговой или иной организации, осуществляющим обязанности по обеспечению оплаты сделок или иных платежей с помощью специального электронного оборудования. Действительно, присущие мошенничеству обман или введение в заблуждение [3; 4] (будь они в активной или пассивной форме, которой является умолчание о принадлежности банковской карты иному лицу) – есть действия психологического характера. Они призваны воздействовать на сознание и эмоции, чувства, ощущения, которых не может быть у технических средств, даже оснащенных искусственным интеллектом, обрабатывающих информацию в автоматическом режиме. Соответственно, для определения факта контакта между оператором платежных систем и лицом, совершившим преступление, а также установления особенностей финансовых расчетов необходим подробный допрос в указанном ключе подозреваемого (если он согласен давать показания), а также сотрудника организации, обслуживавшего данную гражданско-правовую сделку или иной платеж, в качестве свидетеля [5].

Однако, как показывают материалы уголовных дел, среди таких форм хищений денежных средств, совершенных с помощью электронных средств платежа, как кражи и мошенничества, преобладают кражи, которым присущ бесконтактный характер действий субъектов преступления. Поэтому, помимо допроса потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), требуется проведение выемок банковских карт, со счетов которых проводились финансовые операции; платежных документов, отражающих факт перечисления денежных средств между счетами лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения; документов, отражающих выписку из банковского счета указанных лиц; технических средств, используемых в качестве орудий преступления (смартфонов, планшетных устройств, персональных компьютеров); документов, отражающих принадлежность данных устройств, а также контактных мобильных номеров конкретным лицам.

В соответствии с ч. 1 ст. 183 УПК РФ изъятие предметов или документов путем выемки возможно, если точно известно, где и у кого находятся данные объекты, имеющие значение для расследования. При этом положения ст. 183 УПК РФ не исключают проведения выемки как в добровольном, так и в принудительном порядке, если при этом соблюдаются названные выше условия ч. 1 ст. 183 УПК РФ, то есть принудительное изъятие интересующих следствие предметов или документов не переходит в предшествующий этому изъятию поиск, а выемка фактически не превращается в обыск [6].

Изъятие значимых для расследования предметов и документов путем выемки целесообразно у потерпевших и свидетелей стороны обвинения, по месту нахождения организаций, оказывающих услуги связи, финансовые, торговые и иные услуги, а также у подозреваемых (обвиняемых), ориентированных на сотрудничество со следствием. Так, у этих лиц, помимо изначально существующих материальных объектов – носителей доказательственной информации (мобильных телефонов и иных цифровых устройств, оснащенных программным обеспечением, позволяющим осуществлять финансовые операции; банковских карт, чеков и т. д.), при их добровольном согласии возможно изъять выписку из банковского счета о совершении операций за интересующий следствие период, который они могут сгенерировать самостоятельно в личном кабинете электронных приложений Сбербанк-онлайн, иных финансовых организаций, а равно обратиться за такой услугой в соответствующий банк. Если же имеются достаточные основания полагать, что лицо, владеющее необходимыми для расследования объектами, откажется их добровольно выдать, тем более скрыть данные орудия, предметы или средства преступления, то целесообразно изначально назначение обыска с заблаговременным инициированием при необходимости процедуры принятия судебного решения.

Сотрудничество со следствием в данном контексте мы трактуем в широком смысле этого слова: как в юридическом (заключение соглашения о сотрудничестве со следствием, выражение согласия с предъявленным обвинением и готовность к рассмотрению дела в особом порядке), так и в фактическом (признание фактического характера совершенных действий с их юридической оценкой на усмотрение профессиональных участников расследования: следователя, суда, защитника, без выражения ходатайств об особом порядке рассмотрения дела). Последнее проявляется в даче подозреваемыми или обвиняемыми развернутых признательных показаний, добровольном возмещении причиненного имущественного вреда, осуществлении иных действий, указывающих на заглаживание последствий совершенного деяния, оказании содействия расследованию,

в установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Подобное фактическое содействие расследованию без признания юридической стороны деяния приобрело актуальность в связи с тем, что не являются редкостью ошибки в квалификации, а то и сознательное вменение следствием деяния, обладающего более высокой общественной опасностью.

Разумеется, следственно-судебная практика постепенно должна изживать подобные дефекты, тем более когда под особым порядком рассмотрения дела при выражении согласия с обвинением маскируется некачественно проведенное расследование. К сожалению в настоящее время такие ситуации не являются редкостью, чему отчасти способствует незавершенность формирования частной криминалистической методики расследования хищений с использованием электронных средств платежа, а также потребность в тщательном криминалистическом изучении преступлений этой группы с позиций научного инструментария криминалистической методики [7–10] с целью разработки действенных методико-криминалистических рекомендаций.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Олиндер Н. В. Криминалистическая характеристика электронных платежных средств и систем // Lex Russica. 2015. № 10. С. 128–138.

2. Головин А. Ю. Современные дефиниции ошибок в выборе стратегии и тактики расследования преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С. 38–46.

3. Варданян А. В., Грибунов О. П., Трубкина О. В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования: монография. Иркутск, 2016. 152 с.

4. Варданян А. В., Антонов В. А., Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: монография. Иркутск, 2016. 112 с.

5. Варданян А. В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 130–134.

6. Варданян А. В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019. С. 16–21.

7. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 3–10.

8. Варданян А. В. Влияние научно-технического прогресса на модернизацию общетеоретических положений криминалистики // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2019. С. 3–8.

9. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23–35.

10. Варданян А. В., Айвазова О. В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 17–23.

© Маилян А. В.

УДК 343.985.7:343.71:343.237(470)

А. М. ПРОСОЧКИН, *врио начальника кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)*

A. M. PROSOCHKIN, *Interim Head of the Chair of Professional Training of the Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЖИ, СОВЕРШЕННОЙ В СОСТАВЕ ГРУППЫ

FORENSIC CHARACTERISTICS OF THEFT COMMITTED AS PART OF A GROUP

Аннотация. *В статье анализируются основные проблемы, возникающие при расследовании краж, совершенных в составе группы, а также специфические криминалистические особенности рассматриваемого преступления, совершенного при указанных квалифицирующих обстоятельствах. Делается акцент на необходимости сращивания информации об уголовной, криминологической и криминалистической характеристике преступления как условии эффективной работы следователя на первоначальном этапе расследования. В связи с этим часть работы посвящена теоретическим разработкам в области понятия и содержательных компонентов категории «характеристика», указываются отличия и сходства содержания уголовно-правовой и криминалистической характеристики кражи, совершенной в составе группы лиц. Приводятся отдельные положения, касающиеся формирования знаний об обстоятельствах преступления, которые напрямую связаны с его расследованием, делается акцент на том, что приемы, методы и средства расследования и раскрытия краж, совершаемых в составе преступной группы, во многом зависят от профессионализма лиц, осуществляющих предварительное расследование, на первоначальном этапе расследования.*

Ключевые слова и словосочетания: *кража, группа лиц, криминалистическая характеристика, обстановка совершения кражи, следственная версия, первоначальный этап расследования.*

Annotation. *The article analyzes the main problems that arise during the investigation of thefts committed as part of the group, as well as the specific criminalistic features of the crime in question committed under the specified qualifying circumstances. The emphasis is placed on the need to merge information on the criminal, criminological and forensic characteristics of the crime as a condition for the investigator to work effectively at the initial stage of the investigation. In this regard, part of the work is devoted to theoretical developments in the field of concepts and substantive components of the category «characteristic», the differences and similarities of the content of the criminal-legal and criminalistic characteristics of theft committed as part of a group of persons are indicated. Separate provisions are given regarding the formation of knowledge about the circumstances of a crime that are directly related to its investigation, the emphasis is placed on the fact that the devices, methods and means of investigation and disclosure of thefts committed as part of a criminal group largely depend on the professionalism of the persons conducting the preliminary investigation, at the initial stage of the investigation.*

Keywords and phrases: *theft, group of persons, forensic characteristics, theft situation, investigative version, initial stage of the investigation.*

Структура и содержание криминалистической характеристики преступлений, ее соотношение с уголовно-правовой и криминологической составляющей в настоящее время представляет собой сложный, противоречивый аспект научного познания в системе наук «криминального цикла» [1, с. 6]. Обусловлено это тем, что смысловое содержание термина «характеристика», его оправданность в контексте описания того или иного преступления вызывают неоднозначные точки зрения. Прежде чем приступить к описанию индивидуальных криминалистических черт кражи как одной из наиболее распространенных форм хищения, следует обозначить границы содержания термина «характеристики». В Большом толковом словаре характеристика означает описание характерных, отличительных свойств, черт кого-либо, чего-либо. Так, многие ученые, формируя в своих исследованиях анализируемую категорию, включают в ее содержание систему признаков, присущих тому или иному явлению [2, с. 11]. Иной точки зрения придерживается В. Ф. Козлов, который указывает, что термин «характеристика» придания системности выявленной и описанной совокупности элементов конкретного объекта не предполагает, что позволяет ставить вопрос о его замене на термин «система».

По нашему убеждению, вне зависимости от того, как терминологически будет обозначена анализируемая категория, она представляет собой важный этап познания черт преступного деяния, так как систематизирует криминалистические знания в области определенной категории преступлений и отражает связи между ее элементами. Опосредованно значимость такого вида характеристики можно подтвердить и тем, что многие авторы исследований в области криминалистики уделяют данному вопросу достаточную часть своих публикаций. Так, довольно обширно представлен вопрос, в котором рассматривается понятие криминалистической характеристики [3, с. 480]. Нам импонирует определение Р. Л. Ахмедшина, согласно которому это система данных о преступлениях, способствующих их раскрытию и расследованию [4, с. 14]. Таким образом, криминалистическая характеристика как часть методики расследования отдельных видов преступлений является важной составляющей формирования практического знания.

Перед криминалистической характеристикой преступления стоит задача сформировать знание об обстоятельствах преступления, которые напрямую связаны с его расследованием. Приемы, методы и средства расследования и раскрытия краж, совершаемых в составе преступной группы, во многом зависят от профессионализма лиц, осуществляющих предварительное расследование, на первоначальном этапе расследования, так как именно на данном периоде сохраняется возможность выявления существенной информации об обстоятельствах совершения преступления.

Прежде чем вести речь об особенностях первоначального этапа расследования кражи, совершенной в составе группы, необходимо дать определение кражи. Здесь важно уделить значение уголовно-правовой характеристике кражи, а также дать определение групповым формам преступного поведения, выступающего в качестве квалифицирующего вида кражи. По мнению Л. Е. Чистова, уголовно-правовая характеристика преступления включает в себя признаки, определяющие конкретное общественно опасное деяние как преступление, позволяющее разграничить данный состав преступления с иными преступными деяниями [5]. Иной точки зрения придерживается В. Ф. Козлов, который указывает на то, что уголовно-правовая характеристика преступления – это научная категория, которая формируется учеными в доктринальных позициях, основанных на законе [6, с. 35–38]. В обоих случаях следует отметить, что

уголовно-правовая и криминалистическая характеристика тесно взаимосвязаны между собой, составляют единое целое, способствующее объективному расследованию каждого уголовного дела, его безошибочной правовой оценке и правильному вынесению судебного решения. Этот тандем способствует умелому применению криминалистических средств и методов, правильному построению объективной стороны кражи. Более того, практически все элементы состава преступления устанавливаются с учетом знаний, полученных в результате применения криминалистических методов и средств.

Кража представляет собой тайное хищение чужого имущества. Групповые формы данного вида хищения отражены в п. «а» чч. 2, 4 ст. 158 УК РФ. Именно эти квалифицированные виды кражи представляют предмет нашего познания, так как включены в канву исследования. Несмотря на то что понятия «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа» раскрыты в Общей части УК РФ, в судебно-следственной практике довольно сложно установить признаки групповых форм преступного поведения, а также отграничить одну форму соучастия от другой. Для квалификации кражи по признаку группы лиц по предварительному сговору важно выявить наличие предварительной договоренности между соучастниками, определить факт распределения ролей до момента начала выполнения объективной стороны состава преступления.

Организованная группа характеризуется устойчивостью связей между ее участниками, что чаще всего отображается как длительная совместная подготовка к совершению преступления либо длительное существование группы. Безусловно, вклад каждого из соучастников в преступление будет неодинаковым, не каждый из участвующих в краже выполнит частично или в полном объеме объективную сторону данной формы хищения, однако если налицо устойчивые связи всех ее участников, они должны рассматриваться как соисполнительство и квалифицироваться без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Особенности, присущие различным видам кражи, должны быть отражены в стандартной криминалистической характеристике, что будет способствовать эффективной работе при моделировании обстоятельств совершения кражи, выдвижении следственных версий и принятии тактически правильных решений, положительно влияющих на организацию эффективного расследования. Зачастую первоначальная информация, которую получает следователь, собрана недостаточно качественно, а отталкиваясь от нее, необходимо принимать процессуальные решения. Поэтому первоначальная криминалистическая характеристика групповых форм кражи должна формироваться с учетом информационно-аналитической работы, методы которой должны постоянно совершенствоваться. Чем сложнее форма соучастия, тем большим объемом информации оперирует следователь, тем больше источников получения этой информации и, соответственно, больше требований предъявляется к проверке достоверности этой информации. Так называемая исходная информация формирует фундамент для следственных версий, выводов судебной экспертизы и производства проверочных следственных (судебных) действий [7, с. 33].

А. Г. Сапрунов и А. В. Скачко, разделяя по данному вопросу позицию Р. С. Белкина, отмечают, что указанными направлениями возможности использования криминалистической исходной информации ограничивать не стоит и предлагают учитывать значение анализа исходной информации в процессе ведомственного процессуального контроля и прокурорского надзора за обоснованностью принятия (непринятия) процессуальных решений, особенно при

рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях [8, с. 250].

Соглашаясь с вышеупомянутыми авторами, следует отметить, что при расследовании кражи, совершенной в соучастии, исходная следственная ситуация должна определяться ориентирующей информацией. Содержание такого рода информации может включать в себя многие аспекты, разнородные по своему характеру, но в то же время объединенные единой задачей: ориентирование в обстановке, способствующей совершению кражи. В частности, это могут быть результаты проведенных оперативно-разыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела; информация, полученная из средств массовой информации и социальных сетей; сведения, получившие обобщение в результате работы с другими материалами уголовных дел; статистические данные, анализируя которые следователь может сформировать определенные знания в изучаемом вопросе.

Так, из упомянутых источников можно получить сведения о том, что местом совершения краж чужого имущества, как правило, являются: квартиры, частные домовладения, общежития, помещения предприятий, общественных организаций, государственных и муниципальных учреждений, вокзалы, станции, поезда, улицы, дворы, автомобили, места общественного пользования (гардеробы, служебные помещения и иные места скопления людей) и др. При выборе места кражи преступная группа ориентируется на легкодоступность имущества, которое может быть похищено. Отсутствие решеток на окнах помещений, расположенных на нижних этажах домов, проживание с малознакомыми лицами в арендованных квартирах, пренебрежение сейфами в гостиницах, размещение в социальных сетях информации о том, что семья уехала в отпуск – все это может предопределить выбор места совершения кражи.

Сведения о времени совершения кражи обладают важным доказательственным значением, поэтому выявление времени совершения данного преступления помогает следователю очертить круг подозреваемых лиц. Большинство квартирных краж, как показывает практика, совершается в рабочие дни, чаще всего в утренние часы, т. е. когда основная масса граждан находится вне дома. Случаи квартирных краж также учащаются в летний период, так как большинство граждан в это время уезжают в отпуск.

Особое место в анализе обстановки совершения кражи отводится предмету преступления. Анализ судебно-следственной практики показывает, что похищенный предмет должен быть ликвидным и делимым, то есть преступники рассчитывают на то, что им в кратчайшие сроки удастся реализовать имущество, добытое преступным путем, а прибыли от имущества будет возможно поделить среди соучаствующих в преступлении лиц. Чаще всего при совершении кражи завладевают предметами, имеющими массовый характер потребления (одежда, обувь), денежными средствами, иностранной валютой и другими ценными бумагами, драгоценностями, компьютерной техникой, телефонами, спиртными напитками [9, с. 210]. Таким образом, типичные знания об обстановке совершения краж позволяют более качественно осуществлять свою работу следователям на первоначальном этапе расследования.

При установлении факта совершения групповой кражи, когда преступников не удалось задержать по горячим следам, важное значение отводится проведению следственных и оперативно-разыскных мероприятий. Акцент следует делать на том, что эта работа должна проводиться в тесной взаимосвязи. При данной следственной ситуации проводится допрос потерпевшего, свидетелей, осмотр места происшествия, составление субъективного композиционного портрета лиц, свершивших данное преступление, проверка по учетам информационных центров, анализ нераскрытых аналогичных

преступлений, изучение сводок, ориентировок. Тщательное изучение архивных уголовных дел, оперативных материалов органов дознания и учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы, может способствовать установлению соучастников подозреваемого и его преступных связей в максимально короткие сроки [10].

В ситуации, когда лицо, совершившее кражу, задержано на месте преступления с поличным либо при бегстве с места происшествия или в момент реализации похищенного, а также в случае, когда потерпевшие или свидетели знают преступника, первоначальные данные о событии преступления не вызывают сомнений. Работа следователя здесь направлена на собирание и процессуальное закрепление имеющихся доказательств о причастности лица к совершению кражи. Однако при групповой форме совершения тайного хищения чужого имущества как бы сращиваются две составляющие, при которых следователь ведет работу по закреплению имеющихся данных, а также проводит следственные оперативно-разыскные мероприятия по поиску остальных участников преступления. Зачастую при таком положении дел иные соучастники уходят от ответственности, так как следователь направляет все свои усилия на формирование доказательственной базы в отношении задержанного лица, упуская из виду важность работы по изобличению остальных причастных к преступлению лиц. Так, действия следователя должны быть направлены на сбор данных, наиболее полно характеризующих личность разыскиваемого, выявление его связей, установление возможного местонахождения либо появления преступника, принятие мер к задержанию разыскиваемого и доставлению его по месту ведения следствия.

Тщательная работа по выявлению преступных связей задержанного, грамотная тактика проведения допроса подозреваемого – важные составляющие обнаружения истины по делу. Допрос подозреваемого (обвиняемого) в этой ситуации требует тщательной, детальной подготовки, так как является наиболее сложным следственным действием. Основная сложность заключается в том, что налицо ярко выраженный конфликт интересов.

Как отмечет Л. Я. Драпкин, «при допросе возникает конфликтная ситуация, связанная с особым состоянием системы межличностных отношений двух и более участников уголовного судопроизводства, имеющих противоположные интересы и стремящихся к достижению различных целей в условиях информационной неопределенности относительно планов и намерений, по крайней мере одной из противостоящих сторон» [11, с. 105]. Учитывая это, А. Г. Сапрунов и А. В. Скачко указывают на необходимость при планировании допроса подозреваемого (обвиняемого) предусмотреть такие мероприятия, как поиск источников (носителей), имеющих противоположные интересы; определение содержания их интересов; выявление лиц, противостоящих следствию интересов, совпадающих с задачами и целями расследования; определение способов использования таких интересов; выявление и использование интересов, не совпадающих с задачами и целями следствия; определение психологических и иных особенностей лиц, противодействующих следствию; определение методов установления психологического контакта и мер, направленных на устранение конфликтных отношений [8, с. 253].

Таким образом, любой источник информации имеет важное значение и должен быть тщательно проанализирован субъектом правоприменения. На основе полученных данных следователь с учетом сформированных представлений об исходных знаниях с большей долей вероятности выдвинет наиболее точные следственные версия, определит порядок

расследования, что позволит сэкономить время и направить все внимание на розыск преступников, входящих в преступную группу или причастных к совершению преступления, укажет векторы эффективной деятельности по расследованию групповой кражи. Планируя свою работу на этом этапе, следователь выдвигает несколько следственных версий, и если они строятся на основании фундаментальной теоретической базы, составляющей обобщенные положения об обстановке совершения данного рода преступлений, то этот этап расследования достигает своих оптимальных задач в кратчайшие сроки. Тем самым время, выступающее драгоценным ресурсом, на постановку следственных версий сокращается, а раскрытие преступления по горячим следам становится более возможным.

Таким образом, расследование краж, совершенных в составе группы, прежде всего требует комплексного подхода, сочетающего в себе грамотно спланированное взаимодействие сил и средств силовых структур, задействованных в данного рода деятельности. Криминалистическая характеристика анализируемой категории преступного поведения, рассматривающая обстоятельства преступления, которые связаны с его расследованием, должна восприниматься следователем во взаимосвязи с уголовно-правовой и криминологической составляющей, только в этом случае можно достигнуть эффективности в достижении конкретной тактической цели – расследовании краж, совершенных при участии двух и более лиц.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики: монография. М., 2001. 240 с.

2. Алгазин И. И. Содержание криминалистической характеристики краж сельскохозяйственных животных // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2 (16). С. 82–88.

3. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Инфра-М, 2010. 784 с.

4. Ахмедшин Р. Л. Формализация криминалистически значимых данных: пример криминалистической классификации преступлений // Перспективы развития социума и их техносферы. Южно-Сахалинск: СахИЖТ, 2014. С. 19–23.

5. Чистова Л. Е. О соотношении уголовно-правовой и криминалистической характеристик // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия». URL: http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1308705 (дата обращения: 17.03.2020).

6. Козлов В. Ф. К вопросу о соотношении уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 35–38.

7. Криминалистика: краткая энциклопедия / сост. Р. С. Белкин. 2-е изд. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.

8. Сапрунов А. Г., Скачко А. В. О проблемах расследования групповых вымогательств // Общество и право. 2011. № 4. С. 249–256.

9. Тимошина Е. М. Криминологическая характеристика краж // Общество и право. 2010. № 4 (31). С. 206–213.

10. Энциклопедия и библиотека криминалистики и уголовного процесса. URL: http://crimlib.info (дата обращения: 21.02.2020).

11. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1987. 163 с.

© Просочкин А. М.

УДК 343.982.4(470):341.45

Н. Е. САЛГАНСКИЙ, *адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Москва)*

N. E. SALGANSKY, *Postgraduate of the Scientific and Pedagogical Staff Training Faculty of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. J. Kikotya (Moscow)*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL FORENSIC EXPERT COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF FORENSIC DOCUMENTATION

Аннотация. *Настоящая статья посвящена проблемам правовой регламентации российского международного судебно-экспертного сотрудничества в сфере криминалистического документоведения. Автор анализирует существующее законодательство в указанной области и потребности практических экспертно-криминалистических подразделений при производстве технико-криминалистических экспертиз документов, почерковедческих и автороведческих экспертиз. В работе рассматриваются принципы международного права, международные договоры и соглашения, УПК РФ, существующее законодательство в области судебно-экспертной деятельности, а также проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В статье указывается проблема недостаточной нормативно-правовой регламентации данной сферы деятельности правоохранительных органов. В качестве вывода предлагается вектор для дальнейшей разработки правовых основ международного судебно-экспертного сотрудничества в целом и международного судебно-экспертного сотрудничества в сфере криминалистического документоведения в частности.*

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистическое документоведение, международное судебно-экспертное сотрудничество, правовое регулирование, международный договор, принципы права, правовая помощь.*

Annotation. *This article is devoted to the problems of legal regulation of the Russian international forensic expert cooperation in the field of forensic documentation. The author analyzes the existing legislation in this area and the needs of practical forensic units in the production of technical and forensic examinations of documents, handwriting and author's expertises. The paper examines the principles of international law, international treaties and agreements, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, existing legislation in the field of forensic expertise, as well as the draft Federal law No. 306504-6 «About forensic expertise in the Russian Federation». The problem of insufficient legal regulation of this sphere of activity of law enforcement agencies is also pointed out. As a conclusion, the author proposes a vector for further development of the legal framework for international forensic cooperation in general and international forensic cooperation in the field of forensic documentation in particular.*

Keywords and phrases: *forensic documentation, international forensic expert cooperation, legal regulation, international Treaty, principles of law, legal assistance.*

В настоящее время заметно возросло значение судебной экспертизы в борьбе с преступностью, обладающей современными технологиями и высокой организацией, появилась необходимость развития международного судебно-экспертного сотрудничества. Об этом говорится в резолюции Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию «Международное сотрудничество в судебно-экспертной области» [1, с. 289]. Данный факт учитывается и в Государственной программе Российской Федерации «Юстиция» на 2013–2026 гг., направленной в том числе на «развитие международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности в целях укрепления положения российской судебной экспертизы в мире и расширения базы знаний экспертов» [2].

Важное место в международном судебно-экспертном сотрудничестве Российской Федерации занимают вопросы криминалистического документоведения, т. е. проблемы организации и производства технико-криминалистических экспертиз документов, почерковедческих и автороведческих экспертиз. Потребность в интернациональном взаимодействии нередко возникает в связи с исследованием специфических объектов перечисленных видов экспертиз: выполненных на иностранном языке рукописных записей и печатных текстов, бланков документов, изготовленных по иностранным технологиям и т. д. Данный факт обусловлен отсутствием в отечественных судебно-экспертных службах соответствующих методик, сравнительных образцов и пр.

Одной из основ реализации международного судебно-экспертного сотрудничества является нормативно-правовая регламентация указанного вида деятельности. Взаимодействие государств в данной области осуществляется на основе принципов международного права, двусторонних и многосторонних договоров о взаимной правовой помощи, уголовно-процессуального законодательства и законодательства о судебной экспертизе. Разумеется, положения, зафиксированные в перечисленных выше источниках, распространяются и на международное судебно-экспертное сотрудничество в сфере криминалистического документоведения.

Вопросы соблюдения принципов международного права в судебно-экспертной деятельности, а также в процессе межгосударственного судебно-экспертного сотрудничества исследовал и описал Ш. Н. Хазиев [3, с. 45–47]. Он указал на необходимость соблюдения следующих принципов: обязанность государств сотрудничать друг с другом, суверенное равенство государств, добросовестное выполнение обязательств по международному праву, уважение прав человека и основных свобод. В ратифицированных Российской Федерацией международных договорах о взаимной правовой помощи, как правило, фиксируются формальные вопросы: обязательства сторон и объем правовой помощи, центральные и компетентные органы государств-участников, форма и содержание запроса, порядок вызова лиц (в том числе экспертов) на территорию запрашивающей стороны, гарантии, предоставляемые им, вопросы компенсации расходов и обеспечения безопасности экспертов и пр. К настоящему моменту Россия заключила подобные соглашения более чем с 70 странами.

Рассмотрим закрепленные в многосторонних соглашениях нормы, регулирующие международное судебно-экспертное сотрудничество, на примере Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. Указанный документ, наиболее полно охватывающий вопросы международного судебно-экспертного сотрудничества, ратифицировали 15 государств, входивших на тот момент в состав Совета Европы (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция и др.). Ряд стран подписал соглашение. Конвенция, помимо прочего, закрепляет положения, касающиеся статуса судебного эксперта,

оказывающего правовую помощь правоохранительным органам (суду) иностранного государства. В частности, указанным нормативным правовым актом устанавливается возможность дачи иностранным экспертом показаний под присягой. Запрещается подвергать иностранного эксперта наказанию или мере пресечения в случае, если он не ответил на повестку о явке в правоохранительные органы или суд. Кроме того, в соответствии с Конвенцией запрашивающая сторона компенсирует эксперту суточные и транспортные расходы, гарантирует иммунитет [4].

Положения, касающиеся международного судебно-экспертного сотрудничества, закреплены и в двусторонних соглашениях между Россией и прочими государствами. Нормы, изложенные в ратифицированных Российской Федерацией многосторонних и двусторонних договорах о взаимной правовой помощи, касающиеся международного судебно-экспертного сотрудничества, по сути, не имеют различий. Однако, как отмечают практики, формат двусторонних соглашений является более предпочтительным. В соответствии с такими договорами государства-партнеры, как правило, неукоснительно исполняют свои обязанности, в то время как страны, ратифицировавшие многостороннее соглашение, нередко игнорируют запросы о правовой помощи, поступающие им от зарубежных коллег.

Стоит отметить, что существуют и межведомственные международные договоры, регулирующие международное судебно-экспертное сотрудничество. Такие соглашения заключаются между конкретными органами исполнительной власти различных государств и предполагают более отлаженный механизм взаимодействия субъектов. В межведомственных договорах, как правило, отображаются определенные направления или формы сотрудничества. Например, в соответствии с Соглашением о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Лаосской Народно-Демократической Республики от 13 октября 2011 г., стороны сотрудничают в следующих областях:

1) обмен опытом между специалистами обеих сторон в области разработки законодательных и иных нормативных правовых актов;

2) обмен делегациями государственных служащих для более полного ознакомления с организацией и деятельностью органов юстиции и других правовых сфер обоих государств;

3) организация и проведение на основе взаимности семинаров, лекций, практических занятий и других подобных мероприятий для дальнейшего улучшения профессионального обучения и подготовки работников юстиции и специалистов;

4) взаимная помощь, оказываемая образовательным учреждениям сторон в целях создания и деятельности международных юридических курсов, подготовки и выполнения программ обучения государств обеих сторон;

5) обмен опытом в области информатизации органов юстиции и связанных с нею сферах;

6) обмен информацией о законодательстве и правоприменительной практике, юридической литературой и иными публикациями по правовой тематике;

7) подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров для органов юстиции;

8) содействие развитию системы юридической помощи и юридических услуг в целях реализации прав, свобод и законных интересов граждан, прав юридических лиц;

9) обеспечение защиты законных интересов, прав и свобод граждан по вопросам, находящимся в ведении органов юстиции [5].

Ряд вопросов международного судебно-экспертного сотрудничества регламентируется и УПК РФ. Так, ст. 453 предусматривает саму возможность про-

изводства судебной экспертизы на территории иностранного государства компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности. Заключение эксперта, полученное в результате подобного исследования, заверенного и переданного в установленном порядке, пользуется такой же юридической силой, как если бы оно было получено на территории России.

Судебная экспертиза, выполняемая в рамках правовой помощи, может проводиться на территории запрашиваемого государства или запрашивающей стороны (при согласии эксперта прибыть в страну, направившую запрос). Если в первом случае производство судебной экспертизы осуществляется в соответствии с законодательством запрашиваемой стороны, то во втором – судебная экспертиза с участием явившегося эксперта производится в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством запрашивающей стороны. Частью 8 ст. 389.13 УПК РФ закрепляется право суда апелляционной инстанции исследовать доказательства с использованием систем видео-конференц-связи. В связи с чем оглашение заключения эксперта может проходить указанным способом. Также предусмотрена и возможность его допроса аналогичным образом [6]. Что касается регламентации международного судебно-экспертного сотрудничества в национальном законодательстве о судебно-экспертной деятельности, то в ст. 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» закреплено положение, согласно которому деятельность государственных судебно-экспертных учреждений по организации и производству судебной экспертизы для других государств осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации [7].

Стоит отметить, что в проекте Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» имеется целая глава «Международное сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности». В ней закреплено право судебно-экспертных организаций и подразделений устанавливать международные связи с судебно-экспертными органами и службами иностранных государств с целью осуществления совместных научных исследований, обмена научной и методической информацией, подготовки и повышения квалификации судебных экспертов. Так, ст. 38 проекта закона закрепляет положение, согласно которому на территории Российской Федерации возможно производство судебной экспертизы в рамках полученного запроса о правовой помощи от иностранного государства. При этом ранее между сторонами должен быть заключен соответствующий договор. Производство экспертизы осуществляется в порядке, предусмотренном отечественными нормативными правовыми актами, если договором не предусмотрено иное.

В следующей статье законопроекта закреплено право инициатора назначения судебной экспертизы ходатайствовать о привлечении к ее производству иностранных судебных экспертов. Производство судебной экспертизы с участием зарубежного специалиста должно осуществляться в соответствии с российским законодательством. Также в проекте федерального закона указывается, что плата за проведение судебной экспертизы определяется решением сторон [8].

В результате анализа приведенных выше положений нормативных правовых актов можно сделать вывод о том, что на данный момент в отечественном законодательстве, а также в ратифицированных Российской Федерацией международных договорах заложены лишь основы международного судебно-экспертного сотрудничества. Вместе с тем потребности практики такого взаимодей-

ствия требуют совершенствования, детализации норм, касающихся ряда аспектов деятельности судебных экспертов и судебно-экспертных учреждений.

Особенно в детализации отдельных положений нуждается такая частная сфера международного судебно-экспертного сотрудничества, как криминалистическое документоведение. Ведь именно в данной сфере наиболее часто возникают проблемы, вызванные со спецификой исследуемых объектов, выполненных на иностранном языке или по иностранным технологиям. При их исследовании эксперты нередко вынуждены давать вывод о невозможности решения поставленных перед ними вопросов ввиду отсутствия соответствующих методик или сравнительных образцов. Решение обозначенной проблемы посредством международного судебно-экспертного сотрудничества на практике нередко вызывает затруднения. Дело в том, что в национальном законодательстве и в ратифицированных международных договорах Российской Федерации не регламентируется процесс получения образцов для сравнительного исследования, не раскрываются такие аспекты судебно-экспертной деятельности, как хранение и транспортировка объектов исследований, порядок назначения и организация производства судебных экспертиз в сотрудничестве с иностранными и международными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями и др.

Между тем перечисленные проблемы имеют принципиальное значение при организации и производстве технико-криминалистических экспертиз документов, почерковедческих и автороведческих исследований. Указанные вопросы подлежат обязательной разработке и урегулированию в нормативных правовых актах. На наш взгляд, соответствующие нормы целесообразно изложить в законопроекте № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», ведомственных приказах, а также включить в дополнения к международным договорам Российской Федерации.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Силуянова К. А. Современное международное сотрудничество в области судебной экспертизы // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XVI Международного конгресса «Блищенковские чтения». М.: РУДН, 2019. С. 289–293.

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 // СПС «КонсультантПраво».

3. Хазиев Ш. Н. Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебно-экспертной деятельности: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. 462 с.

4. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 г. (с изм. от 8 ноября 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Лаосской Народно-Демократической Республики от 13 октября 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г.) // Российская газета. 2001. № 249. 22 декабря.

7. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

8. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: проект федерального закона № 306504-6 // СПС «КонсультантПлюс».

© Салганский Н. Е.

УДК 343.985.7(470)

А. Н. ХАЛИКОВ, *профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)*

A. N. KHALIKOV, *Professor of the Chair Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, Professor (Ufa)*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF FORENSIC TECHNIQUES OF INVESTIGATION

Аннотация. *В статье излагаются основные проблемы современной методики расследования преступлений как создание групповых методик, использование методики расследования преступлений в условиях состязательности уголовного судопроизводства, в связи с чем криминалистика не должна носить обвинительный уклон. Рассматриваются вопросы организации расследования преступлений, совершенствование совместной работы следственных и оперативно-разыскных органов. По видам преступлений рассмотрены проблемы расследования коррупционных и экстремистских преступлений, компьютерных преступлений, что требует новейших подходов при прогнозировании новых способов совершения названных преступлений.*

Ключевые слова и словосочетания: *компьютерные преступления, коррупционные преступления, криминалистические рекомендации, методика расследования, следователь, оперативно-разыскная деятельность, экстремистские преступления.*

Annotation. *The article describes the main problems of modern methods of investigation of crimes such as the development of group methods, the use of methods of investigation of crimes in the conditions of adversarial criminal proceedings, in connection with which criminalistics should not have an accusatory bias. The author studies the issues of organization of crime investigation, improvement of joint work of investigative and operational search bodies. Problems of investigation of corruption and extremist crimes, computer crimes are considered by types of crimes, which requires the latest approaches when predicting new ways of committing these crimes.*

Keywords and phrases: *investigation methodology, corruption crimes, extremist crimes, computer crimes, investigator, operational search activity, forensic recommendations.*

Криминалистическая методика, соединяя в себе все части криминалистики (общую теорию, криминалистическую технику, криминалистическую тактику), представляет собой совокупность теоретических и практических направлений развития всей криминалистики, объединяя при этом многочисленные источники правовых и других наук, а также социальной деятельности, нацеленной на борьбу с преступлениями. Уровень и перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений должны отражать современные реалии, что, с одной стороны, содержит исследование способов совершения различных преступлений, включая формирующиеся, а с другой – конструирование традиционных и новейших возможностей борьбы правоохранительных органов с криминальными явлениями в условиях развития правового государства. Как пишет

С. Ю. Косарев, криминалистические методики расследования преступлений являются самостоятельным объектом научного исследования, проводимого в целях выработки теоретических выводов различной степени абстракции. Наука же призвана постоянно совершенствовать собственный «продукт», познавая объективные закономерности, связанные с указанной разработанной областью [1, с. 7]. И поскольку криминалистическая методика всегда связана с условиями неочевидности и сокрытием совершенных преступлений, то всегда существует проблематика научных и практических исследований в данной отрасли криминалистики, где цена ошибок – это человеческие судьбы и жизни.

Для начала обозначим общие проблемы современной криминалистической методики и возможные пути их решения.

Дискутируемой тенденцией развития криминалистической методики расследования преступлений является их укрупнение и так называемая алгоритмизация. Достаточно давно ведутся научные изыскания с целью найти наиболее общие структуры криминалистических методик расследования, с помощью которых возможно было бы расследовать большинство преступлений. Отсюда возникают учения об общем методе расследования (С. Н. Чурилов), родовых и групповых методах расследования (Н. А. Данилова, С. П. Кушниренко), базовом методе расследования (Ю. П. Гармаев, А. Ф. Лубин, М. В. Субботина). Данная проблема требует системного решения путем продолжения создания наиболее укрупненных методик расследования, а также частных специфичных методик, но существующих в единой системе методического и методологического обеспечения расследования преступлений.

В этой связи существует практическая необходимость исследований по двум направлениям создания укрупненных, групповых или комплексных методик расследования.

Во-первых, групповые методики расследования требуются по вновь возникающим составам преступлений, в частности финансово-предпринимательским, банковским, компьютерным, в сфере деятельности мобильной связи, коррупционным преступлениям, экстремистско-террористическим и др. Наличие групповых методик закладывает теоретическую базу расследования новых преступлений либо преступлений, специфичные черты которых не укладываются в общие схемы алгоритмов их расследования [2].

Во-вторых, на сегодня практически не существует нормативной регламентации внедрения созданных частных криминалистических методик в деятельность правоохранительных органов. Сформированные методики, причем нередко в достаточной степени обоснованные и апробированные, существуют иногда лишь как теоретические конструкции без их использования в работе следственных и оперативно-разыскных органов. И здесь вряд ли стоит исходить из утверждения, что частная криминалистическая методика является системой криминалистических рекомендаций, то есть научно обоснованных советов, касающихся организации расследования, выбора и применения с учетом определенных обстоятельств технико-криминалистических средств и криминалистических приемов [3, с. 302–303]. Думается, что речь может идти не только об активном продвижении научно разработанных методик в практику в виде рекомендаций, но и об обязательности их использования в деятельности органов следствия путем создания соответствующих нормативных приказов и инструкций. В частности, возможно создание обязательных алгоритмов производства, неукоснительных для выполнения первоначальных следственных и процессуальных действий после возбуждения уголовного дела, а также алгоритмов расследования в той или иной следственной ситуации.

Общей правовой или процессуальной проблемой развития современной криминалистической методики является использование ее разработок в условиях все более усиливающейся состязательности уголовного судопроизводства. Как известно, согласно ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В этом отношении определенной коллизией существования научно исследуемой криминалистической методики является то, что основные ее «потребители» – это правоохранительные органы в лице следователей и оперативных работников, которые относятся к стороне обвинения. Однако это вовсе не значит, что криминалистическая методика, а вместе с ней техника и тактика должны нести обвинительный уклон вне собирания и исследования версий защиты, особенно при категоричном отказе подозреваемых или обвиняемых от признания вины, следовательно, и законному воспрепятствованию ими уголовному преследованию.

Иными словами, несогласие подозреваемого (обвиняемого) с позицией следователя вовсе не говорит о негативной стороне криминалистической методики, наоборот, требует разработок новых тактических приемов, комбинаций и операций с целью оптимальной всесторонней проверки противоположных версий обвинения и защиты с перспективой возможной их истинности. Нужно исходить из того, что криминалистика – это направление на достижение истины, при которой не имеет значение относимость лица, ее использующего, к органам защиты или органам обвинения, поскольку в обоих случаях следует делать все возможное, чтобы избежать ошибок в отношении лица, совершившего преступление.

В этой связи вспомним, что самые жестокие серийные убийства на территории России и бывших республик СССР имели множество потерпевших. «Ростовский потрошитель» Андрей Чикатило с 1978 по 1990 год совершил 53 зверских убийства женщин и подростков обоих полов. Уроженец украинского города Житомира Анатолий Онуприенко, получивший кличку «терминатор», с 1989 по 1996 год убил 52 человека, в том числе 10 детей. «Битцевский маньяк» Александр Пичушкин был признан судом виновным в 48 убийствах, совершенных с 1992 по 2006 год. Уроженец белорусского Витебска Геннадий Михасевич, «витебский монстр», арестованный в 1985 году, за 14 лет задушил 36 женщин. До сих пор окончательно не установлено, сколько загубленных жизней на счету уроженца Кемеровской области Сергея Ткача, который еще в советское время переехал на Украину. 30 имен невинно убиенных – это только те, кого суд признал жертвами Ткача в Павлограде, Днепропетровске, Синельниково и Пологах. Однако по этим убийствам есть и обратная сторона статистики других потерпевших: до поимки «ростовского потрошителя» Чикатило успели расстрелять двух невиновных мужчин, которым «пришили» преступления маньяка. За преступления «терминатора» Онуприенко из Житомира за решетку попало 6 человек. По делу «витебского монстра» Михасевича, который орудовал вдоль автомобильной трассы, были осуждены 14 человек, один из них расстрелян. Что касается Сергея Ткача, то на сегодняшний день известно не меньше 10 человек, осужденных за преступления, в которых он впоследствии сознался. Трое из них освобождены из мест заключения, один – из психбольницы. А павлоградец Владимир С., которого обвинили в изнасиловании и убийстве своей 9-летней дочки, совершенным С. Ткачом, в 2000 году повесился в камере Днепропетровского СИЗО (реабилитирован посмертно).

Соответственно, если мы относим криминалистику к науке (а иное невоз-

можно), то ее научный предмет исследований должен носить исключительно объективный характер. Никакая наука не признает субъективные направления исследований, зависимые от заинтересованности человека в силу различных личных причин или требуемых одномоментными потребностями государственных органов, политических интересов или даже коррупционных мотивов. Любая отрасль науки, что относимо и к криминалистике, не должна иметь только один уклон, одно направление, в данном случае в сторону обвинения и борьбы с преступностью, не предполагая одновременно и защиту человека от необоснованного подозрения или обвинения, что также требует научных исследований. Иными словами, криминалистика в части ее криминалистической методики одновременно должна работать как на сторону обвинения, так и на сторону защиты, в условиях объективного анализа реальной действительности, то есть закономерностей существования криминала и работы органов расследования.

При исследовании методик расследования отдельных видов преступлений, как известно, существует триединство категорий следственных ситуаций, выдвижения версий и планирования расследования. Вместе с тем любая следственная ситуация рождает изначально практически всегда две главные версии, которые могут существовать в различном виде, но которые есть всегда – это версии защиты и версии обвинения. Отсюда планирование следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий должно исходить из главных версий защиты и версий обвинения. Это связано с тем, что окончательное решение по делу как приговор всегда стремится к разрешению именно этих двух направлений, которое начинается с самого момента возбуждения уголовного дела. Более того, исходя из презумпции невиновности, версия защиты предполагает более тщательную работу органов следствия, чем проверка версий обвинения, хотя практика, к сожалению, идет от обратного.

В настоящее время достаточно разработана тема структуры криминалистической методики расследования отдельных преступлений, которая в наиболее укрупненном виде включает в себя элементы криминалистической характеристики преступлений, первоначальных следственных и оперативных действий, исследование следственных ситуаций, выдвижение версий и планирование расследования, завершаясь тактикой производства отдельных следственных действий. Вместе с тем требует дальнейших исследований тема организации расследования отдельных видов преступлений. На сегодня многие уголовные дела расследуются до одного года и более, что в свою очередь ведет к утере доказательств, несвоевременному судебному разбирательству, а в целом к признакам дискредитации правоохранительных органов. В данном случае необходимо в рамках криминалистической методики расследования отдельных преступлений определить основные элементы организационной структуры расследования или организации расследования [4, с. 282].

Другим важным направлением, связанным со структурой и организацией расследования и одной из необходимых задач совершенствования методики расследования практически всех видов преступлений, является оптимальное использование результатов оперативно-разыскной деятельности. Здесь чаще всего следователи безоговорочно принимают выводы оперативно-разыскной работы и на их основе строят дальнейшую следственную деятельность. Реже встречается другая крайность – непринятие или непонимание результатов оперативной работы, что в целом ослабляет оперативное сопровождение расследования уголовного дела.

Вместе с тем оперативно-разыскная деятельность полностью реализует свои возможности только в сфере кримина-

листики как при изучении преступных деяний, так и при криминалистической деятельности по расследованию преступлений. В то же время цельных криминалистических исследований, которые бы могли показать с одинаковой эффективностью и работу органов предварительного следствия и оперативно-разыскных органов, практически не существует. Есть работы, посвященные взаимодействию оперативных органов и следователя, работы по использованию результатов оперативно-разыскной деятельности на предварительном следствии, по проведению совместных тактических операций следственных и оперативных органов и т. д. Однако они не содержат системы совместной работы оперативных органов и следователя по выявлению, раскрытию и расследованию сложных уголовных дел, групповых или многоэпизодных преступлений, и идет оптимальное сочетание следственной и оперативной деятельности, когда следственные действия идут одновременно с оперативно-разыскными мероприятиями в структурном единстве. Без такой системной связки невозможно работать по традиционным видам преступлений, а тем более по новейшим видам в области компьютерных технологий, банковских операций, террористических преступлений и т. д.

Переходя на отдельные направления частной методики расследования, прежде всего отметим, что в настоящее время существуют два наиболее актуальных направления по борьбе с особыми видами преступлений – коррупцией и терроризмом. Мы считаем, что вряд ли стоит их выделять, поскольку от этого в определенной мере страдает противодействие другим видам преступлений, которые не менее опасны для общества и требуют такого же большого внимания правоохранительных органов. В то же время следует рассмотреть наиболее актуальные задачи и перспективы борьбы с коррупцией и терроризмом в плане криминалистической методики.

В сфере борьбы с преступлениями коррупционного характера и прежде всего при получении взяток в методике расследования развивается новый способ или, скажем так, стандарт доказывания – при даче показаний свидетелями. Ранее получение взятки раскрывалось и пресекалось путем проведения тактической операции как задержание с поличным (оперативный эксперимент), и это было основным доказательством обвинения. Можно еще основывать доказывание на предмете преступления, то есть если обнаружен сам предмет взятки, и при этом имеют место соответствующие решения взяткополучателя в пользу взяткодателя, особенно если они незаконного характера. Однако в последнее время стали достаточным показания взяткодателя и наличие принятия соответствующего решения должностным лицом (взяткополучателем) законного или незаконного характера. На этой основе выявляются и раскрываются преступления прошлых лет, созданные на «озаряющейся памяти» взяткодателей, хотя причины их показаний больше зависят от надлежащих оперативно-разыскных разработок.

На наш взгляд, задачей криминалистики в данном случае является создать определенный алгоритм доказывания получения взяток по прошествии определенного времени после самого факта преступления. Разумеется, одних показаний взяткодателя в данном случае недостаточно. В процессе расследования следует доказать наличие юридических решений в отношении взяткодателя или его представителей, факты вымогательства взятки, факт ее получения, отсутствие признаков ложного доноса и т. д. Отражением преступления будут установленные встречи или иные контакты (по телефону, скайпу) между взяткополучателем и взяткодателем, незаконные или с нарушенным порядком принятые правовые решения в отношении взяткодателя, наличие необъяснимых денежных и материальных обогащений в исследуе-

мое время и т. д. Все это требует создания особой схемы доказывания в условиях отрицания вины подозреваемым или обвиняемым. К сожалению, методика расследования преступлений в этом случае больше исходит из практики судебных решений, когда признаются факты взяточничества исключительно на основе показаний свидетелей. Такие судебные решения вызывают обоснованные сомнения с позиций уголовно-процессуальных критериев оценки доказательств. Все это требует соответствующих криминалистических исследований вместе с применением процессуальной теории доказывания по собиранию, проверке и оценке соответствующих доказательств.

В то же время мы считаем, что главным преступлением коррупционного характера являются хищения, в первую очередь это посягательства на бюджетные средства. В настоящее время на фоне разоблачений о многомиллиардных хищениях и обнаружении денег у должностных лиц государственных (в основном правоохранительных) органов мы не видим упреждающую работу соответствующих правоохранительных служб по выявлению и пресечению преступлений корыстной направленности. Соответственно, есть проблемы в методике расследования таких преступлений с момента их выявления и первоначальных следственных и оперативно-разыскных действий. В этом отношении проблемы существуют в сфере соотношения уголовных и гражданских правоотношений, преюдиции определенных судебных решений, включая арбитражные, искажающие следовую картину преступлений. Причем здесь мы снова возвращаемся к эффективному использованию результатов оперативно-разыскной деятельности на предварительном следствии, когда необходимо включать оперативные разработки в системные следственные действия по обнаружению, исследованию и фиксации соответствующих доказательств на самых ранних этапах оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Вопросы расследования экстремистских преступлений находятся на грани политики и уголовного права, что требует не только профессионального юридического мышления следователя, но и его гражданской позиции при определении наличия или отсутствия состава преступления. Когда речь идет о радикальных религиозных течениях, националистических или фашистских движениях, то методика расследования данных преступлений должна включать в себя приемы обнаружения следов криминальных явлений, тактики следственных действий по выявлению вербальных признаков преступлений и их соответствию с исследуемыми вещественными доказательствами в виде предметов и орудий преступлений. Сложностью здесь будет установление факта как наличия той или иной преступной экстремистской (террористической) организации или личности преступника, так и их чаще всего скрытой деятельности, направленной на противозаконные антиконституционные цели.

Вместе с тем если криминалистическая методика расследования преступлений исходит из материальной основы уголовного права, то следует основывать выявление экстремистских преступлений на положениях составов преступлений соответствующих норм УК РФ, которые находятся в рамках конституционных прав человека. К примеру, в этом случае не может быть понятия «неразрешенные демонстрации и митинги», что исходит из ст. 31 Конституции РФ, в соответствии с которой никакого разрешения не нужно на право граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. То есть методику расследования в этом случае следует начинать с основополагающего закона Российской Федерации и учитывать при этом незаконные действия органов государственной власти и правоохранитель-

ных органов, незаконно запрещающих названные мероприятия. Любой разгон, насильственные действия мероприятий следует рассматривать через призму криминалистической методики превышения должностных полномочий или злоупотребления ими, следовательно, в рамках презумпции невиновности. Отсюда мы говорим о знании методики расследования и правовой позиции следователя. Соответственно, методика расследования экстремистских преступлений не должна исходить из прихоти политических сил, государственных интересов и т. д., а только из четкого понимания закона как основы криминалистической методики.

Еще одной наиболее актуальной проблемой криминалистической методики является расследование компьютерных преступлений и иных преступлений, связанных с электронными или цифровыми объектами. На сегодняшний день существует сравнительно много научных и учебных работ по методике расследования преступлений, связанных с компьютерными технологиями, мошенничествами с применением сотовых телефонов, хакерских атак, направленных на хищение денежных средств из банков, коммерческих организаций и т. д. Все это требует дальнейших разработок в интеграционной схеме криминалистики, оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса по оптимальным способам выявления, раскрытия, расследования и доказывания соответствующих составов преступлений.

Таким образом, криминалистическая методика расследования преступлений – постоянно развивающийся прикладной раздел криминалистики, основанный на практике расследования уголовных дел, их теоретическом обобщении и определении новых способов выявления, раскрытия и расследования преступлений. Исследования в сфере криминалистической методики изначально исходят из общих задач построения раскрытия и расследования преступлений, относящихся либо к расследованию всех преступлений, либо к роду или группе преступлений, что требует значительного обобщения показателей по уголовным делам. В то же время другая часть исследований направлена на установление общих положений расследования отдельных видов преступлений, что исходит как из общих закономерностей криминалистической методики, так и из специфики совершения отдельных видов преступлений и способов их расследования. Вследствие постоянного совершенствования способов совершения наиболее технически подготовленных преступлений криминалистическая методика их расследования должна иметь не только ретроспективный характер, но и действовать с перспективой совершенствования, моделирования новых видов преступлений и их расследования. Выполнение перечисленных направлений развития криминалистической методики требует дальнейших научных и практических исследований.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Косарев С. Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений / под ред. В. И. Рохлина. СПб., 2008. 495 с.

2. Гармаев Ю. П., Лубин А. Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб., 2006. 303 с.

3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3. 480 с.

4. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики: монография. М., 2010. 416 с.

© Халиков А. Н.

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 314.7:378.014.24/.25(470)

А. Н. ГОСТЕВ, *профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, доктор социологических наук, профессор (г. Москва)*

A. N. GOSTEV, *Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Doctor of Social Sciences, Professor (Moscow)*

Т. С. ДЕМЧЕНКО, *доцент кафедры управления персоналом и кадровой политики Российского государственного социального университета, кандидат социологических наук, доцент (г. Москва)*

T. S. DEMCHENKO, *Associate Professor of the Department of Personnel Management and Personnel Policy, Russian State Social University, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Moscow)*

О. В. ПЕТРОВА, *заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, кандидат юридических наук (г. Москва)*

O. V. PETROVA, *Deputy Head of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Candidate of Law (Moscow)*

ВНЕШНЯЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

EXTERNAL EDUCATIONAL MIGRATION: PROBLEMS, INTERCULTURAL COMMUNICATION PRACTICES

Аннотация. *В статье раскрываются сущность, содержание, причины, перспективы внешней образовательной миграции в условиях глобализации экономики, развития электронных коммуникаций. Феномен «образовательная миграция» определяется как система, закономерный процесс, обеспечивающий передачу знаний, технологий между отдельными людьми, регионами, странами. Обосновывается способность российского образования конкурировать с ведущими мировыми образовательными центрами. Вскрываются и обосновываются просчеты*

во внешней образовательной политике России. Обращается внимание системы государственного управления на неиспользованные российские образовательные ресурсы, на угрозы внешней образовательной миграции национальной безопасности России. Анализируются мнения, настроения, отношение российских студентов к обучающимся в вузе иностранным гражданам. Обращается внимание на низкий уровень правовой грамотности и правовой защищенности участников внешней образовательной миграции. Представляются и обосновываются факторы, условия, проблемы и пути продвижения российского образования на международном рынке и перспективы России стать одним из интеллектуальных центров мира. Предлагаются практические рекомендации административным структурам государственного управления по совершенствованию работы в системе внешней образовательной миграции.

Ключевые слова и словосочетания: *миграция, внешняя образовательная миграция, безопасность, научно-технический прогресс, межкультурная коммуникация, электронные коммуникации.*

Annotation. *The article reveals the essence, content, reasons, prospects for external educational migration in the conditions of globalization of the economy and the development of electronic communications. The phenomenon of «educational migration» is defined as a system, as a logical process that ensures the transfer of knowledge, technology between individuals, regions, countries. The ability of Russian education to compete with leading world educational centers is justified. Miscalculations in Russia's foreign educational policy are revealed and justified. The attention of the public administration system is drawn to the unused Russian educational resources, to the threats of external educational migration to the national security of Russia. Opinions, sentiments, attitudes of Russian students towards foreign citizens studying at the university are analyzed. Attention is drawn to the low level of legal literacy and legal protection of participants in external educational migration. Factors, conditions, problems and ways of promoting Russian education on the international market and the prospects of Russia to become one of the intellectual centers of the world are presented and justified. Practical recommendations are offered to the administrative structures of the state administration to improve work in the system of external educational migration.*

Keywords and phrases: *migration, external educational migration, security, scientific and technological progress, intercultural communication, electronic communications.*

Научно-технический прогресс, глобализация экономики, развитие электронных коммуникаций обусловливают и стимулируют миграцию населения всех стран мира в поисках лучшего образования. Эти потоки постоянно растут, что приводит к неизбежности (фатальности) создания как мировых, так и региональных центров интеллекта. Безусловно, такая миграция имеет экономические основания. Как известно, знания всегда материализуются в продукт, который является объектом предпринимательства (бизнеса). Разумеется, этот общественный феномен не обходится без конкурентного противоборства, конфликтов. Их сложность зависит от получаемых доходов. Если же основной институт общества (образование) насыщается конфликтами, то необходимо ожидать возникновения новых опасностей и угроз всех структур национальной безопасности [1, с. 56]. Конфликты становятся причинами терроризма, межэтнических столкновений, массового исхода населения с мест постоянного проживания, нестабильности политической, экономической и иных обстановок. Образуются новые и усиливаются старые военно-политические центры нестабильности.

Деятельность в сфере образования, как показывает практика, в рыночных отношениях всегда была одной из высокодоходных отраслей экономики и, соответственно, эта сфера, как и, например, энергетическая, должна быть объектом особого внимания государственного управления. В настоящее время знания, в отличие от различных природных ресурсов, можно накапливать, хранить, воспроизводить, передавать легко (дешево) прак-

тически в неограниченных возможностях средствами электронных коммуникаций (роботизации). В этой связи страны «золотого миллиарда», теряя свои позиции в экономике, переориентируются на развитие, торговлю знаниями, технологиями, что является более выгодным в условиях углубляющегося разделения труда, организованно принимают на свою территорию массы перспективных кадров, создавая высокоэффективные научно-образовательные и производственные комплексы [2, с. 72].

Россия, как свидетельствуют эксперты, опаздывает в обеспечении себе достойного места в этом бизнесе, несмотря на потенциальные геополитические, исторические, политико-экономические и образовательные ресурсы. Эта сфера – важнейшая часть системы мировых общественных отношений, без ее укрепления и развития очевиден в будущем проигрыш в борьбе за независимость и возврат позиций одного из геополитических центров.

Ретроспективный анализ феномена «образовательная миграции» показывает, что это многовековой и закономерный процесс, который обеспечивает передачу знаний, технологий между отдельными людьми, регионами, странами. А наблюдения социальной практики позволяют ее идентифицировать как систему, основными элементами которой являются: субъекты миграции, ценностно-образовательные потребности мигрантов, экономические (правовые, политические, образовательные, демографические и иные) условия (отношения) страны исхода и принимающего государства, региональные образовательные центры.

В России проблемы создают как внешняя, так и внутренняя миграция. Результаты изучения субъектов внешней образовательной миграции показывают, что ее в России сейчас можно считать двусторонними, но не равными по силе потоками. Из страны уезжает на учебу за границу самая активная часть молодежи и, к сожалению, значительная ее часть назад не возвращается. При этом, по мнению экспертов, уровень качества нашего образования превосходит западноевропейский (см. рисунок 1).

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ УРОВЕНЬ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ ВЫШЕ РОССИЙСКОГО?

1. **Нет – 31 %**
2. **Скорее нет – 33,8 %**
3. **Да – 28,2 %**
4. **Скорее да – 3,7 %**
5. **Другой ответ – 3,2 %**

	Частота	Проценты
1	67	31,0
2	73	33,8
3	61	28,2
4	8	3,7
5	7	3,2
Всего	216	100,0

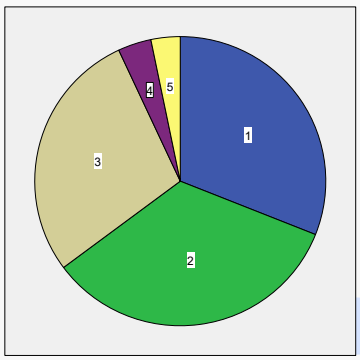

Рис. 1. Сравнение экспертами уровней качества российского и западноевропейского образования

Анализ современной практики показывает, что, например, «забота об образованности российской молодежи» крупных предпринимателей США или Англии не является и не может быть благотворительной, бескорыстной. Она нацелена на получение бесценных молодых человеческих ресурсов. С этой целью в средствах массовой информации проводится соответствующая работа по пропаганде (рекламированию) преимуществ западной системы образования, создаются и финансируются некоммерческие организации, изучающие образовательный рынок, лоббирующие изменения в законодательстве, проводятся реформы, мероприятия, разрушающие отечественные традиции в этой сфере.

Россия не входит в Европейское экономическое сообщество (далее – ЕЭС), где открыты границы, происходит «свободный» обмен товарами, услугами, но входит в образовательную систему «Болонский процесс», который объединил 48 из 65 (из них 50 независимых) стран Европы [3]. Очевидно, что, закрыв свое экономическое пространство, но открыв для себя российский рынок (образования, сырья, финансов), страны-лидеры ЕЭС получают значительное преимущество в своем развитии. С этой целью в России лоббируется изучение иностранных языков. Безусловно, их знание – это один из показателей эрудиции, культурного разнообразия человека. Однако этот факт должен быть обоснован потребностями, профессией человека. Например, незнание английским фермером русского языка не снижает уровень урожайности зерна в его хозяйстве. А вот требование обязательного изучения иностранных языков в российской школе и предложения включения их знания в систему ЕГЭ вызывает подозрение об аффилированности инициаторов с западным образовательным бизнесом. Очевидно, знание английского языка в большей степени стимулирует человека на выезд за рубеж.

Иностранный язык должен изучаться в зависимости от потребности специальности, на подготовку к которой мотивирован обучающийся. Т. е. с изучением иностранных языков следует поступать так, как это делают, например, в тех же западноевропейских странах с русским, который, в отличие от немецкого или итальянского, является одним из шести языков международного общения. Кроме того, роботизация (искусственный интеллект) уже в ближайшее время полностью решит проблему межъязыкового общения.

Процесс образовательной миграции развивается и без больших знаний россиянами иностранных языков. Так, по данным ФСБ, в 2019 году в Россию «въехали на учебу более 181 тыс. человек» [4]. Прибывают иностранные абитуриенты в российские вузы из стран бывшего СССР, Азии, Африки и Ближнего Востока (79,2 %). Они обучаются как минимум в 800 вузах. Сегодня каждый 23 студент в российских вузах – иностранец. И это соотношение будет изменяться, так как число наших студентов сокращается. Например, в 2009 году в вузах учились 7 400 000 чел., в 2018 г. – около 4 190 000 (снижение на 40 %) [5].

Очевидно, что прибытие в нашу страну иностранных обучающихся – это укрепление стратегического политико-экономического ресурса России, расширение границ культурного обмена и, следовательно, русского мира, совершенствование самой системы образования. Как известно, значительная часть участников образовательной миграции обусловлена ростом социальной напряженности, религиозными и межэтническими конфликтами, безработицей, общим снижением уровня жизни в странах исхода. Т. е. она зачастую вынужденная и, следовательно, имеет случайный уровень качества.

В этой связи более актуальным становится правовое регулирование этого процесса. Получение образования этой категории обучающихся регулируется ст. 79 Федерального закона от 29.12.2012

№ 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об образовании в Российской Федерации» [6]. Иностранные граждане в России могут получать все виды образования от дошкольного до дополнительного профессионального на общедоступной и бесплатной основе. Для бесплатного образования существует ежегодная квота (15 000 мест, конкурс на них 1:5). Иностранные граждане-соотечественники имеют право на получение всех уровней образования наравне с гражданами России при условии соблюдения ими требований, предусмотренных ст. 17 Федерального закона от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Т. е. эти люди ранее должны быть гражданами СССР, проживать на его территории либо иметь родство по прямой восходящей линии с указанными лицами. А в распределении квотных мест в обязательном порядке учитываются интересы соотечественников независимо от их гражданства.

Иностранным гражданам, обучающимся за счет российского бюджета, выплачивается стипендия (17 евро в месяц), предоставляются жилые помещения в общежитиях (Федеральный закон от 30.12.2015 № 458-ФЗ). Стоимость российского образования в среднем соответствует западноевропейскому [7]. Так, если сложить все виды средних оплат за обучение и его обеспечение в российских вузах, то оно оказывается таким же, как, например, в Германии (см. таблицу 1).

Таблица 1

Общая сравнительная стоимость коммерческого обучения в вузах (бакалавриат) России и Германии (1 год)

Показатели	Россия	Германия
Обучение в бакалавриате	3 130 €/год	400 €/год
Расходы, связанные с получением визы	0	Открыть счет в банке на 8 040 € + 50 € (за открытие счета) + 20 € (комиссия) = 8 110 €: 4 года = 2 028 €/год
Общежитие вуза	В среднем по стране 384 €/год (32 €/мес.)	180 € + 19 € (налог на радио и телевидение) = 188 €/мес. (2 256 €/год)
Съемное жилье (однокомнатная квартира)	В среднем по стране 250 €/мес. (3 000 €/год)	В среднем по стране 500 €/мес. (6 000 €/год)
Медицинская страховка	В среднем 100 €/год	960 €/год
Интернет и телефон	Мобильная связь – 3 €/мес.; безлимитный домашний Интернет – 5 €/мес. (всего – 96 €/год)	Мобильная связь – 20 €/мес.; домашний Интернет (огранич. трафик) – 30 €/мес. (всего – 600 €/год)
Транспорт	Льготный проезд – 4,5 €/мес. (всего – 54 €/год)	50 €/мес. – расходы на членство в студенческом союзе, дающем право на бесплатный проезд) (всего – 600 €/год)
Итого	6 764 €/год	6 844 €/год

В настоящее время по результатам исследования британской компанией QS Россия в рейтинге стран с интерактивными системами высшего образования размещена на 26 месте из 50. Разумеется, такая оценка недостоверная и обусловлена конкурентной борьбой на образовательном рынке. Между тем из-за высокого качества образования в вузах России с каждым годом растет число иностранных студентов. А это один из показателей международных рейтингов (QS или Times Higher Education) в оценке места вуза. Как показывает анализ цифровых документов, в России обучается 3 % студентов мира, из получающих высшее образование за рубежом. И у них разные ценностно-образовательные потребности, которые обусловлены экономическими, политическими, правовыми и другими условиями (отношениями, проблемами) как принимающей стороны, так и страны исхода.

Принимающая сторона озабочена возникновением новых опасностей и угроз своей национальной безопасности, в том числе образовательной. Трудности социально-экономического развития страны снижают уровень мотивации населения на получение качественного образования, так как оно не гарантирует трудоустройство и достойную жизнь большому количеству молодежи. Их места в образовательных организациях занимают мигранты. Кроме этого, инновационные образовательные технологии, основанные на цифровизации (роботизации), способствуют интенсивному разрушению традиций, форм, средств образования. Эти обстоятельства обусловливают образовательные конфликты, миграцию наиболее активной части населения.

Как считают эксперты, российская государственная политика по продвижению образовательных услуг, привлечению зарубежной молодежи для обучения в страну имеет еще много неиспользованных ресурсов (см. рисунок 2). Очевидно, что угрозы образовательной миграции для национальной безопасности России связаны как с отъездом людей трудового возраста из страны, так и прибытием мигрантов. Отток из страны активных, предприимчивых людей в трудовом возрасте – это сокращение трудовых, научных, демографических, мобилизационных и иных ресурсов. В настоящее время за рубежом проживает около 11 млн граждан (бывших граждан) России (7 % населения страны). Каждый 25-й мигрант в мире – это россиянин [8].

	Частота	Проценты
1	26	12,0
2	66	30,6
3	70	32,4
4	47	21,8
5	7	3,2
Всего	216	100,0

Рис. 2. Оценка экспертами политики России
в сфере образовательной миграции молодежи

Следует признать, что какая-то часть прибывающих в страну на обучение иностранных граждан – это, возможно, люди, выбравшие легальный путь беженцев из стран Северной Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии. Они ухудшают криминогенную обстановку в местах обучения, которая, увеличивая количество внутренних российских проблем, аккумулирует общественную напряженность. Они объективно входят в состав землячеств, становятся субъектами незаконного использования труда людей (объекты строительства, транспорта), торговли людьми (проституция), неконтролируемой торговли наркотиками и оружием, организованной преступности и террористической деятельности. Часть российских студентов испытывают неудобство и опасение от совместного обучения со студентами некоторых стран (см. рисунок 3).

Создают ли Вам неудобства обучающиеся в вузе иностранные граждане?

	Частота	Проценты
1	**77**	**19,3**
2	**138**	**34,7**
3	**99**	**24,9**
4	**49**	**12,3**
5	**35**	**8,8**
Всего	**398**	**100,0**

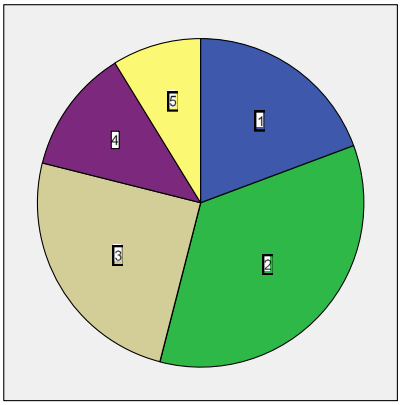

Рис. 3. Отношение российских студентов к обучающимся в вузе иностранным гражданам

Результаты исследования позволили выявить и такую проблему, сдерживающую внешнюю и внутреннюю образовательную миграцию, как низкий уровень правовой грамотности и правовой защищенности ее участников (см. рисунок 4). Несмотря на имеющиеся системные проблемы (трудности), в России есть значительные потенциальные гуманитарные, экономические и иные ресурсы приема большого количества внешних образовательных мигрантов. Среди гуманитарных ресурсов выделяются особые образовательные традиции и передовой опыт массовой и высококлассной подготовки кадров для всех сфер общественной жизни. Результаты современных исследований, свободных от политических заказов, показывают, что российское образование в дореволюционный и советский периоды было одним из лучших в мире, обеспечившее стране право быть одним из геополитических центров мира. Как известно, уж в начале XX века в России университетов было больше, чем в основной стране Западной Европы – Германии.

Потенциальные же экономические ресурсы России интересны иностранным гражданам с очень разнообразным и широким спектром психологической направленности на деятельность. Известно, что любой труд человека стимулируется прибылью, независимо от его национальной или политической принадлежности. Он будет жить и работать там, где больше маржа, лучше условия жизни, выше уровень безопасности.

Знаете ли Вы процедуру подачи жалоб/претензий в случае нарушения Ваших прав и законных интересов в вузе?

1. Да – 8,0%
2. Нет – 25,6%
3. Скорее нет – 38,9%
4. Затрудняюсь ответить – 22,4%
5. Другое – 5,0%

	Частота	Проценты
1	32	8,0
2	102	25,6
3	155	38,9
4	89	22,4
5	20	5,0
Всего	398	100,0

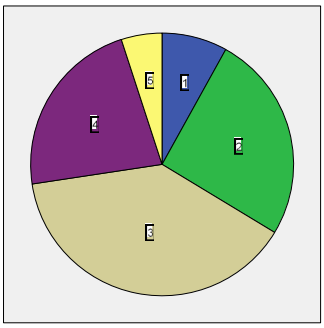

Рис. 4. Знание процедуры подачи жалоб/претензий в случае нарушения прав и законных интересов в вузе

У России есть и такой ресурс, как многочисленные диаспоры, которые образовались вследствие внутренних социальных потрясений и разбросаны по всему миру. Их общая численность составляет 25–30 млн чел., они тяготеют к исторической Родине и при заинтересованности государства готовы получать российское образование и вернуться на малозаселенные и экономически перспективные территории.

Очевидно, что в настоящее время внешняя образовательная миграция на территории России из экономически развитых стран представлена лишь лицами, работающими в структурах, имеющих цель изучения и стратегического анализа ее потенциальных возможностей как рыночного конкурента, военно-политического соперника. Однако в центрах глобального мира, где находятся многочисленные российские диаспоры, идут структурные изменения, увеличивается внутриполитическая, этническая нестабильность, которые обусловят их частичный возврат на историческую Родину. Так, сегодня в США проживают около 3 млн российских граждан. Это почти 2 % населения России и 1 % населения США (327 631 340 чел.) [9]. Возврат части этой диаспоры откроет нашу страну для молодых граждан США. Можно ожидать возвращения представителей русскоязычной диаспоры из Великобритании, которая насчитывает 167 000 чел. [10].

Осложняются и межкультурные отношения многих конфессий со странами католического мира, что уже сейчас ориентирует их паствы (адептов) на Россию. Значительным потенциалом для перенаправления потоков внешней образовательной миграции в Россию является ее представительство в различных военно-политических и экономических организациях. Здесь на основе двусторонних договоров иностранные граждане могут получать бесплатные или относительно дешевые образовательные услуги. Вероятно, потенциал этих организаций еще в полной мере не оценен и не актуализирован российским образовательным предпринимательством. Так, например, Организация Договора о коллективной безопасности (Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Республика Беларусь, Таджикистан) позволяет обеспечивать подготовку военных специалистов; БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Юж-

ноафриканская Республика) – специалистов для всех институтов общества. В настоящее время Россия входит (кроме вышеуказанных) в 9 крупнейших международных организаций: ООН (194 государства), ОБСЕ (57 стран); Организацию черноморского экономического сотрудничества (12 государств); Совет Европы (47 государств); Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (21 государство); Шанхайскую организацию сотрудничества (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан); Евразийский экономический союз (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия); Центрально-Азиатское сотрудничество (страны бывшего СССР); Всемирную торговую организацию.

Как показали результаты исследования, малоиспользуемым путем продвижения российского образования на международном рынке является информационно-психологическое обеспечение миграции иностранной молодежи в Россию, что в условиях бурного развития информационных цифровых коммуникаций является просчетом. Результаты опроса студентов-иностранцев показали, что большая их часть (76,8 %) узнала о возможности получения образования в России от родственников и знакомых.

Не в полной мере, если судить по факту малочисленности западноевропейских студентов в российских вузах, используется нашей системой образования и такой резерв, как лоббирование своих интересов в этой сфере в кругу иностранных производственных и торговых компаний. Известно, что сегодня Россия социально и экономически интегрирована в мировое сообщество. Например, российская система потребления почти полностью создана или перекуплена иностранными компаниями. В нашей стране, несмотря на санкции, работают 475 немецких, 450 нидерландских, 227 британских, 155 швейцарских, 154 американских, 124 французских компаний и т. п. Причем в России ведут предпринимательскую деятельность 50 самых крупных компаний мира [11]. Очевидно, что для работы в России кадры этих организаций должны быть интегрированы в нашу культуру. Лучшего пути, чем обучение их в наших вузах, нет.

В деле агитации, пропаганды, популяризации российского образования следует использовать культурно-религиозный потенциал православия, центр управления которым находится в России. Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) имеет значительные потенциальные возможности для продвижения отечественных знаний в страны всех регионов мира. Православие исповедуют примерно 200 млн чел. В мире существует около 75 стран, в которых процент православных составляет больше 0,1 % от общего населения страны [12]. К тому же РПЦ имеет очень прочные традиции в деле образования своей паствы. Как известно, образовательные организации этого института общества в дореволюционной России играли главную роль в духовном, культурном и нравственном просвещении народа. Считается, что именно РПЦ внесла основной вклад в обеспечении России к началу XX века мирового лидерства в образовании населения.

Фактором, обусловливающим превращение России в центр образовательных услуг, может считаться осложнение политико-экономической ситуации в крупнейших центрах мировой силы. Например, Великобритания «ушла» с центрального западноевропейского региона; США разрывают внутренние политические и этнические противоречия, в результате которых они ограничивают приток мигрантов; Японии становится тесно на островах (перенаселение – 126 070 561 чел.), Китай (1 430 075 000 чел.) и Индия (1 353 767 626 чел.) испытывают переизбыток рабочей силы. Между тем Россия

уже в ближайшее время будет в большей степени заинтересована в притоке экономически выгодной молодежи.

Важным условием развития образовательной миграции является гостеприимство и лояльность российского населения к иностранцам. Результаты интервью с респондентами позволяют сделать вывод о том, что участники образовательной миграции в России не имеют значительных проблем, связанных с национально-культурными особенностями (см. таблицу 2).

Таблица 2

Отношение российских народов к иностранным обучающимся,
% от опрошенных (не учтены данные по графе «затрудняюсь ответить»)

Как Вы отнесетесь к тому, что Вашим сокурсником будет:	Отрицательно		Безразлично		Положительно	
	Русские	Другие народы России	Русские	Другие народы России	Русские	Другие народы России
Азербайджанец	10,1	14,7	58,7	49,8	26,8	31,6
Армянин	11,2	21,7	60,5	50,6	26,1	24,0
Белорус	4,5	12,4	47,7	45,6	41,7	38,0
Болгарин	13,7	19,3	60,1	44,2	15,5	31,6
Вьетнамец	11,7	25,2	48,9	49,9	21,6	19,0
Грузин	7,1	15,5	49,3	63,0	37,1	20,2
Киргиз	12,2	13,7	67,5	58,3	16,3	23,9
Китаец	15,9	25,0	45,3	46,6	15,8	24,1
Кениец	24,1	25,6	55,6	52,2	16,3	22,2
Сириец	18,8	21,7	45,1	49,3	12,9	14,7
Таджик	12,0	25,4	45,2	46,8	25,9	23,6
Узбек	8,9	25,9	65,4	46,3	18,9	23,7
Украинец	9,6	18,7	53,6	49,6	33,4	27,9

Будет способствовать внешней образовательной миграции и искусственный интеллект, который позволит решить проблему общения на русском языке. Фактором, изменяющим содержание, структуру, форму как внешней, так и внутренней образовательной миграции, уже в ближайшее время может быть интенсивное развитие технологий дистанционного обучения, основанного на феномене цифровизации (роботизации). Как известно, последняя пандемия коронавируса активизировала в России создание правовой базы для организации массового применения технологий дистанционного обучения, которое в ЮНЕСКО регламентируется как «обучение с помощью Интернет и мультимедиа», а в документах Комиссии европейских сообщества как «обучение при помощи информационно-телекоммуникационных технологий». В настоящее время, как видно на зарубежной (Великобритания, США, Южная Корея) и отечественной практике, обучение с применением дистанционных технологий уже стало приоритетным. Например, в Южной Корее 85 % работающего населения проходит ежегодную переподготовку в системе электронного обучения с применением дистанционных технологий.

Безусловно, для увеличения доли участия на мировом образовательном рынке России необходимо совершенствовать нормативную правовую базу, снижать стоимость образовательных услуг, увеличивать расходы на развитие телекоммуникационных технологий, повышать уровень благосостояния населения и др.

Вышеперечисленные аргументы позволяют надеяться на то, что Россия в скором времени может стать одним из интеллектуальных центров мира.

Этот прогноз обосновывается математическими расчетами по формуле:

$$Xp = 1 – [1– p (K)] n [1- g (K)],$$

где Xp – возможность создания интеллектуального центра мира в России; p – коэффициент санкционированной (допустимой) образовательной миграции; K – количество образовательных организаций в России, входящих в мировой рейтинг; n – число стран, откуда направляются потоки образовательной миграции; g – коэффициент конкурентоспособности образовательных организаций. Даже очень приблизительные расчеты позволяют получить оптимистические для России результаты стать одним из интеллектуальных центров мира. Так, если допустить, что Россия ежегодно санкционирует приток потенциальных обучающихся с коэффициентом (p) ≥ 0,2 (ограничения могут быть связаны с деятельностью правоохранительных структур, «пропускной» способностью и возможностями вузов и другим); K – количество образовательных организаций в России, входящих в рейтинг 100 лучших образовательных организаций мира – около 5; g ≥ 0,2; n – число стран, откуда направляются основные потоки образовательной миграции – 10, то возможность уже будет оцениваться как положительная.

Подводя итоги вышесказанному, авторами были подготовлены практические рекомендации:

1. Правительству Российской Федерации необходимо уточнить Государственную Программу Российской Федерации: скорректировать образовательные технологии работы с иностранными обучающимися, применяемые в вузах России, обеспечить действенный общественный контроль системы управления информационными службами, занимающимися рекламой российских образовательных услуг за рубежом.

2. Предложить Минобрнауки России:

– разработать проекты государственных заданий по исследованию технологий регулирования внешней образовательной миграции;

– в паспорта гуманитарных научных специальностей внести пункты с содержанием категории «образовательная миграция населения».

3. Научно-исследовательским структурам организовать комплексные исследования проблемы «внешней образовательной миграции»; разработать технологии инновационной деятельности в этой сфере.

4. Вузам организовать подготовку кадров для работы в системе внешней образовательной миграции.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Гостев А. Н., Демченко Т. С. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства: монография. М.: Изд-во СГУ, 2011. 193 с.

2. Гостев А. Н., Демченко Т. С. Управление информационно-психологической защитой социальной организации: монография. М.: СГА, 2013. 198 с.

3. Европейское экономическое сообщество. URL: https://yandex.ru/search/?text=%2019&lr=213&clid=2233626 (дата обращения: 04.06.2020).

4. ФСБ впервые раскрыла данные о приезжающих на учебу в Россию. URL: https://www.rbc.ru/society/19/08/2019/5d5694d89a79471a151e5e5f (дата обращения: 04.06.2020).

5. Статистика количества студентов в России. URL: https://www.virtualacademy.ru/news/statistika-kolichestva-studentov-v-rossii (дата обращения: 04.06.2020).

6. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Стоимость обучения в России. URL: https://studyinrussia.ru/study-in-russia/cost-of-education-in-russia/ (дата обращения: 04.06.2020).

8. Сколько россиян уехало жить за границу и сколько уезжает каждый год? URL: https://zen.yandex.ru/media/pronedra/skolko-rossiian-uehalo-jit-za-granicu-i-skolko-uezjaet-kajdyi-god-5dd98bf60d13017d4ff7506f (дата обращения: 07.06.2020).

9. Сколько русских живет в Америке в 2019 году? URL: https://mnogofactov.ru/raznoe/skolko-po-poslednej-perepisi-naseleniya-russkikh-zhivet-v-amerike-v-2017-godu.html (дата обращения: 20.05.2020).

10. Сколько русских проживает в Англии? URL: http://www.russianireland.com/stalo-izvestno-skolko-russkikh-zhivet-v-velikobritanii/ (дата обращения: 20.05.2020).

11. Иностранные производственные компании в России URL: https://aftershock.news/?q=node/564696/ (дата обращения: 20.06.2020).

12. Православие по странам. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%/ (дата обращения: 10.06.2020).

© Гостев А. Н.
© Демченко Т. С.
© Петрова О. В.

УДК 31:343.123:343.296(470)

Ж. В. ЦЫРЕНОВ, *адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (г. Москва)*

Z. V. TSYRENOV, *Postgraduate of Chair of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia (Moscow)*

ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

ON THE OBJECTIVITY OF STATISTICAL REPORTING ON PROVIDING COMPENSATION FOR DAMAGES AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. *Статья посвящена одному из актуальных вопросов организации деятельности органов предварительного расследования – формированию критериев статистической отчет-*

ности обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлениями, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В статье обозначены проблемы формирования статистической отчетности, а также высказано обоснованное предположение о формировании новых критериев оценки работы органов предварительного расследования в указанном направлении деятельности. Как показывает практика, существующая форма статистической отчетности отражает показатели суммы возмещенного ущерба и не учитывает весь комплекс процессуальных и непроцессуальных мер, применяемых органами предварительного расследования по обеспечению возмещения ущерба. На основании проведенного теоретического анализа в соотношении с правовыми нормами в статье изложена позиция о том, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства органы предварительного расследования осуществляют обеспечение возмещения ущерба, а не его прямое возмещение. Таким образом, в статье рассмотрена проблема существующего подхода к формированию статистической отчётности органов предварительного расследования по обеспечению возмещения ущерба и приведены обоснования реформирования ее содержательных критериев.

Ключевые слова и словосочетания: *статистическая отчетность, возмещение ущерба, органы предварительного расследования, суд, потерпевший, инструкция, следственные и процессуальные действия, арест имущества, показатели.*

Annotation. *The article is devoted to one of the topical issues of organizing the activities of preliminary investigation bodies – the formation of statistical reporting criteria for ensuring compensation for damage caused by crimes at the pre-trial stages of criminal proceedings. The article identifies the problems of statistical reporting, as well as makes a reasonable assumption about the formation of new criteria for evaluating the work of preliminary investigation bodies in this area of activity. As practice shows, the current form of statistical reporting reflects indicators of the amount of damage compensated and does not take into account the full range of procedural and non-procedural measures applied by the preliminary investigation bodies to ensure compensation for damage. Based on the theoretical analysis carried out in relation to legal norms, the article presents the position that at the pre-trial stages of criminal proceedings, the preliminary investigation bodies provide compensation for damages, and not direct compensation. Based on the theoretical analysis carried out in relation to legal norms, the article presents the position that at the pre-trial stages of criminal proceedings, the preliminary investigation bodies provide compensation for damages, and not direct compensation. Thus, the article considers the problem of the existing approach to the formation of statistical reports of preliminary investigation bodies to ensure compensation for damages and provides justification for reforming its content criteria.*

Keywords and phrases: *statistical reporting, compensation for damage, preliminary investigation bodies, court, victim, instructions, investigative and procedural actions, seizure, search, seizure of property, indicators.*

Одним из приоритетных направлений деятельности органов предварительного расследования является возмещение ущерба, причиненного преступлениями. Руководители и должностные лица органов предварительного расследования реализуют комплекс мер, направленных на повышение эффективности указанного направления оперативно-служебной деятельности. Субъекты управления в целях упорядочивания данной деятельности должны владеть полной и объективной информацией о возмещении материального ущерба по оконченным делам.

Работа следственных органов по возмещению ущерба, как и иные виды деятельности, подвергается количественному учету и находит свое отражение в статистической отчетности, которая является неотъемлемым элементом организации расследования преступлений и служит наиболее используемой и важнейшей эмпирической базой как для практики, так и для науки. Именно статистика позволяет руководителям следственных органов оценивать деятельность подчиненных сотрудников по возмещению ущерба на досудебных

стадиях в количественном и качественном выражениях. В связи с этим статистика как наука изучает количественную сторону массовых общественных явлений в их неразрывной связи с качественными сторонами этих явлений [1, с. 39], что также относится к оценке деятельности органов следствия по обеспечению возмещения ущерба.

Для объективного отражения статистических сведений о деятельности органов следствия по возмещению ущерба информация о ней должна быть:

– комплексной, позволяющей изучение объекта во всем многообразии его проявлений и взаимосвязей;

– репрезентативной, то есть отражать все основные характеристики изучаемой совокупности явлений;

– объективной, проверенной и достоверной.

Применительно к досудебным стадиям уголовного судопроизводства статистическая отчетность, отражающая деятельность органов расследования преступлений по возмещению ущерба, определена приказом Генеральной прокуратуры РФ от 22.12.2017 № 858 «Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения №№ 1-Е, 1-ЕМ» [2].

Раздел 18 указанной Инструкции предусматривает отражение данных о возмещении ущерба по результатам расследования уголовных дел. Согласно инструкции работа в указанном направлении деятельности следственных органов определяется по двум критериям:

– возмещением ущерба, которое определяется изъятым имуществом, денежными средствами, ценностями; добровольным возмещением и в результате действий потерпевшего в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства;

– обеспечением возмещения ущерба, которое определяется наложением ареста на имущество. При этом показатель стоимости имущества, на которое наложен арест, в показатели возмещенного ущерба по оконченным уголовным делам не входит. Законодатель исходит из того, что наложение ареста на имущество для обеспечения возможной конфискации имущества либо гражданского иска в ходе предварительного следствия не является в полном объеме реальным возмещением ущерба, это всего лишь мера его обеспечения.

Согласно статистической отчетности, формируемой на основании вышеприведенной инструкции, показатель возмещенного ущерба по оконченным уголовным делам составил 45 224 324 рубля, из которого изъятые деньги, ценности составили 18 012 277 рублей (39,8 %), добровольно возмещенные обвиняемым 15 647 027 рулей (34,5 %), в результате действий потерпевшего в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства 11 565 020 рублей (25,5 %) [3]. При этом показатель обеспечения возмещения ущерба в виде наложения ареста на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ составил 56 323 386 рублей [4]. Данный показатель учитывается отдельно как обеспечение возмещения ущерба, является самостоятельным и в показатели возмещенного ущерба по оконченным уголовным делам не входит.

Анализ содержания обозначенных показателей статистической отчетности не позволяет объективно оценить деятельность следственных органов в указанном направлении. Существующая форма статистической отчетности, во-первых, отражает отдельный учет показателей суммы возмещенного ущерба, во-вторых, не учитывает весь комплекс процессуальных и непроцессуальных мер, применя-

емых в целях обеспечения возмещения ущерба.

На основании изложенного возникает проблема объективного отражения статистических сведений по указанному направлению деятельности. Необходимо разрешить вопрос о том, возмещают ли органы следствия причиненный ущерб или только обеспечивают его возмещение. Для раскрытия указанного вопроса следует рассмотреть понятия «возмещение» и «обеспечение». С. И. Ожегов определяет «возмещение» как замену чего-либо недостающего или утраченного. В Большом юридическом словаре термин «возмещение» означает «компенсацию имущественного ущерба, возникшего в результате причинения вреда». «Компенсация» (от лат. «compensare» – «уравновешивать») – как уравновешивание чего-либо нарушенного [5, с. 248]. Однако для уголовного судопроизводства более применимо понятие «возмещение», определяющее как возмещение восстановления утраченного блага в натуре.

Уголовно-процессуальным законодательством в этой части определено (ст. 29 УПК РФ), что только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о возмещении имущественного вреда (п. 3.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); о наложении ареста на имущество (п. 9 ст. 29 УПК РФ); об установлении срока ареста, наложенного на имущество, и о его продлении (п. 9.1 ст. 29 УПК РФ). Таким образом, законодательно только суду предоставлены правомочия по возмещению причиненного ущерба [6].

В связи с этим только суд имеет полномочия возмещать на основании своего решения причиненный ущерб, о чем свидетельствуют нормы уголовно-процессуального законодательства. При этом органам следствия право возмещения ущерба не определено законодательством. Следственные органы только обеспечивают возмещение ущерба на досудебных стадиях уголовного судопроизводства путем установления и изъятия похищенного имущества [7, с. 543], добровольного возмещения его обвиняемым и наложения ареста на имущества на основании решения суда.

Под понятием «обеспечение» можно понимать совокупность мер и средств, создание условий, способствующих нормальному протеканию экономических процессов, поддержанию стабильного функционирования экономической системы и ее объектов [8, с. 124]. В некоторой степени обеспечение связано с долженствованием, выраженным в том, что должностные лица органов предварительного расследования по отношению к объекту обеспечения, то есть потерпевшему, при выполнении своих функциональных обязанностей несут определенные обязательства, направленные на исполнение обеспечения прав потерпевших, путем «аккумулирования» имущества на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. При этом решение о возмещении ущерба, то есть о возврате «аккумулированного» имущества, как было указано выше, принимает суд. По этому поводу Р. С. Бевзенко полагает, что у способов обеспечения нет содержательной общности, а только функциональная [9, с. 716–718].

Организацию обеспечения возмещения ущерба необходимо рассмотреть в деятельности следственных органов как одну из важнейших функций с различными способами исполнения и во взаимодействии между различными ее элементами, таким образом определяя содержательную ее часть. Понимание «обеспечения», с точки зрения науки управления, включает в себя комплекс мер и способов процессуального и служебного характера, направленных на достижение максимального и оптимального пределов соблюдения прав потерпевших и последующего возмещения ущерба на основании решения суда.

Процесс исследуемой деятельности требует совершения множества организационных мероприятий [10, с. 197]. Органы предварительного расследования проводят процессуальные и иные следственные действия, направленные на обеспечение возмещения ущерба на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Для достижения поставленных целей по повышению уровня обеспечения возмещения ущерба должностные лица следственных органов реализуют достаточно большой объем уголовно-процессуальных мер, направленных на поиск и изъятие имущества, денежных средств, ценностей, а именно проведение обысков и выемок (ст.ст. 182, 183 УПК РФ), проведение осмотра изъятого имущества и ценностей (ст. 176 УПК РФ), допросы потерпевших и свидетелей с целью установления характера и размера ущерба. Кроме того, следователь определяет стоимость похищенного или повреждённого имущества путем назначения необходимых экспертиз, в том числе оценочных (ст. 197 УПК РФ), привлекает и допрашивает специалистов в той или иной области с целью установления информации о характеристиках похищенного имущества, направляет поручения (ст. 38 УПК РФ) оперативным сотрудникам на установление имущества, подлежащего изъятию, а также запросы в государственные органы (Управление Росреестра, Росфинмониторинг, кредитные учреждения, ГИБДД и др.) о предоставлении соответствующих сведений об имуществе.

Рассматривая вопрос об отношении добровольного возмещения ущерба к обеспечительным мерам, необходимо обратить внимание на то, что должностным лицам следственных органов не определены уголовно-процессуальной формы фиксации действий обвиняемого по возврату похищенного имущества либо его аналога, однако процесс восстановления нарушенных прав потерпевшего находит отражение в допросах потерпевшего и обвиняемого либо приобщения к материалам уголовного дела справки о возмещении ущерба потерпевшей стороне.

Добровольное возмещение ущерба потерпевшему на досудебных стадиях уголовного судопроизводства не является конечным результатом юридического восстановления прав потерпевшего. Так, в случае возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования из прокуратуры или суда, а также вынесения оправдательного приговора не будет определена вина обвиняемого, что может повлечь за собой изменение позиции обвиняемого на непризнание вины в совершенном преступном деянии и, соответственно, право обвиняемого об истребовании в свою пользу ранее добровольно переданных денежных средств, ценностей или имущества как от потерпевшего, так и от следственных органов.

Таким образом, обеспечению добровольного возмещения ущерба обвиняемым предшествует объемная, кропотливая и тактическая работа следователя, в ходе которой он проводит обширный комплекс следственных и процессуальных действий в рамках предоставленных ему полномочий на этапах возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, тем самым «склоняя» обвиняемого к сотрудничеству и пониманию необходимости добровольного возмещения ущерба потерпевшему как одного из условий смягчения наказания при вынесении приговора судом. И только суд при вынесении обвинительного приговора либо принятии решения в отношении обвиняемого по нереабилитирующим основаниям подтверждает, что добровольно возмещенное обвиняемым имущество, а также действия потерпевшего в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства до возбуждения уголовного дела и на этапе предварительного

расследования носили объективный и законный характер, указывая, что следственные органы приняли необходимые обеспечительные меры. В связи с этим уместна позиция С. А. Синенко, который указывал, что необходимо искать приемы, направленные на разработку соответствующих методических рекомендаций, нацеленных на повышение тактической грамотности следователя [11, с. 133].

Таким образом, только суд на основании проделанной следственными органами обеспечительной работы при вынесении приговора решает вопрос о возмещении ущерба, а органы следствия обеспечивают его возмещение. В связи с этим можно констатировать, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства следственные органы осуществляют обеспечение возмещения ущерба, но не его прямое возмещение.

На основании изложенного формирование статистических данных по указанному направлению деятельности с разделением оценки показателей на возмещение ущерба путем изъятия имущества, денежных средств, ценностей, добровольного возмещения и в результате действий потерпевшего в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, с одной стороны, и обеспечение возмещения вреда, которое определяется наложением ареста на имущество, – с другой, являются необъективным и требуют корректировки. Для того чтобы добиться реального статистического отражения результатов работы органов следствия, необходимо менять систему формирования уголовной статистики в части возмещения ущерба. Формируя новые подходы к оценке деятельности, целесообразно отметить, что, устанавливая характер и размер причиненного вреда, следователь реализует весь спектр предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством полномочий по установлению, изъятию похищенного имущества и наложению ареста на имущество, тем самым обеспечивает возмещение ущерба на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

В связи с этим в Инструкцию по составлению отчетности по оценке деятельности органов предварительного расследования необходимо внести изменения, где в разделе 18 слова «возмещение ущерба» предлагаются заменить на «обеспечение возмещение ущерба», включив в указанный показатель изъятые деньги, ценности, имущество; добровольно погашенное обвиняемым; действия потерпевшего в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, а также наложение ареста на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ.

Указанная законодательная новелла позволит соблюсти единую комплексную государственную политику по обеспечению органами предварительного расследования возмещения ущерба, причиненного преступлениями, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и, соответственно, улучшить систему статистических показателей.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов Г. В., Андреев Э. П. Методы измерения в социологии. М., 1977. 183 с.

2. Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 22.12.2017 № 858 (ред. от 24.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Сведения о нанесенном материальном ущербе и его возмещении по оконченным уголовным делам за 2018 год. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 06.12.2019).

4. Данные из представленных на сайте ЦСИ ГИАЦ МВД России отчетов по форме 1-Е. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 11.01.2020).

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 816 с.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

7. Белкин А. Р. Предмет доказывания по уголовному делу. Пределы и условия доказывания // Курс уголовного судопроизводства: учебник: в 3-х т. / под. ред. В. А. Михайлова. М., 2006. Т. 1. 527 с.

8. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. 512 с.

9. Бевзенко Р. С. Проблемы исполнения обязательства и его обеспечения // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 716–718.

10. Нурушев А. А. Поисково-познавательная деятельность следователя и органов дознания по обеспечению возмещения имущественного вреда (ущерба), причиненного преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 234 с.

11. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 418 с.

© Цыренов Ж. В.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЯЗЫК И ПРАВО. ЮРИСЛИНГВИСТИКА

УДК 81’221.24(091)

Д. А. ГАЛИЕВА, *доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)*

D. A. GALIEVA, *Assistant Professor of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Ufa)*

Л. В. НАУРАЗБАЕВА, *старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)*

L. V. NAURAZBAEVA, *Senior instructor of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)*

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ

THE HISTORY OF ORIGIN AND EVOLUTION OF SIGN LANGUAGES

Аннотация. *Статья посвящена вопросам происхождения и развития жестовых языков, которые неразрывно связаны с историей самих глухих. Именно благодаря жестовому языку, который стал применяться в образовании глухих, и стали появляться сообщества глухих с их субкультурными особенностями. Многочисленные лингвистические исследования показали, что жестовый язык отличается от звукового языка и представляет собой лингвистическую систему со своей особой лексикой, морфологией, синтаксисом. В исследованиях отечественных и зарубежных ученых жестовые языки рассматриваются не только как примитивный и универсальный вид жестового общения, но и признаются как самостоятельные и естественные языки.*

Ключевые слова и словосочетания: *жестовый язык, дактилология, иконичность, эволюция языка, типология, история возникновения, распространение.*

Annotation. *The sign language has been an essential aspect of communication throughout human history. The article sheds light on the issues of origin and evolution of sign languages, which are closely connected with the history of the deaf. Thanks to the sign language, which has become widespread, it gave a rise to the deaf communities with their subcultural characteristics. Numerous linguistic studies have shown that the sign language differs from the sound language and it stands as a linguistic system with its own special vocabulary, morphology, syntax. Foreign and Russian linguists have moved from considering sign languages not only as a primitive and universal type of gesture communication but came to a recognition that sign languages are complete and natural human languages.*

Keywords and phrases: *sign language, dactylology, iconicity, evolution of language, typology, the history of origin, evolution.*

В настоящее время произошли серьезные положительные изменения, касающиеся жестовых языков, так как появилось много законодательных актов, защищающих язык и культуру глухих. Кроме того, в мире растет осознание того, что каждый человек имеет право не только на благоприятную экономическую и социальную среду, но и на право участвовать в политической жизни общества. Благодаря взаимодействию с различными структурами глухие могут получить доступ к юридической сфере, включая полицию и суды, воспользоваться необходимой информацией, иметь возможность полноценно принимать участие в гражданской жизни, социальной и культурной сферах, а также участвовать в политической и общественной жизни своей страны.

Объектом нашего исследования является жестовый язык, поскольку «язык реален и объективен в своем сложном целом и во всех своих сторонах, частях и структурных единицах. Поэтому язык был и остается предметом научного познания» [1, с. 9]. Действительно, язык – это сложная знаковая система, созданная естественным или искусственным образом. В результате его постоянного развития появляются неологизмы, заимствования, а некоторые слова и выражения, наоборот, утрачивают актуальность и становятся архаизмами, изменяются грамматические формы и т. д. Жестовый язык также подвержен подобным изменениям.

С недавних пор изучение жестов стало самостоятельной наукой, поэтому в данный период прослеживается становление новой системы общения. Исходя из этого, целью данной статьи является изучение истории зарождения жестового языка и его использования в различных отраслях деятельности, в частности, юриспруденции.

Возникновение и формирование жестовых языков, с исторической точки зрения, уходит корнями еще в древние времена. Словесный или звуковой язык появился гораздо позже. Самые ранние попытки людей установить общение, к тому времени еще бессловесное, свидетельствуют о том, что жестовый язык образовался из инстинктивных, непроизвольных движений. Этимологию некоторых жестов, таких как изображения животных, бытовых предметов и т. д., достаточно несложно проследить исходя из их иконичности.

Начало систематизации и активного развития национальных жестовых языков относят к XVIII веку, когда индустриализация в Европе явилась причиной увеличения групп глухих людей, проживающих в больших городах. Безусловно, важным стимулом к формированию и распространению жестовых языков стало появление в конце XVIII века учебно-воспитательных центров для детей с различными нарушениями слуха во Франции (под руководством аббата Шарля Мишеля де л’Эпе) и Германии (под руководством Самуэля Гейнике). В тот период первостепенной задачей было обучение глухих детей письменной речи. Благодаря естественным бытовым жестам национальных сообществ глухих возникла искусственно созданная жестовая интерпретация французского и немецкого языков.

На основании вышесказанного логично предположить, что появлению образовательных учреждений в других странах послужили педагогические успехи немецкой и французской сурдопедагогических школ. При этом заимствовались либо сурдопедагогические концепции (Англия), либо методика в целом (США), включая и сам жестовый язык.

Так, первая школа, которая открылась в 1817 году в США в Хартфорде (штат Коннектикут), использовала французскую методику обучения глухих детей. Это повлияло на сходство Амслен, американского жестового языка (ASL, англ. American Sign Language) и французского жестового языка (LSF, фр. Langue des

Signes Française), а также на несхожесть с британским знаковым языком (BSL, англ. British Sign Language).

В настоящее время в мире существуют сотни жестовых языков, диалектов, наречий, сленгов и т. д. Генеалогическая классификация жестовых языков, наравне со словесными языками, подразделяет их на группы и семьи. Однако проследить степень родства жестовых языков довольно сложно в силу их быстрого и спонтанного развития. Если русский звуковой язык относят к восточнославянской группе индоевропейской семьи, то русский жестовый язык принадлежит французской семье, в которую входят такие языки, как фламандский, американский, нидерландский, бразильский и др. Специфика и оригинальность каждого национального языка сохраняются.

Исследования показали, что исторические связи между жестовыми языками объясняются также мировой политикой и экспортом образования. В частности, историческое наследие Империи Габсбургов привело к непосредственной связи между жестовыми языками Австрии, Германии и Венгрии. Появление в тайваньском жестовом языке новых диалектов, похожих на жестовый язык японцев, стало результатом японской оккупации Тайваня. На экспорт образовательных систем немалое влияние также оказала религиозная и миссионерская деятельность людей. На большинство стран Европы и Северной Америки повлияла французская система образования глухих. Шведские и португальские жестовые языки взаимодействовали в результате учреждения глухими шведскими педагогами школы в Лиссабоне в 1824 году. Ирландские монахи, обучавшие глухих детей, повлияли на жестовые языки Индии, Австралии, Южной Африки и других стран [2, с. 39].

В современном мире, несмотря на бытующее мнение об уникальности жестового языка, отсутствует универсальный знаковый язык. Существует более 100 жестовых языков, которые используются для общения между людьми с нарушением речи и слуха. Так, иностранец из США не сможет понять неслышащего человека из России. Приведем пример: жест «злой» в русском жестовом языке будет трактоваться как «прости, извини» в американском знаковом языке.

Необходимо отметить, что жестовая речь отличается от словесной речи. Например, глагол «идти» в русском жестовом языке передается по-разному, в зависимости от того, кто или что идет – время, человек, дождь, а синонимичные понятия часто обозначаются общими жестами – огонь, костер, пожар. А невербальные средства общения, такие как артикуляция, мимика, пантомимика, выражающие чувства и настроение, дополняют и уточняют жесты.

Каждое движение руки в жестовом языке означает определенное понятие. Однако язык жестов не следует также соотносить с языком тела, который является способом невербального общения. Так, навыки чтения последнего: мимические проявления, эмоции, жесты, проксемика, кинесика и другие внешние реакции, которые широко используются в психологии.

Следовательно, все зависит от истории возникновения того или иного языка. Такие аспекты, как словесный национальный язык, лингвистические школы, культура народа, оказывают огромное влияние на становление и развитие любого жестового языка. Со временем язык жестов становится более сложным, а жесты приобретают различное смысловое значение.

Каждый жестовый язык глухих имеет собственное наименование: язык неслышащих США называется амслен (AMerican Sign LANguage – «американский жестовый язык»); семья британского жестого языка использует термин термин «BANZSL» (British, Australian and New Zealand Sign Language). Несмотря на словесный язык (немецкий), Германия

и Австрия применяют в реальности разные жестовые языки, которые не связаны друг с другом. Так, австрийский жестовый язык – Austrian Sign Language (нем. Österreichische Gebärdensprache, ÖGS) и немецкий жестовый язык – Deutsche Gebärdensprache (DGS).

К специфическим средствам общения, кроме жестовой речи, относят и дактилологию. Каждый национальный жестовый язык имеет свою уникальную дактильную азбуку, ее применяют в процессе коммуникации при обозначении неологизмов, имен, названий городов. До сих пор неизвестно, когда зародилась дактилология. Принято считать, что первые данные о дактильном алфавите были получены в XVI веке. Нет точного подтверждения о том, как возникла азбука, одни ученые отводят роль монахам, давшим обет молчания. Другие полагают, что испанские философы и монахи использовали дактильный алфавит при обучении глухонемых.

Известно, что испанский монах Педро Понсе де Лион успешно использовал дактильную речь при обучении неслышащих детей. Однако дактильная азбука была обнародована лишь спустя сто лет в книге Джоан Пабло Бонет «О природе звуков и искусстве научить глухого говорить». В России дактильную азбуку стали применять лишь в XIX веке.

Мы считаем, что ключевым этапом к самоопределению жестовых языков стало появление в 1951 году Всемирной Федерации глухих (далее – ВФГ) (World Federation of the Deaf). 23 сентября 1951 года в Риме была создана международная неправительственная организация (объединение организаций из 135 стран), которая представляла и поощряла права неслышащих людей. Миссия ВФГ, которая выполняет свои функции по сей день, – это поддержка соблюдению прав человека для людей с нарушения функции слуха, возможность качественного и равного доступа ко всем сферам жизни: самоопределение, жестовый язык, образование, занятость и общественная жизнь.

В 1975 году на мировом конгрессе глухих был принят и ратифицирован международный жестовый язык, или жестуно (International Sign Language, gestuno), который стал международной знаковой системой и объединил ВФГ. Международный жестовый язык способствовал общению глухих из разных стран как в неофициальной обстановке, например, молодежные форумы или фестивали, так и на официальных мероприятиях, в частности, Сурдлимпийские игры, всемирные конгрессы по проблемам глухих и т. д. Словарь по международному знаковому языку, созданный также ВФГ, содержит 1 500 жестов, используемых в различных национальных системах.

Историю возникновения русского жестового языка относят к XIX веку. Необходимо отметить, что до официальной даты открытия первых сурдопедагогических школ дети с нарушениями слуха обучались и воспитывались в монастырях, где использовалась методика тотальной коммуникации, то есть сочетания жестового и словесного языков.

В 1806 году в Павловске (около Петербурга) была открыта первая школа для глухих, применяющая французскую методику обучения неслышащих детей в России. В 1860 году школа переехала в Москву и стала работать уже по немецкой методике.

Для более полной характеристики вопроса развития русского жестового языка в России были изучены работы отечественных ученых. Так, первые научные исследования русского жестового языка в России реализованы директором Петербургского училища, сурдопедагогом В. И. Флери (1800–1856). Книга В. И. Флери «Глухонемые» (1835) дает первое лексическое и лексикографическое описание русского жестового языка и включает в себя первый словарь по русскому жестовому языку, состоящий из жестов, собранных, непосредственно,

у глухонемых. Автор выделяет три разновидности жестовой речи и проводит сопоставительный анализ русских жестов и жестов, используемых в Парижском институте глухих. На основе типологии жестов В. И. Флери впервые описывает особенности лингвистики и синтаксиса русского жестового языка, принимая во внимание значение немануального компонента жеста.

Поскольку практически все учебные заведения на территории Российской империи были учреждены бывшими педагогами или выпускниками Санкт-Петербургского училища, в России до 1917 года при обучении неслышащих людей использовался жестовый язык.

В конце XIX века Европа стала придерживаться устного метода обучения неслышащих людей, что не могло не сказаться на отношении к жестовому языку и качестве образования глухих. Методика обучения глухих в Европе также повлияла на образовательную деятельность в России. Выдающийся ученый, сурдопедагог Н. М. Лаговский рассматривал жестовый язык глухих, изучал специфику его естественной и искусственной формы. Однако, в отличие от В. И. Флери, он считал, что жестовый язык не имеет грамматических форм и правил. Н. М. Лаговский придерживался исключительно устного метода с использованием дактильного алфавита. Тем не менее исследователи, имевшие значительный опыт работы с глухими детьми, пришли к выводу о том, что жестовая речь необходима как вспомогательное воспитательное средство.

Великий русский психолог и дефектолог Л. С. Выготский первоначально был сторонником методики Н. М. Лаговского. Но спустя некоторое время, к началу 1930-х годов, на основании практического опыта и исследований ученый приходит к выводу о том, что жестовый язык – это сложная и своеобразная лингвистическая система. Идеи Л. С. Выготского были развиты в научных исследованиях сурдопедагогов Г. Л. Зайцевой, Н. Г. Морозовой, Р. М. Боскис, которые впервые в России попытались рассматривать жестовый язык экспериментально. В научном труде Н. Г. Морозовой и Р. М. Боскис «О развитии мимической речи» подчеркивается, что жестовый язык имеет свою грамматику, отличную от грамматики русского языка.

В то же время известный сурдотифлопедагог И. А. Соколянский считал необходимым использование жестовой речи в обучении глухих, особенно на начальном этапе обучения. По мнению ученого, глухие должны приравниваться к иностранцам, а их язык – рассматриваться как своеобразная, но типичная языковая система, которую нужно знать и изучать. И. А. Соколянский рассматривает жестовый язык как родной язык глухих людей.

Создание Всероссийского общества глухих и появление региональных отделений в 20–30-е годы XX века способствовало формированию русской системы жестового общения. Люди с нарушением слуха по всей стране стали общаться, организовывать научные конференции, спортивные соревнования.

В советский период благодаря активному вовлечению неслышащих в общественно-политическую жизнь страны возникает такое понятие, как сурдоперевод. Огромный вклад в систему подготовки специалистов по сурдопереводу в Советском Союзе внес И. Ф. Гейльман, составивший первый объемный словарь русского жестового языка и международного жестового языка (жестуно). В 1957 году был напечатан первый жестовый словарь под его руководством, и началась централизованная подготовка сурдопереводчиков.

Во всех регионах бывшего Советского Союза, кроме Прибалтики, у большинства неслышащих граждан язык жестов стал единым. Однако следует признать, что наряду с общим языком существуют

и различные местные диалекты. Особенно заметны диалектные различия в лексике. Сурдоперевод по методике И. Ф. Гейльмана получил название «калькирующий перевод», или «калькирующая жестовая речь» [3, с. 192] (далее – КЖР). Исследователь считал, что «единственным языком человеческого сообщества, способным служить полноценным средством общения людей, всегда был язык слов» [4, с. 3], а значит, перевод должен строиться на основе словесного языка.

В 1992 году доктором педагогических наук, профессором, исследователем жестового языка, культуры и истории глухих Г. Л. Зайцевой был разработан стандарт для русского жестового языка и открыта первая Московская билингвистическая гимназия для глухих детей. В течение многих лет Г. Л. Зайцева занималась педагогикой глухих людей и практическими исследованиями русского жестового языка, ей удалось осуществить значительный прогресс в области российской сурдопедагогики. Большинство педагогов стран бывшего СССР и восточноевропейские страны постсоветского пространства применяют ее методические наработки.

Статус языка жестов в России законодательно был утвержден в 2012 году: русский жестовый язык определен как язык общения при наличии нарушений слуха и (или) речи. Признание русского жестового языка официальными органами – это, несомненно, важный социолингвистический фактор. Позитивное изменение статуса жестового языка способствует организации единых программ обучения, написанию учебных пособий, подготовки преподавателей в государственных образовательных учреждениях. Развитие в области специальной терминологии русского жестового языка обеспечивает взаимодействие инвалидов по слуху и инвалидов по слуху и зрению с государственными органами.

На наш взгляд, русский жестовый язык – это естественный язык, полноценная лингвистическая система, развивающаяся спонтанно и усваиваемая неслышащими людьми как родной язык. Однако следует признать наличие и искусственной коммуникативной системы – КЖР, которая повторяет грамматику словесного русского языка.

Таким образом, можно констатировать, что жестовые языки, также как и звуковые, связаны между собой отношениями родства, которые не совпадают с родством между словесными или звуковыми языками. Так, огромное влияние оказало распространение французских методик обучения глухих в других странах, в результате чего от старофранцузского жестового языка происходит более двадцати национальных жестовых языков, в том числе и русский жестовый язык.

Исследования отечественных и зарубежных ученых (лингвистов, психологов, сурдопедагогов) внесли серьезный вклад в становление жестовых языков, что позволяет сделать следующие выводы: знаковые языки – это способ невербального общения; жестовые языки являются функционально полноценными (естественными) языками с собственным, иногда довольно сложным внутренним механизмом; изучение их свойств, как общих со словесными (звуковыми) языками, так и специфичных, стало интересной задачей для лингвистической типологии.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Е. А. Истоки и векторы логико-когнитивного направления в изучении языка: монография. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2013. 127 с.

2. Теория и практика русского жестового языка: учебное пособие / С. Э. Валдавина, В. В. Посиделова, Е. Ю. Хорошко [и др.]. М.: ДГСК МВД России, 2018. 188 с.

3. Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманитарный издательский центра ВЛАДОС, 2000. 192 с.

4. Гейльман И. Ф. Ручная азбука и речевые жесты глухонемых. М.: КОИЗ, 1957. 596 с.

© Галиева Д. А.
© Науразбаева Л. В.

УДК 378.016:81’23’234

Г. В. КОТОВА, *доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России, доцент (г. Хабаровск)*

G. V. KOTOVA, *Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages of the Far East Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philology, Associate Professor (Khabarovsk)*

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ)

FORMATION OF SYSTEM THINKING IN LEARNING A FOREIGN LANGUAGE (FROM TEACHING EXPERIENCE)

Аннотация. *В статье рассматривается органичная связь языка и мышления как взаимодетерминированных системных феноменов, а также системные характеристики языка, базирующегося на системно-релевантных формах самого мышления, без учета которых невозможно формирование универсальных компетенций в сфере знания иностранного языка. Автор указывает, что динамика процесса обучения иностранному языку реализуется в контексте принципа системности мышления, когда работа над аспектами языка и видами речевой деятельности строится с учетом системных категорий в языке. Подчеркивается влияние формирования системного мышления при изучении иностранного языка на процесс становления грамотных, созидательно мыслящих профессионалов.*

Ключевые слова и словосочетания: *системный подход, языковая система, рефлексия, мыслительная деятельность, причинно-следственные связи.*

Annotation. *The paper examines the organic connection of the language and thinking as mutually deterministic system phenomena as well as the system characteristics of the language based on systemically relevant forms of thinking are considered, without taking into account these characteristics it is impossible to form universal competences in the field of knowledge of a foreign language. The author points that the dynamics of the process of teaching a foreign language is realized in the context of the principle of system thinking, when the work on the aspects of the language and types of speech activity is based on the system categories in the language. The influence of the formation of the system thinking is stressed by studying a foreign language on the process of making competent, creatively thinking professionals.*

Keywords and phrases: *system approach, language system, reflection, thought activity, cause and effect relationships.*

Обращение к теме формирования системного мышления в процессе изучения иностранного языка (далее – ИЯ) заставляет четко определиться в самом понятии «система», которая в общем понимании есть совокупность организованных для определенной цели взаимосвязанных элементов, а также иметь не менее четкие представления о взаимосвязи мышления и языка в целом и о системном подходе применительно к вопросу изучения языка в частности. Если в первом случае в представлении о системе доминирует единый признак целостности, состоящей из структурированных определенным образом и связанных друг с другом частей, то, говоря о связи мышления и языка, необходимо опираться на целый ряд постулируемых наукой положений, бесспорно, подтверждающих основную сущность проблемы, а именно то, что мышление – есть обобщенное познание связей и явлений, осуществленное посредством языка, поскольку мышление в его наивысшем словесно-логическом виде протекает в понятийно-языковой форме.

По мнению Е. А. Петровой, «так как для процесса мышления и процесса коммуникации важна не сама природная материя, а то, что лежит в ее основе, т. е. категории мышления, то язык, следовательно, с этой точки зрения есть тоже мышление» [1, с. 54]. В свою очередь язык как орудие мышления обеспечивает «оформление мыслей и обмен информацией» [2, с. 606]. С другой стороны, мы обязаны помнить, что язык и мышление – разные феномены, что выражается в том, что их развитие может иметь разные временные характеристики именно ввиду несовпадения контентных категорий этих двух системных образований, как, например, это имеет место при развитии грамматических категорий, поскольку это развитие – «результат неконтролируемого мышлением длительного процесса обобщения языковых форм», где между категориями мышления и языка (например, при указании рода) соответствий нет [2, с. 607]. Наконец, неопровержимым является обратное воздействие языка на мышление, что подтверждается фактором письменности, развитие которой «значительно увеличило возможности языка как средства оформления мысли» [2, с. 607]. Повторим, и само мышление оказывает воздействие на язык. Не в последнюю очередь это проявляется в росте «понятийного аппарата мышления, уточнении и дифференциации синтаксических средств выражения смысловых отношений» [2, с 607].

Из вышесказанного абсолютно логично вытекает, что связь языка и мышления, по сути, глубоко системна, так как она имплицирует их органически неразрывные отношения и множественные взаимосвязи, в результате чего, собственно, конституируется сама языковая система «как соединение массы элементов, находящихся в отношениях и связях, которое образует единство и целостность» [2, с. 452]. Системные отношения в рамках самой языковой системы выражаются, как известно, в универсальном наборе свойств, которые составляют классическую суть системного подхода: регулярность, возможность аналитико-синтетических операций, структурируемость, функциональность и др. Данные свойства характеризуются наличием таких признаков, как устойчивость, уровневость, взаимообусловленность, внешняя признаковость, закрепляемость в правилах, возможность аналогии и динамизм языковых единиц [2, с. 452]. Понятно, что эти свойства и признаки базируются именно на таких формах мышления, как понятие и суждение, т. е. логико-языковых средствах выражения процесса мышления.

Следует отметить, что сегодня принцип системности является особенно актуальным и находит свое отражение во всех сферах действительности. Такие часто употребляемые выражения, как

«системная ошибка» или «системный сбой», означают, что речь в этих случаях идет не о случайном, единичном событии, а явлении, корни которого кроятся в нарушении либо «неучете» регулярных отношений, существующих в условиях функционирования конкретной системы, определенного системного образования с четкой иерархией и взаимодетерминированностью ее составных частей. В этом смысле феномен системного мышления предполагает, несомненно, четкое осознание факта и сути системности и готовность к постоянной рефлексии и саморефлексии как фактору внутреннего самоконтроля, умение видеть взаимосвязи, равно как и целостную картину, например, представляемой (вербально) разговорной темы либо передаваемого содержания прочитанного текста. В некоторой степени системное мышление коррелирует с критическим, а именно в том отношении, в каком критическое видение отражает системно-содержательную суть рассматриваемого объекта изучения, например, при формировании умения сознавать степень «полноты понимания информационного текста» [3, с. 22].

В сущности, такой системно-критический подход обязателен и фиксируется в рабочих программах дисциплины Иностранный язык, в том числе в области подготовки адъюнктов – для обеспечения успешного развития у обучающихся «универсальных компетенций, направленных на совершенствование способности к критическому анализу и оцениванию современных достижений» [4, с. 27]. На прикладном уровне системность, которая должна присутствовать в мышлении обучающихся в регистре иностранного языка, преподаватель обязан рассматривать как непременное качество мыслительной деятельности и потому как объект своей постоянной заботы, мотивируя себя и обучающихся на применение таких видов учебной работы, которые стимулируют формирование этого свойства сознания у его подопечных. Это касается не только ясной презентации грамматических тем, когда грамматические элементы, категории и формы предлагаются в обозримой взаимосвязи с ориентацией на создание иерархического представления какого-либо грамматического явления. Принцип системности мышления особенно важен и при работе с материалом разговорных тем, поскольку их раскрытие априори связано с целостным представлением конкретной темы, ее составными блоками и структурой. Разумеется, конечному результату предшествует разнообразная работа, выполнение различных методических заданий – от простых переводных и вопросно-ответных видов работы до творческих, продуктивных форм, требующих аналитического подхода, оправданной заданием перестройки содержательных частей, отсечения нерелевантной информации, а затем завершения и/или экспликации, подтверждения или опровержения, дополнения, расширения и пр. В этом ключе большой дидактической ценностью (и интересом) пользуются сопоставительно-выборочные задания, например: «Найдите к терминам, данным слева, их определения в первой части таблицы».

Наконец, напомним, что обращение к текстовой работе, которая, как правило, происходит в контексте чтения профильно-ориентированных материалов, отражает в определённой мере профессиональную составляющую при обучении ИЯ в специализированном вузе и потому в еще большей мере требует обладания таким качеством, как системное мышление. Однако максимальной степенью выраженности в плане формирования указанного качества обладает послетекстовая работа, связанная с подготовкой аннотации текста, которая присутствует на экзамене как одно из заданий, обозначенных в экзаменационном билете. Эта работа предельно наглядно

демонстрирует сформированность такого качества мышления, как способность к обобщающей и систематизирующей деятельности, умение находить в массе содержательных элементов связующий признак, определить наличие и конкретику отношений и связей между ними и представлять познанное/постигнутое, т. е. представленную в тексте информацию в целостности и в единстве с заявленной темой содержания текста. Из этого следует, что транспарентность заданий, их мотивированность, смысловая релевантность, помноженные на повторяемость, обеспечивающую кумулятивный эффект и переход количества в качество, выполняют свое предназначение, и в ходе работы (с текстом и прочими учебными объектами) обучающийся обретает способность демонстрировать все качества, присущие мышлению на уровне системного подхода, в основу которого, как уже отмечалось, положены анализ, синтез, обобщение, сравнение, классификация, выявление причинно-следственных связей и отношений [5, с. 120].

Практика показывает, что осуществление мыслительных операций, протекающих под знаком системного мышления и в контексте изучения ИЯ, возможно лишь при наличии базовой знаниевой основы на всех уровнях изучаемого языка – лексическом, грамматическом, фонетическом. При этом наличие широкой знаниевой базы не есть сверхобязательное обстоятельство в реализации системного мышления. Однако ее присутствие все же является непременным условием, обеспечивающим оперирование обучающимися учебным материалом на уровне осмысления и мышления уже в регистре ИЯ, поскольку иначе сам факт мышления не состоится.

Знаниевый фундамент уже на своих первых стадиях становления, в нашем случае изучения иноязычного материала, должен закладываться с учетом принципа системности. Так, лексический уровень должен конституироваться в условиях программного изучения ИЯ на логико-системной основе с привлечением словообразовательных моделей и посредством работы со словарными гнездами, в контексте употребления лексических единиц и с учетом их дистрибутивных и семантических характеристик. В ходе такой систематизирующей работы обучающиеся неизбежно будут постигать языковую картину мира носителей изучаемого языка. Здесь важно помнить, что языковая (лингвистическая) картина мира, будучи средством организации хаоса «фактов» реального мира [5, с. 607], уже сама есть системное образование, а ее резервные и актуальные ресурсы есть результат лингво-мыслительной обработки данных информационной среды объективного мира.

Логико-системный подход важен и при освоении разговорного тематического фонда. В линейке лексико-разговорных тем предпочтение на начальных этапах изучения ИЯ будет отдаваться простым («Презентационные сведения о себе», «Обучение в институте»), затем содержательно усложненным темам («Российская Федерация», «Мой Хабаровский край») и только после этого следует обращаться к профессионально отмеченным темам («Российская полиция», «Моя профессия», «Интерпол» и др.). На последовательной основе развертывается также работа с текстовым материалом, который по своей совокупной тематике охватывает все основные элементы системы полицейской работы (функции сотрудников полиции, оперативная работа и т. д.), а также ее содержательно-тематические аспекты (работа на месте преступления, характеристика преступного деяния, техника допроса, современные методики оперативно-разыскной деятельности и пр.). Другой компонентой лексико-тематического формата является работа с материалом о работе полицейских органов других, в том числе англоязычных стран, что уже предполагает сравнительный анализ,

мыслительные операции по установлению общих и отличительных признаков в данном виде деятельности. Иными словами, такая работа имплицирует в себе неизбежное обращение к системно-учебному дискурсу, под которым мы понимаем процесс вербально-коммуникативного взаимодействия, протекающего в учебном пространстве при обязательной включенности ментально-когнитивных механизмов, обеспечивающих системное освоение знаниево-компетентностной образовательной базы в сфере изучения ИЯ [6, с. 106].

Подчеркнем, что крайне благодатной почвой для формирования способности к системному мышлению служит, как уже говорилось, работа над грамматическим аспектом, когда обучающиеся не просто знакомятся с грамматической темой, а осваивают определенные параметры, включая формулы образования, формальные признаки и прочие характеристики морфологического или синтаксического порядка, опосредующие системные связи в языке. Как уже отмечалось, существенную роль играет фонетический аспект изучения ИЯ, сопряжённый с экспресс-анализом звукобуквенного состава словарной единицы, ее принадлежностью к определенному типу слов и пр. С учетом того, что длительность подобного анализа слов составляет миллионные доли секунды (наличие таких периодов подтверждается данными современной науки), эту мыслительную блиц-операцию в полной мере можно квалифицировать как когнитивный фактор, содействующий своими средствами формированию системности в мышлении. При этом желание активно мыслить, сознательно соотносить известное с данным, проводить параллели на практике будет означать закрепление алгоритмов действия и на основе этих механизмов формирование системного подхода в мышлении, опирающегося на решение вербально-логических задач, особенно если они служат развитию навыков построения связных высказываний в рамках формирования коммуникативной компетенции независимо от вида речевого продукта (монологическая/диалогическая речь), так как в любом случае от обучающихся требуется умение адекватно мыслить, выбирать оправданные и обусловленные ситуацией или темой языковые и речевые средства, способные актуализировать намерение говорящего (опровергнуть, убедить и т. д.) и в итоге содействовать формированию системного характера мышления.

Так или иначе, все предлагаемые обучающимся задания, независимо от их целевого назначения, будь то перевод предложений, содержащих определенную конструкцию или структуру, раскрытие содержания разговорной темы, краткое изложение содержания или составление аннотации к тексту, в любом случае обязательно будут способствовать реализации прогнозирующих и программирующих функций, свойственных системному подходу в мышлении и позволяющих обучающимся предвидеть, определять, квалифицировать и имплементировать выведенное из этих умозаключений в своих последующих действиях в соответствии со стоящей перед ними задачей. Это относится в максимальной мере как к макроуровню (операции дискурсивного характера), так и к микроуровню (например, использование знаний по определению типа словообразовательной модели и присущих ему значений). В обоих случаях в результате аналитико-мыслительных действий обучающиеся должны будут суметь установить системные отношения между формой и сопутствующим ей значением (слова, сочетания, структуры).

Между тем, говоря о формировании системного образа мышления в контексте изучения ИЯ, не следует абсолютизировать и признавать в качестве единственной «рабочую» словесно-логическую форму мышления. Добавим, что на опре-

деленных этапах и в мотивированном контексте при обучении ИЯ оправдана также практика использования наглядно-образной и практически-действенной форм мышления, заслуживающих отдельного рассмотрения применительно к обучению ИЯ. Однако следует помнить, что эти формы выступают (как и в реальной действительности, вне учебного дискурса) в качестве предшествующих вербально-логической на пути формирования системных знаний.

В заключение укажем, что способность мышления к системности восходит к пониманию мышления как специфического способа восприятия действительности «уметь представлять себе что и как» [7, с. 595] и пониманию природы мышления как процесса, в ходе которого реализуется способность человеческого мозга оперировать «интеллектуальными объектами», которые сами по себе уже является сутью результата системно-вербального освоения реального мира. Добавим, что четкая артикуляция необходимости формирования системного мышления, в том числе через процесс изучения ИЯ, не является абстрактно-пустым и выхолощенным практического смысла амбициозным проектом, но есть насущное требование времени.

Отход от мозаичной формы сознания и клипового мышления, характерного для некоторой части молодого поколения, осознание важности системного подхода, прежде всего в мышлении, формируемого в контексте использования ИЯ как средство «получения, расширения и углубления системных знаний по специальности» [8, с. 115], также и как универсальное средство познания не только языковой, но и концептуальной картины мира в контексте сопоставления языков и культур, их соизучения на системной основе, свидетельствует о правоте первостепенного позиционирования системности в мышлении человека в современном мире – практики, когда недостаточно лишь «превращения события в факт мысли», связанной с умением упорядочивать, видеть и разделять причину и следствие, уметь выявлять реальные взаимосвязи между явлениями и принимать адекватные решения в личной и профессиональной жизни и на этой основе состояться как личность и профессионал.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Е. А. Истоки и векторы логико-когнитивного направления в изучении языка: монография. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2013. 128 с.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.

3. Цукерман Г. А., Митина О. В. Диагностика критического мышления // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 12–30.

4. Акенина А. В. Роль межкультурного компонента в развитии языковой личности при обучении английскому языку в адъюнктуре // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 26–29.

5. Краткий педагогический словарь: учебно-справочное пособие / сост. Г. А. Андреева, Г. С. Вяликова, И. А. Тютькова. М.: В. Секачев, 2007. 181 с.

6. Котова Г. В. Иноязычный текст в учебном дискурсе // Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. С. 106–109.

7. Курпатов А. Мышление. Системное исследование. М.: Капитал, 2018. 672 с.

8. Кравчук Л. С. О методах и средствах модернизации лингвистической системы МВД России // Теоритические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. С. 114–119.

© Котова Г. В.

УДК 378.016:81’243

Л. Ф. НАФИКОВА, *преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)*

L. F. NAFIKOVA, *Instructor of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)*

Л. И. ОВЧИННИКОВА, *преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)*

L. I. OVCHINNIKOVA, *Instructor of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)*

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ВИДЫ РАБОТ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И КУРСАНТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

INDIVIDUAL AND GROUP TYPES OF WORK AS A RESULT OF COOPERATION BETWEEN A TEACHER AND A CADET AT A FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Аннотация. *Статья посвящена теме самостоятельной и коллективной видам работ на занятиях по иностранному языку. Самостоятельная работа является обязательной частью учебного процесса, результатом которого является освоение знаний, навыков, умений. Самостоятельная работа рассматривается как средство развития у курсантов активности и самостоятельности в познавательной деятельности с целью приобретения глубоких и прочных знаний. Коллективная работа задает направление развитию способностей курсантов к самостоятельности, креативности, рефлективности, самообразованию, формированию личностных, метапредметных и предметных результатов. Авторами описана коллективная работа как важный ресурс формирования компетенций, позволяющая эффективно достигнуть высокий уровень овладения материалом, создать оптимальный уровень развития устной речи курсантов.*

Ключевые слова и словосочетания: *иностранный язык, самостоятельная работа, коллективная работа, методика обучения, учебная деятельность, метод «case study», метод «coop coop», метод «command support of individual training», метод «focus group».*

Annotation. *The article is devoted to the topic of individual and group types of work at a foreign language lesson. Individual work is an obligatory part of the educational process, the result of which is the development of knowledge, skills, and abilities. Individual work is considered as a means of developing cadets' activity and independence in cognitive activity in order to acquire deep and solid knowledge. Group work sets the direction for the development of cadets' abilities for independence, creativity, reflectivity, self-education, the formation of personal, double subject and subject results. The authors have described group work as an important resource for the formation of competencies, which effectively allows achieving a high level of mastery of the material, to create an optimal level of development of cadets' oral speech.*

Keywords and phrases: *foreign language, individual work, group work, teaching methodology, teaching activities, method «case study», method «coop coop», method «command support of individual training», method «focus group».*

Иностранный язык занимает особое место в системе современного образования в силу своих социальных, обучающих и развивающих функций. Процесс изучения иностранного языка способствует формированию самостоятельности, так как существует возможность использования творческих заданий и упражнений в рамках данного предмета, поэтому «главный акцент учебной дисциплины «Иностранный язык» должен быть направлен на подготовку многослойного и многокомпонентного набора языковых способностей и умений для осуществления коммуникативной деятельности» [1, с. 259].

Преподавание иностранного языка должно включать в себя достижение практических, образовательных и развивающих целей. Воспитательная цель достигается на определенном этапе овладения иностранным языком в условиях активной познавательной деятельности курсантов. На наш взгляд, изучение методики формирования умений самостоятельной и коллективной деятельности в процессе обучения иностранному языку также способствует формированию и развитию интеллектуальных способностей курсантов, что повышает эффективность образовательного процесса.

Целью данной статьи является изучение особенностей организации самостоятельной и коллективной видов работ обучающихся по дисциплине «Иностранный язык». Прежде всего проанализируем особенности самостоятельной работы. Итак, самостоятельная работа рассматривается как нестандартная форма учебной деятельности. Понятие самостоятельной работы в современной дидактике соответствует организующей роли преподавателя. Самостоятельная работа предполагает выполнение заданий в аудитории и вне аудитории без непосредственного участия преподавателя. Изучение иностранного языка вне аудитории предполагает самостоятельную деятельность курсантов. Это разнообразные мероприятия с воспитанием характера ученика. По мнению М. В. Булановой-Топорковой, «самостоятельную работу следует рассматривать как свободный выбор, внутренне мотивированную деятельность. Изучение иностранного языка связано с формированием у курсантов произношения, лексики, грамматики, орфографии и других навыков. Это умение понимать устную речь, совершенствовать говорение, чтение и письмо» [2, с. 54].

Мы считаем, что устная речь и речевая практика формируются в присутствии собеседников, роль которых выполняют преподаватель и другие обучающиеся. Тем не менее говорение должно иметь определенные фазы, для которых самостоятельная работа является наиболее подходящей формой. Что касается чтения, то этот вид деятельности курсанты выполняют преимущественно сами, следовательно, самостоятельная работа здесь вполне уместна. Аудирование можно проводить не только в ауди-

тории в присутствии преподавателя, но и существуют аудиоматериалы для самостоятельной работы курсантов. Обучение письму предполагает определенные этапы (начальный, средний). Если говорить о самостоятельной работе и работе курсантов в аудитории, то первое имеет большее значение. Мы согласны с точкой зрения Е. И. Пассова, который утверждает, что «на занятиях иностранного языка обучающиеся анализируют выбранную проблему, излагают мысли в письменной форме в соответствии с поставленной задачей, учатся отстаивать свою точку зрения и принимать собственное решение. Такая форма занятия развивает умственные функции обучающихся, логическое и аналитическое мышление и, что немаловажно, умение мыслить на иностранном языке» [3, с. 134].

Рассмотрим специфику самостоятельной работы на примере изучения темы «Гражданское право». На занятиях иностранного языка необходимо владеть знаниями терминологии по данной теме, уметь изъясняться в устной и письменной формах, понимать на слух иностранную речь и говорить на иностранном языке с использованием знаний в сфере гражданского права.

Подготовка к занятиям по иностранному языку с использованием информационных ресурсов может подразумевать индивидуальную деятельность курсанта. Это может быть самостоятельная тренировка с использованием современных компьютерных технологий (например, сайты, мобильные приложения и др.). Однако практика показывает, что освоение сложных специализированных тем на иностранном языке в ходе коллективной работы курсантов с преподавателем может быть эффективной.

С нашей точки зрения, развитие слуховых навыков в процессе прослушивания записи иностранной речи и выполнения заданий после, несомненно, может происходить индивидуально. Курсанты могут пользоваться официальными британскими сайтами для освоения и формирования навыков иностранного языка, выбирать профильные сайты на иностранном языке, смотреть документальные фильмы с юридической терминологией и тренироваться: прослушивать запись несколько раз, включать субтитры и разбирать незнакомые слова и предложения, учить новые слова.

Безусловно, роль преподавателя в освоении нового материала велика. Именно преподаватель способен проанализировать и сформулировать конкретный план изучения предмета, раскрыть структуру занятия иностранного языка, выработать в ходе коллективной работы с курсантами будущие стратегии для успешного применения полученных знаний.

Как правило, самостоятельная подготовка курсантов по «Грамматике», «Письму» и «Говорению» не является эффективным способом повышения уровня знаний в сфере иностранного языка, так как грамматика русского и английского языков сильно разнится. Уже наличие двенадцати времен в английском языке, а не трех, как в русском, дает понимание об их существенной разнице и мировосприятии языка как такового. Именно благодаря преподавателю курсанты легко осваивают и понимают правила построения предложений в иностранном языке.

Письмо и говорение – те этапы работы, которые уже заведомо определяют необходимость коллективного сотрудничества курсантов между собой и преподавателем. Навыки письменной речи, речевые ошибки, правильное построение предложений в иностранном языке, а также верное использование того или иного времени – то, с чем преподаватель сможет помочь и проконтролировать успешность освоения и закрепления знаний в данном разделе.

Навыки говорения, несомненно, будут развиваться эффективнее с практикой в коллективе, именно с разными участниками разговора (курсантами, преподавателем), с разным уровнем под-

готовки и владения иностранного языка, что, естественно, окажет положительное воздействие на подготовку курсантов.

Наиболее мощным мотивирующим фактором являются методы обучения, которые удовлетворяют потребность курсантов в новизне изученного материала и разнообразии выполняемых упражнений. Использование различных методов обучения способствует консолидации языковых явлений в памяти, поддержанию интереса и активности курсантов. Как считает В. А. Стародубцев, «процесс обучения иностранному языку рассматривается как общественное явление, обучающиеся представляют собой определенную социальную среду, образовательный процесс представляет собой взаимодействие всех присутствующих. Таким образом, успех в обучении является результатом коллективного использования всех возможностей обучения» [4, с. 176].

Любой раздел на занятии можно представить как командное соревнование, разбить всех курсантов на группы, тем самым не только получить знания, но и сплотить коллективный дух всей группы. На наш взгляд, развитие навыков говорения у курсантов через игровую форму является наиболее быстрым и популярным методом овладения иностранной речью в современной методике. Каждому дается роль, и он должен быть активным в устном общении. Во время игры курсанты осваивают элементы диалога, такие как умение начать разговор, поддержать его, прервать собеседника, время от времени соглашаться с его мнением или опровергать его, умение слушать собеседника, задавать уточняющие вопросы и т. д. Кроме того, «игры помогают освоить различные аспекты языка (фонетика, лексика и т. д.)» [4, с. 190].

Следует признать, что работа преподавателя – это всегда очень сложный процесс, поскольку вся его деятельность предполагает творческий подход к работе. Однако невозможно научиться быть творческой личностью, можно и нужно постоянно учиться работать творчески. Для этого необходимо стремиться формировать у курсантов характер, волю, настойчивость в овладении знаниями. Так, по мнению В. А. Стародубцева, «чтобы научить обучающегося творчески подходить к занятиям, преподаватель должен стремиться не представлять все в открытом виде, а всегда давать «пищу» для размышления в домашнем задании» [4, с. 199]. Так, на занятии преподаватель рассказывает и объясняет основные принципы построения каждого из этапов работы, выявляет вместе с курсантами возможные стратегии для более эффективного выполнения заданий и предоставляет возможность курсантам проявить себя, показать усвоенный ими материал уже в ходе индивидуальной работы.

На наш взгляд, любая творческая деятельность курсанта во время учебного процесса дает возможность для проявления собственной индивидуальности. Активное участие курсантов в данной деятельности открывает большие перспективы в развитии и формировании личности. Кроме того, изучая иностранный язык, курсанты знакомятся с культурой и мировоззрением других народов.

Далее рассмотрим некоторые коллективные формы обучения, которые можно успешно применять на занятиях по дисциплине «Иностранный язык». А. М. Долгоруков считает, что «метод «case study» представляет собой деловую игру в миниатюре, которая предполагает анализ смоделированных задач» [5, с. 8]. Данная методика коррелирует с решением разнообразных задач, нацеленных на формирование навыков разговорной речи и применения специализированной терминологии на занятиях по иностранному языку. Задания такого формата подразумевают заданную ситуацию, которую нужно прокомментировать, дать свое мнение или предложить решение по имеющейся проблеме. Также данная

методика вполне применима для составления различных юридических документов (договоров, писем, ходатайств) относительно предлагаемых ситуаций на занятиях иностранного языка. Приведем пример: при работе с текстом «Terrorism. Transnational crimes» предлагаются следующие послетекстовые задания:

1. Conduct a social survey:

– Give the definition to «terrorism; international crime»?

– Interpret the semi «terrorism».

– Is the problem of terrorism actual for the Russian Federation?

2. List the goals and methods of terrorism.

3. Identify trends in the development of modern terrorism. What types of terrorism there are?

Следующим эффективным методом является метод «coop coop». Опираясь на точку зрения Е. Ф. Черемушкиной, «метод «coop coop» предполагает как коллективную, так и индивидуальную работу: основная идея данной модели – это создание условий для групповой деятельности обучающихся» [6, с. 3]. Главным преимуществом групповой работы является активное участие курсантов и появление возможности коммуникации. Эффективность данного метода зависит от реализации нескольких аспектов: обучение курсантов работать в группах, постоянное включение этой деятельности в образовательный процесс, распределение ролей (пресс-секретарь, исследователь, ученый), контроль совместного выполнения поставленных заданий. Обсуждение внутри группы ряда вопросов по конкретной тематике (например, «Court system in the UK»), обмен высказываниями, умение задавать вопросы и аргументировать согласие/несогласие, способность слушать и понимать, являются ли примерами успешного применения групповой работы. Рассмотрим следующий пример:

Are you a good detective? In small groups solve the following brain teasers.

1. The police stop a car. There are three people in the car: Ann, John and Mary. On the back seat there is a pistol. John says: «It's mine». Ann says: «It's hers». Mary says: «It's his». Nobody is telling the truth. Whose is the pistol?

2. Three brothers, Ben, Ken, and Sven had criminal records and were suspected of being responsible for three recent armed robberies. Questioning of the brothers by police, and statements by witnesses, revealed that: (a) Two of the brothers carried out the bank robbery. (b) Two of them broke into the factory. (c) Two of them raided the armored truck. (d) The one who wasn't in on the armored truck job wasn't involved in the factory break-in. (e) Sven wasn't at the factory break-in or the bank robbery. Who committed that?

3. Mary's mother, Mrs. Simpson, had four children. The first was Ann, the second was Alice and the third was Emily. What was the name of her fourth child?

Е. Ф. Черемушкина предлагает метод «Command support of individual training». Это вариант организации образовательной деятельности в малых группах, когда курсанты собираются в группы по четыре-шесть человек и работают над учебным материалом. В таких группах могут быть обучающиеся, которым нужно больше времени и усилий для подготовки. Контроль в таких группах можно поручить более подготовленным курсантам, а также предлагать задания для самоконтроля и взаимного контроля в переменных, динамических парах. В этом случае учебно-методический комплекс для этих курсантов должен содержать блок упрощенных заданий в рамках учебной программы курса. По мнению Е. Ф. Черемушкиной, «этот вид обучения в сотрудничестве эффективен при работе со специальными текстами, чтении и обсуждении профессионально ориентированного материала» [6, с. 2]. Данный метод охватывает все четыре вида речевой деятельности, позволяя обучающимся обрабатывать информацию в «комфорт-

ной» среде. Например, курсанту выдается карточка с указанием названий либо определений видов преступлений и наказаний, задача остальных – при помощи вопросов угадать предполагаемые названия.

What is going on? Is there an eye-witness? I must make a report. Please sign in.

Who was near you at that time? Where has the criminal gone? Can you testify?

Look at the list of the crimes below. Decide which of them more serious.

A man or woman murders his/her partner.

A man drives his car when he is drunk.

A woman steels food from a shop.

A man drives a car without a driving license or any other driving documents

A woman begs money in the street.

A man or woman seriously assaults his/her partner.

A man hits his wife when he is angry

A man has a knife and threatens to injure people in a street

A woman drops litter in a street.

A man plays a stereo very loud and the music annoys everyone in the rooms nereby.

Или угадать названия преступлений.

An elderly lady in Bexhill-on-Sea turned the tables on two young skinheads who pushed her to the ground and attempted to steal her weekly pension. The woman, a former kung-fu in instructor, jumped to her feet, hit…

Glasgow police are interviewing a man in hospital following a failed raid at a bureau de change. Witnesses say that the man, who was wearing a mask, shot himself in the foot as he demanded money from the cashier.

A man was arrested at Heathrow yesterday when a suitcase full of bottles of whisky fell off his luggage trolley as he was going through customs. A number of the bottles did…

Three teenagers have been ordered to do 120 hours of community service after they were caught spraying graffiti on a train at Wembley station. The three had not noticed a security camera…

Armed police officers rescued a businessman from a disused factory in Perivale yesterday. The man, who had been held in the factory for four hours by a gang demanding one million pounds for his release, telephoned the police on his mobile phone when his captors went out to buy sandwiches.

Passengers and crew on a translantic flight on Monday could not control their laughter when a woman stood up, produced a gun from her bag and demanded to be taken to New York. The gun was obviously a plastic toy and the plane was already going to New York.

Следующим продуктивным методом является метод «focus group», который предполагает концентрацию на проблемной ситуации [6, с. 2]. Как показывает практика, в данном случае желательно формировать группу курсантов одного уровня знаний, но также можно работать с курсантами разной подготовленности. Такой метод отлично подходит при отработке навыков говорения, а также различных навыков эффективного ведения монолога, диалога и комментирования ситуации по картинке или реальным жизненным ситуациям.

Проблемные ситуации для групп могут быть следующих типов:

1. «Выбор». Существует несколько готовых решений, и курсантам необходимо выбрать наиболее оптимальное решение. Подходит для выполнения грамматических и лексических тестов, также заданий по чтению.

You have made a turn in the wrong place.

– you should drive away;

– you should stop;

– you should pay a fine.

2. «Неопределенность». Обучающиеся работают в условиях отсутствия данных. Подходит для развития навыков говорения при закреплении юридической терминологии, корректного построения английских предложений в ходе изложения собственных мыслей.

3. «Опровержение». Курсанты должны опровергнуть любую идею или позицию. Подходит также для проверки грамматических упражнений или работы с заданиями на выбор после прочтения специализированных юридических текстов.

Decide on a sentence for each crime. What do you think?

1. Fine of 100. 2. 30 years in prison. 3. 6 months in prison. 4. Death penalty. 5. 5 years in prison. 6. Prison for life. 7. A fine of 50. 8. Community service. 9. Must not drive a car for 1 year. 10. A formal caution.

Явным плюсом этого метода является командная работа: сплоченность, коллективная ответственность и результаты. Члены команды могут назначаться на разные должности: председатель группы, создатель идей, организатор и т. д. На наш взгляд, на занятии нельзя обойтись без парной работы курсантов. Парная работа эффективно сказывается на совместной работе в ходе выполнения заданий по иностранному языку, в частности, это касается развития речевых навыков (к примеру, задание, цель которого является создание диалоговой ситуации в рамках имеющихся вопросов или обозначенной проблемы по вопросам административного права).

Большая роль в развитии речевых навыков на иностранном языке принадлежит ролевым играм. По мнению А. В. Конышевой, «обучающиеся могут заниматься озвучиванием фильмов профессиональной направленности, созданием жанровых зарисовок по юридическим предметам, например, заседанием в суде как по заранее известному сценарию, так и только с кратким определением ролей его участников» [7, с. 60].

Помимо коллективной работы на занятии, курсантам необходимо индивидуально погрузиться в сферу иностранного языка: изучение культуры, истории, традиций и обычаев, просмотр фильмов, чтение книг, прослушивание аудиозаписей на иностранном языке с последующим обсуждением. Полезно обратить особое внимание на профессиональную лексику обучающихся, изучение текстов по их будущей профессии, поскольку «необходимо сконцентрироваться на модели обучения, которая сформирует не только теоретические основы, но и практические навыки» [8, с. 58].

Исходя из вышеизложенного, мы пришли к следующим выводам. Роль преподавателя заключается в организации динамической модели учебного процесса. Преподаватель является помощником курсанта, который должен выбирать оптимальную форму обучения. Преподаватель должен стимулировать интерес обучающихся к освоению специализированных курсов юридического перевода, делового английского языка. Как показывает практика преподавания иностранного языка, применение коллективного метода обучения на занятиях формирует и развивает коммуникативные и профессиональные навыки, возникает взаимодействие как между преподавателем и курсантом, так и между курсантами, появляется возможность взаимоконтроля и взаимной оценки. В целях создания комфортной языковой среды, мотивирования обучающихся к коммуникативной деятельности применяются такие методы обучения, как «case study», «ommand support of individual training», «focus group», «coop coop».

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурина Р. З., Петрова Е. А. Формирование грамматических навыков иноязычной речи // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы XXI Всероссийской научно-методической конференции. Барнаул: Барнаульский ЮИ МВД России, 2020. С. 259–263.

2. Педагогика и психология высшей школы: учебное пособие / отв. ред. М. В. Буланова-Топоркова. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 54 с.

3. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1999. 134 с.

4. Стародубцев В. А. Использование компьютерных технологий в современном образовании // Томск: ТПУ Пресс, 2008. С. 176–199.

5. Долгоруков А. М. Метод «case study» как современная технология профессионально ориентированного обучения: лекции. URL: http://www.vshu.ru (дата обращения: 21.03.2020).

6. Черёмушкина Е. Ф., Рузаева Д. В., Щегуренкова А. С. Организация групповой, парной и индивидуальной работы на занятиях иностранного языка // International scientific review. 2017. № 6. С. 2–3.

7. Конышева А. В. Организация самостоятельной работы учащихся по иностранному языку / под ред. А. В. Конышева. СПб.: КАРО, Минск: Четыре четверти, 2005. 60 с.

8. A Guide to the Project Management Body of Knowledge. Third Edition (PMBOK Guide) // Project management Institute. 2004. 58 p.

© Нафикова Л. Ф.
© Овчинникова Л. И.

УДК 811.161.1’276.6:343(470)

В. Н. ШАШКОВА, *доцент кафедры иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат филологических наук, доцент (г. Орёл)*

V. N. SHASHKOVA, *Assistant Professor of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. Candidate of Philology, Associate Professor (Orel)*

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ОЦЕНОК В ТЕКСТАХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

THE SPECIFICITIES OF FUNCTIONING OF NORMATIVE EVALUATION IN REGULATORY LEGAL ACTS

Аннотация. *Статья посвящена анализу и выявлению специфики актуализации нормативных оценок в текстах статей Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Функционирование нормативных оценок рассмотрено с точки зрения наиболее частотных средств, их выражающих, с позиции их синтагматических свойств, позволяющих эксплицировать элементы оценочной структуры, а также в контексте корреляций со значениями возможности, необходимости и достоверности. По результатам исследования по совокупности характеристик, выявленных с точки зрения семантики, синтактики и прагматики, сделан вывод об избирательности языковых средств, подлежащих выражению в рамках определённого типа дискурса.*

Ключевые слова и словосочетания: *оценка, модальность, оценочные значения, нормативная оценка, тип дискурса, нормативные правовые акты.*

Annotation. *The article is devoted to the analysis and identification of specificities of actualization of normative evaluation in the articles of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The functioning of normative evaluative items is analyzed through the prism of the most frequent language means of expression, with regard to their syntagmatic properties allowing to explicate the imbedded elements of the evaluation frame as well as in the context of correlation with modal meanings of necessity, ability and credibility. On the basis of the research results with reference to the set of features elicited in view of semantics, syntactics and pragmatics a conclusion is made about the selectivity of the language means liable to expression within a particular discourse type.*

Keywords and phrases: *evaluation, modality, evaluative meanings, normative evaluation, discourse type, regulatory legal acts.*

Оценочная семантика дифференцированно проявляется в текстах разных дискурсивных типов. «При этом отличаются своими доминирующими модальными значениями и их актуализацией в ткани текстов даже образцы одного дискурсивного профиля, обладающие разными дифференциальными признаками» [1, с. 149]. В этой связи актуальность настоящего исследования определяется потребностью выявления тех черт модальной организации текстов нормативных правовых актов, которые послужат типологическими маркерами жанров и типов текстов в рамках юридического дискурса. Мы не приравниваем модальность и оценочность, а опираемся на позицию А. В. Бондарко, который считает, что функционально-семантические поля модальности и оценочности имеют пересечения [2, с. 61]. Нормативные оценки, предопределяющие необходимость совершения определённых действий или следования некоторой модели поведения, априори относятся к модальным.

В исследовании мы опирались на фундаментальный тезис о том, что все модальные, включая оценочные, значения заложены в текстотипе, согласно которому в реальной ситуации общения для решения конкретных практических и коммуникативных задач под воздействием прагматических и внутриязыковых факторов производится текст. Проведённые исследования [1; 3] показали, что частотными оценочными значениями, получающими регулярную реализацию в ткани текстов нормативных правовых актов, являются нормативные оценки. Это определило сужение объекта исследования. Далее мы исходили из того, что исследование определённого типа оценочных значений требует решения целого ряда комплексных задач: уточнения номенклатуры оценочных значений в рамках оценочной шкалы, определения тенденции актуализации оценочных значений в текстовых модулях определённой коммуникативно-целевой специфики, выявления типовых корреляций определённых типов оценочных значений с другими типами модальных значений, а также систематизации языковых и речевых средств выражения анализируемых значений в ткани текстов того или иного дискурсивного профиля.

Для выявления специфики актуализации нормативных значений в текстах нормативных правовых актов мы обратились к УК РФ и УПК РФ.

Опорой для рассмотрения оценочной семантики в её преломлении в текстах нормативных правовых актов стала классификация Н. Д. Арутюновой, которая все оценочные значения делит на две группы: общеоценочные и частнооценочные, далее дифференцируя в группе последних сенсорно-вкусовые, психологические с разделением на интеллектуальные и эмоциональные, этические, эстетические, нормативные, утилитарные, телеологические [4, с. 188–200]. Таким образом, рассматриваемые нормативные оценки входят в группу частнооценочных значений, что предопределяет внимание к реализации в ткани текста

такого компонента оценочной структуры, как объект оценки. Это существенно для нашего исследования, так как далее объект оценки и возможность или невозможность выделить типовые группы объектов нормативной оценки в нормативных правовых актах в рамках юридического дискурса можно будет рассматривать как дискурсивный маркер исследуемого типа текстов.

Исследование проводилось индуктивным методом, поэтому мы двигались по принципу укрупнения языковых единиц с учётом их речевых коррелятов. В этой связи первым этапом исследования стало выявление лексических средств, служащих средствами выражения анализируемых типов оценочных значений в текстах нормативных правовых актов. Анализ на уровне собственно лексемы сочетался с анализом на уровне словосочетания, так как синтагматические свойства оценочных лексем указывают на характер их референции с учётом денотативного пространства, соотносимого с каждой лексемой.

Основной лексемой, реализующей значение нормативной оценки, является прилагательное «законный», включая дериват «незаконный», являющийся контрадикторным антонимом. При этом сочетаемостные особенности этой лексемы в УК РФ и в УПК РФ разнятся. Обратимся к примерам.

В УК РФ анализируемая лексема в положительном и отрицательном варианте встречается в составе следующих речевых цепочек: «незаконный оборот драгоценных металлов (ст. 191), наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ст. 79), технических средств (ст. 138.1), сильнодействующих или ядовитых веществ» (ст. 234); «незаконный сбыт оружия» (ст. 222); «незаконное вооружённое формирование» (ст. 20); «незаконное изготовление взрывчатых веществ или взрывных устройств» (ст. 20); «незаконный приказ» (ст. 42); «незаконное распоряжение» (ст. 42); «незаконное лишение свободы» (ст. 127); «незаконное удержание потерпевшего за границей» (ст. 127.1); «незаконная госпитализация лица в медицинскую организацию» (ст. 128); «незаконное собирание или распространение сведений» (ст. 137); «незаконное проникновение в жилище» (ст. 138.1); «незаконное уничтожение бюллетеней» (ст. 142.1); «законная профессиональная деятельность» (ст. 144).

В УПК РФ анализируемое прилагательное со значением нормативной оценки реализуется следующими сочетаемостными вариантами: «законные представители» (ст. 5); «незаконное или необоснованное уголовное преследование» (ст. 5); «законные интересы лиц и организаций» (ст. 6); «незаконные или необоснованные постановления» (ст. 37); «законные владельцы» (ст. 81); «незаконные организации» (ст. 82); «законные основания» (ст. 105.1); «законное и обоснованное задержание» (ст. 106); «незаконные или необоснованные решения» (ст. 135); «незаконные действия» (ст.ст. 136, 139); «незаконные меры» (ст. 164); «законный приговор» (ст. 297).

Обращают на себя внимание следующие особенности синтагматической избирательности анализируемой лексемы. Примеры явно свидетельствуют о тенденции актуализации лексемы «законный»/«незаконный» совместно с именами событийной семантики: формирование, госпитализация, собирание, распространение, проникновение, уничтожение, преследование, сбыт, оборот. Все отглагольные лексемы событийной семантики, служащие средством номинации для объекта нормативной оценки, иллюстрируют метонимический перенос с процесса на результат: постановление, распоряжение и др. Среди лексем, обеспечивающих реализацию валентностных связей оценочного прилагательного «законный»/«незаконный», отражающих объект оценки, также отмечаем имена субъектов: представители, владельцы.

Ещё одной типовой чертой актуализации рассматриваемого прилагательного нормативной оценки является частотность его актуализации в сочинительной связи с прилагательным «обоснованный»/«необоснованный». В первом лексико-семантическом варианте данное прилагательное относится к интеллектуальным оценкам, но в текстах нормативных правовых актов оно обозначает действие, не имеющее под собой законных оснований, что позволяет квалифицировать его именно как средство выражения нормативной оценки. Частотность данного прилагательного в УК РФ ниже, чем в УПК РФ. В первом упомянутом источнике рассматриваемое прилагательное актуализируется в следующих сочетаемостных вариантах: «обоснованный риск» (ст. 41); «необоснованный отказ (в приёме на работу)» (ст. 145); «необоснованное увольнение» (ст. 145). В УПК РФ нормативная оценка реализуется не только собственно прилагательным, но и однокорневым существительным: «обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа» (ст. 37); «законность и обоснованность обвинения» (ст. 37); «обоснованность ходатайства» (ст. 108); «законность и обоснованность действий (бездействия)» (ст. 125). Сочетаемостные характеристики также позволяют говорить о тенденции совместной актуализации с лексемами со значением действия, основным механизмом номинации в которых, как правило, является метонимический перенос значения.

Сочетаемостные вариации оценочного прилагательного «уголовный» включают в себя «уголовный кодекс», «уголовный закон» (раздел 1 УК РФ); «уголовное законодательство» (ст.ст. 1, 7 УК РФ); «уголовная ответственность» (ст.ст. 1, 2, 4–6 и др. УК РФ; ст. 214 УПК РФ); «уголовное дело» (ст.ст. 137, 184, 200.5 и др. УК РФ; ст.ст. 191, 194, 195, 208 и др. УПК РФ); «уголовный процесс» (ст. 311 УК РФ); «уголовно-исполнительная система» (ст. 314 УК РФ); «уголовно-правовой характер» (ст. 2 УК РФ); «уголовно-правовые последствия» (ст. 3 УК РФ); «уголовное судопроизводство» (ст.ст. 196, 208, 215 УПК РФ); «уголовное преследование» (ст.ст. 212, 214 УПК РФ). При этом первые три примера иллюстрируют двукратную актуализацию нормативной оценки в обеих лексических единицах, входящих в комплексный номинатив: слова «кодекс», «закон» и «законодательство» и в изолированном употреблении несут в себе значение нормативной оценки, эксплицируя такой оценочный компонент, как стандарт оценки. Прилагательное «уголовный» в этом случае актуализирует значение из того спектра оценочной шкалы, который связан с выходом за пределы «нормы», то есть в нашем случае – с нарушением закона. Ещё один случай корреляции модально-оценочных значений иллюстрирует комплексный номинатив «уголовная ответственность», в котором уже на уровне языка без речевой реализации заложены значения нормативной оценки и модальности необходимости.

Средствами реализации нормативной оценки являются следующие комплексные номинативные единицы: «нормативный правовой акт» (ст.ст. 53, 143 УК РФ; ст. 7 УПК РФ); «нормативно-правовое регулирование» (ст. 105.1 УПК РФ); «нормативные требования (охраны труда)» (ст. 143 УК РФ); «нормативная документация» (ст. 372.2 УК РФ); «нормы международного права» (ст. 11 УК РФ; ст. 473.5 УПК РФ). Отметим двукратную актуализацию нормативной оценки в рамках сочетания «нормативный правовой акт», где оба прилагательных служат средством выражения этого оценочного значения, а также контаминацию их в одну составную лексему в словосочетании «нормативно-правовое регулирование».

Разнопланов объект нормативной оценки в случае актуализации прилагательного «преступный»: «преступная деятельность» (ст. 110 УК РФ; ст. 97

УПК РФ); «преступные действия» (ст. 210 УК РФ; ст.ст. 81, 115, 208 УПК РФ); «преступное деяние» (ст. 307 УПК РФ); «преступное посягательство» (ст. 2 УК РФ); «преступная группа» (ст. 150 УК РФ); «преступная организация» (ст. 205.1 УК РФ; ст.ст. 73, 115, 208 УПК РФ); «преступное сообщество» (ст. 205.1 УК РФ; ст.ст. 31, 115, 208 УПК РФ); «преступный путь» (ст. 174 УК РФ); «преступное влияние» (ст. 210 УК РФ); «преступные доходы» (ст. 210 УК РФ); «преступная иерархия» (ст. 210 УК РФ); «преступное намерение» (ст. 339 УПК РФ). Как показывают примеры, объект варьируется от наименования деятельностных проявлений, включая гипероним «деятельность» и гипонимы «действия» и «деяния», а также конкретные наименования действий, например, «посягательства»; до наименования групп людей, занимающихся преступной деятельностью: «группа», «сообщество», «организация». Рассматривая коллокации прилагательного «преступный» по функционально-ролевому принципу, можно выделить серию обстоятельственных компонентов: цель – «намерение»; образ действия (структура) – «путь», «иерархия»; следствие – «влияние». Таким образом, можно заключить, что в рамках пропозиционального аспекта содержания высказывания, в котором актуализируется прилагательное «преступный», потенциально заложены не только актант и предикат, но и факультативные элементы, раскрывающие аспекты, разные по своему семантическому наполнению. Для нашего исследования важно то, что объект оценки в этом случае максимально широк по своему семантическому диапазону.

Ещё один выявленный кластер оценочных лексем со значением нормативной оценки представлен абстрактными существительными: «преступность» (ст.ст. 3, 9, 10 УК РФ; ст.ст. 24, 73, 317.7 УПК РФ); «наказуемость» (ст. 3 УК РФ; ст.ст. 24, 73 УПК РФ); «законность» (ст.ст. 7, 37, 125, 463 УПК РФ); «обоснованность» (ст.ст. 37, 125, 463 УПК РФ); «противоправность» (ст. 61 УК РФ), «аморальность» (ст. 61 УК РФ); «подследственность» (ст. 151 УПК РФ); «подсудность» (ст. 31 УПК РФ); «недопустимость» (ст. 161 УПК РФ); «правильность (допроса)» (ст. 190 УПК РФ); «судимость» (ст.ст. 10, 18 УК РФ); «невменяемость» (ст. 21 УК РФ). За исключением лексем «судимость», «невменяемость», «подследственность» и «подсудность» все остальные лексемы в импликации предполагают противоправное деяние или поведение. «Судимость» и «невменяемость» применимы к лицу, в то время как лексемы «подследственность» и «подсудность» референтно соотнесены с уголовным делом.

Среди глагольных лексем с семантикой нормативной оценки, не требующих комплементарного восполнения для актуализации оценочной семантики (как, например, в сочетании «совершить преступление»), в анализируемых нормативных правовых актах была выявлена лексема «нарушать»: «нарушать установленный порядок судебного заседания» (ст. 257 УПК РФ); «нарушать право подсудимого на защиту» (ст.ст. 321, 339, 352 УПК РФ); «нарушать тайну совещания и голосования» (ст. 333 УПК РФ); «нарушать общественный порядок» (ст. 74 УК РФ). Основным объектом оценки в УПК РФ выступают процессуальные действия и процедуры, в то время как в УК РФ был выявлен лишь один пример, связанный с противоправным поведением в общественных местах.

Специфика коммуникативно-целевой семантики нормативных правовых актов предопределяет устойчивую актуализацию нормативных оценок лишь в одном функционально-смысловом типе высказываний – в констатирующем сообщении. Этот признак будет интегральным для всех нормативных правовых актов, то есть для выявления специфики функционирования нормативных оценок он не является диагностирующим.

Типовые сочетания нормативных оценок с другими типами модальных значений являются дифференциальным признаком и типа дискурса, и типа текста среди других текстов одной дискурсивной разновидности. В этой связи мы обратимся к анализу модального плана предложений из УК РФ и УПК РФ для того, чтобы продемонстрировать регулярные семантические корреляции модально-оценочных значений.

Пример 1. Лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несёт уголовную ответственность на общих основаниях (ст. 42.2 УК РФ) [4].

Данный пример иллюстрирует типовой для нормативных правовых актов случай корреляции значений нормативной оценки, а также необходимости. Нормативные оценки реализованы лексемами «преступление», «незаконный» и «уголовный» в конкретных грамматических формах, предопределённых согласованием. Три лексемы со значением необходимости – это «приказ», «распоряжение» и «ответственность». Все они выражают внешнюю деонтическую необходимость. В этом же предложении мы фиксируем значение потенциальности совершения некоторым лицом умышленного преступления, а также реальную необходимость понести наказание за совершённое деяние. Специфика выражения необходимости заключается в том, что специальные лексические маркеры необходимости не употребляются, изъявительное наклонение повествовательного предложения при этом под воздействием прагматических факторов становится средством выражения внешней деонтической необходимости. К этим значениям добавляется значение имплицитной достоверности, а также интеллектуальная оценка, выраженная прилагательным «умышленный». Общая номенклатура модальных и оценочных значений представлена в исследованиях В. Н. Шашковой [1, с. 150; 6, с. 73–74].

Пример 2. В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора, а также незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя (ст. 37 УПК РФ) [7].

Пример 2 иллюстрирует ещё одну регулярную корреляцию модально-оценочных значений: значение реальной внешней деонтической возможности, выраженное кратким прилагательным «уполномочен», которое всегда актуализируется совместно с потенциальностью реализации ситуации, обозначенной в пропозиции (в нашем случае речь идёт об отмене незаконных или необоснованных постановлений), сочетается с нормативными оценками, выраженными лексемами «уголовный», «незаконный» и «необоснованный». Кроме того, для нормативных правовых актов характерно значение имплицитной достоверности, оно получает выражение и в данном примере.

Таким образом, проведённое исследование позволило сделать следующие выводы. Семантической особенностью нормативных оценок является отсутствие широты оценочного спектра. Поэтому подзначения представлены только двумя элементами со знаком «+» или «–»: законный – незаконный, обоснованный – необоснованный и т. д. Синтагматические связи лексем со значением нормативной оценки выявляют такие компоненты оценочной шкалы, как объект оценки и обстоятельства оценки. Максимально широко в качестве объекта оценки представлены действия и отдельные аспекты профессиональной/преступной деятельности (в зависимости от актантов), которые получают выражение при помощи отглагольных существительных событийной семантики. Основу номинации всех таких случаев составляет метонимический перенос. Кроме того, можно

выделить очевидную по плотности актуализации тенденцию употребления прилагательного «законный»/«незаконный» с именами событийной семантики.

Была выявлена тенденция актуализации определённых лексико-семантических вариантов, обусловленных типом текста. Речь, в частности, идёт о специфике актуализации именно значения нормативной оценки, а не интеллектуальной оценки в случае с прилагательным «обоснованный»/«необоснованный», а также однокорневым существительным «обоснованность», получающих выражение в текстах нормативных правовых актов.

Типовыми корреляциями нормативных оценок, имеющих повторяющийся характер, а потому позволяющих рассматривать их как дискурсивный маркер текстов нормативных правовых актов, являются сочетания нормативных оценок со значением внешней деонтической:

1) необходимости, потенциальности и имплицитной достоверности;

2) возможности, потенциальности и имплицитной достоверности.

По функционально-семантическому параметру реализации нормативных оценок вариативности выявлено не было. Средой их актуализации устойчиво является констатирующее сообщение.

Мы изначально исходили из обоснованной гипотезы о том, что актуализация модальных значений в текстах даже одной дискурсивной природы всегда функционально обусловлена, при этом арсенал используемых значений и средств, их выражающих, в определённом типе текста должен быть схожим, если не идентичным. Мы выявили те характерные проявления семантики, синтактики и функциональной прагматики исследуемого типа оценок, которые можно рассматривать в качестве опорной точки для крупномасштабного исследования с привлечением разных дискурсивных типов текстов.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Шашкова В. Н. Особенности модального плана учебных текстов юридической тематики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. № 1 (74). С. 149–151.

2. Бондарко А. В. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.

3. Шашкова В. Н. Специфика актуализации оценочных прилагательных в нормативных актах (на материале Федерального закона Российской Федерации «О полиции» № 3-ФЗ) // Культура речи в многонациональной среде: современные проблемы общества и образования: сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара; г. Уфа, 31 января 2019 г. / под общ. ред. Л. У. Бикмаевой. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2019. С. 120–124.

4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Шашкова В. Н. Коммуникативно-целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно-дидактического характера: дис. … канд. филол. наук. Орел, 2006. 224 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019) (с изм. и доп. вступ. в силу с 12.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

© Шашкова В. Н.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.016:[001.102:004.77](470)

А. А. ИСАЕВ, *начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент (г. Уфа)*

A. A. ISAEV, *Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Ufa)*

О. А. ШАМИГУЛОВА, *заведующий кафедрой права и обществознания Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, кандидат педагогических наук, доцент (г. Уфа)*

O. A. SHAMIGULOVA, *Head of the Chair of Law and Social Studies of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Candidate of Pedagogics, Associate Professor (Ufa)*

РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МЕДИАГРАМОТНОСТИ

THE ROLE OF HUMANITIES EDUCATION IN THE FORMATION OF MEDIA LITERACY

Аннотация. *В контексте данной статьи рассмотрены возможные пути решения проблемы формирования медиаграмотности обучающихся средствами гуманитарного образования. Обосновывается актуальность своевременного решения данной проблемы исходя из мирового опыта и приводимых статистических данных. Указывается на важность для современного человека критического восприятия информации, что формируется в процессе развития медиаграмотности у обучающихся. Предлагается педагогическая методика обучения работе с различными источниками информации. Утверждается, что эта методика способствует формированию у обучающихся самостоятельных аргументированных оценочных суждений об источнике информации. Делается вывод о том, что медиаграмотность – необходимое качество современного человека, живущего в информационном пространстве, и гуманитарное образование играет ключевую роль в ее формировании.*

Ключевые слова и словосочетания: *цифровая грамотность, медиаграмотность, навыки XXI века, гуманитарные дисциплины, критическое мышление, анализ источников.*

Annotation. *This article discusses possible ways to solve the problem of the formation of media literacy of students using humanitarian education. The relevance of a timely solution to this problem,*

based on world experience and the statistics provided, is substantiated. The emphasis is on the importance for a modern person of the critical perception of information that is formed in the process of developing media literacy among students. A pedagogical methodology is proposed for teaching people how to work with various sources of information. It is argued that this technique contributes to the formation in students of independent, reasoned, value judgments about the source of information. It is concluded that media literacy is a necessary quality of a modern person living in the information space, and humanitarian education plays a key role in its formation.

Keywords and phrases: *digital literacy, media literacy, 21st century skills, humanities, critical thinking, source analysis.*

В программе развития «Цифровая экономика Российской Федерации до 2035 года» перед сферой образования и науки ставятся новые цели. Отрасль должна обеспечить готовность граждан эффективно решать личностные и профессиональные задачи в условиях цифровой экономики. При этом, очевидно, что речь должна идти как о специальных знаниях и умениях, так и об универсальных навыках или Soft skills, необходимых каждому в практике повседневной жизни. Задача всеобщей цифровизации и развития цифровой грамотности была заявлена в ходе выступления Президента РФ В. В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме еще в 2017 году: «Намерены кратно увеличить выпуск специалистов в сфере цифровой экономики, по сути, нам предстоит решить более широкую задачу, задачу национального уровня – добиться всеобщей цифровой грамотности. Для этого следует серьёзно усовершенствовать систему образования на всех уровнях: от школы до высших учебных заведений» [1].

Актуальность решения проблемы подготовки населения всего мира к всеобщей цифровизации, граждан каждой отдельной страны, современных кадров в различных отраслях экономики обусловила появление научных исследований, посвященных феномену «цифрового образования», а также дискуссий о дефиниции «цифровая грамотность». Несмотря на существование различных смысловых контекстов данной дефиниции, важно заметить, что ее понимание, по мере вхождения цифровых технологий в нашу жизнь, их влияние на психологические процессы, развитие и функционирование человека в социуме значительно расширилось. Если одни ученые выделяют в цифровой грамотности исключительно технический аспект, отмечая умения пользоваться различными приложениями, цифровой техникой и ее новыми возможностями, то другие, напротив, указывают на отличие понятий «компьютерная грамотность» и «цифровая грамотность», выделяя в данной дефиниции различные виды грамотности: информационную, компьютерную, коммуникативную, правовую, инновационную, статистическую, а также медиаграмотность. Комплексный подход к исследованиям в области цифровой грамотности населения был предложен в рамках Саммита G20 в апреле 2017 года, в основе которого лежит оценка индикаторов информационной, компьютерной, коммуникативной грамотности, медиаграмотности и отношения к технологическим инновациям. Данный подход с ноября 2017 года использует Национальное агентство финансовых исследований (далее – НАФИ) для проведения всероссийских опросов, определяя цифровую грамотность как базовый набор знаний, навыков и установок, позволяющий человеку эффективно решать задачи в цифровой среде, выделяя вышеперечисленные индикаторы.

Таким образом, анализируя сущность понятия «цифровая грамотность», важно отметить единство современных исследователей и экспертов в том, что одной из главных составляющих грамотности является способность современного человека критически мыслить, верифицировать полученную информацию,

разбираться в источниках получения информации и самостоятельно формулировать свое аргументированное мнение. Н. Д. Берман относит данные способности и умения к цифровым компетенциям, соглашаясь с Г. В. Ахметжановой в том, что «формирование цифровой грамотности студентов не должно ограничиваться только изучением дисциплин информационного цикла, таких как информатика или информационные технологии в профессиональной деятельности, а должно приобрести междисциплинарный характер» [2]. Другие исследователи относят способность человека к критическому восприятию информации и формированию самостоятельных оценочных суждений к понятию «медиаграмотность» (А. Короченский, В. Монастырский, В. Гура), что, в сущности, является одной из составляющих содержания цифровой грамотности в широком понимании данного явления.

В исследованиях НАФИ, основанных также на комплексном, широком понимании термина «цифровая грамотность», набор необходимых знаний и умений человека, связанных с критическим восприятием информации, работы с источниками информации, поиском новостей, сравнения, различения фейковых новостей и достоверных сведений, рассматривается в русле медиаграмотности. Исследуя уровень медиаграмотности среди населения, выделяются следующие индикаторы: знание о медиаконтенте и его источниках; навыки поиска новостей и фактчекинга; установки в отношении достоверности информации, сообщаемой через средства массовой информации (далее – СМИ). При этом в ходе исследований, проводимых в 2017 году, выявлено, что несмотря на активное использование Интернет-ресурсов для поиска и получения информации (81 % находят необходимые сведения в Интернете без затруднений), 45 % не задумываются о пользе и вреде информации, с которой они сталкиваются в Интернет-пространстве, 51 % россиян не подвергают сомнению факты, опубликованные в СМИ, которым они доверяют, 26 % граждан подтверждают, что им сложно ориентироваться в большом потоке информации о происходящих событиях и явлениях. По результатам исследования в 2020 году, агентство констатировало, что доля россиян, обладающих достаточным уровнем цифровой грамотности, практически за трехлетний период не изменилась [3].

Идея о важности для современного человека критического восприятия информации, умений формировать самостоятельные оценочные, аргументированные суждения на основе работы с различными источниками информации (медиа) обязана своим появлением совсем не процессам цифровизации, а связана с развитием техники и медиатехнологий. Понятия «медиаграмотность» и «медиаобразование» стали популярными в науке и практике образования (в частности, зарубежного образования) еще в 60-е – 80-е гг. XX века. В 90-е гг. в Российской педагогической энциклопедии медиаобразование определено как направление в педагогике, выступающее за изучение «закономерностей массовой коммуникации (прессы, телевидения, радио, кино, видео и т. д.)». При этом в качестве основных задач медиаобразования выделены подготовка к жизни в новых информационных условиях, создание условий для овладения способами общения на основе «невербальных форм коммуникации с помощью технических средств» [4, с. 138]. Как видим из данного определения, актуальность задач остается по сей день, но жизнь «в новых информационных условиях» корректируют цифровая среда, цифровой образ жизни и цифровые средства в различных видах деятельности человека.

Именно поэтому современные эксперты полагают, что с когнитивной точки зрения «цифровая грамотность» близка к традиционной инструменталь-

ной грамотности, связанной с обработкой информации и навыками смыслового чтения [5]. Однако цифровое чтение предполагает больший акцент на способности бегло считывать визуальный формат (изображения, схемы), поскольку логика репрезентации в письменной или устной форме – это логика времени («Что произошло и в какой последовательности?»), а логика репрезентации в форме изображения связана с логикой пространства («Каковы важнейшие особенности изображённого мира? В каких отношениях они между собой?») [5].

Проблема развития медиаграмотности населения в условиях цифровизации, в том числе развития умений критически мыслить, достаточно быстро отсеивать лишнюю информацию, определять главный вопрос в источнике, верифицировать предлагаемую информацию не имеет на данный момент каких-либо универсальных решений, однако для сферы образования, в частности, образования гуманитарного, поиск решения данной проблемы является не новой задачей.

Фокусируя внимание на реализации возможностей гуманитарных дисциплин в формировании медиаграмотности обучающихся, ответим на один из главных вопросов методики обучения – «Ради чего учить?» и конкретизируем результаты формирования медиаграмотности:

– знание о медиа-контенте и его источниках (когнитивный критерий) – знание и различение видов источников информации, понимание назначения информации в зависимости от вида источника;

– навыки поиска и анализа источников информации (конативный критерий) – умение подбирать информацию из разных источников по ключевому слову, оценивать источник информации, применять комплексный многоуровневый подход к анализу информации, извлекать нужную информацию, представленную в различных знаковых системах (таблицах, схемах, иллюстрациях, диаграммах, графиках), работать с текстом, умение различать факты и суждения, «считывать» контекстную информацию, строить самостоятельное аргументированное суждение, преобразовывать информацию из текста в другие знаковые системы, из знаковых систем в текст;

– установки в отношении достоверности информации из источника (ценностно-мотивационный критерий) – понимание основных идей и ценностей текста (информации), умение встраивать полученную информацию в социокультурный контекст.

Специфика изучения гуманитарных дисциплин в вузе – философии, истории, социологии, политологии, правовых дисциплин, связана с непосредственным обращением к различным источникам информации. Традиционно, это фрагменты научных трудов ученых, научные монографии, статистическая информация, нормативные правовые акты, а также публикации СМИ. Подготовка обучающихся к семинарским занятиям предполагает самостоятельную работу по изучению предложенных преподавателем вопросов по рекомендуемым источникам. Где, как правило, современный студент будет искать эти источники? Конечно, в сети Интернет. В современную эпоху каждый пользователь персонального компьютера имеет возможность «посетить» практически любую библиотеку мира, мало того, современное «цифровое поколение» охотнее и привычнее пользуется электронными носителями информации, нежели бумажной книгой. Значительное ускорение процесса доступа к информации создает возможности для изучения других, дополнительных источников, если тема занятия заинтересовала, тем самым требуя навыков работы с электронными и цифровыми информационными и образовательными ресурсами, поиска, анализа, сравнения, обработки информации, ее преобразования и передачи. Появление персональных блогов, личных страничек в социальных сетях, информационных Интернет-каналов и

других популярных источников дает возможность обучающимся познакомиться с мнением других о рассматриваемых проблемах. Преподаватель и рекомендуемые к занятию источники перестают быть единственной информацией по теме, что важно учитывать при проектировании содержания дисциплины и каждого занятия, отборе фактологического материала и дополнительной литературы. Объем привлекаемого для изучения фактологического материала, позволяющего иллюстрировать теоретические знания, должен быть достаточным и актуальным для обучающейся молодежи, включать не только исторические, но и современные общественные события и явления, освещаемые в СМИ и социальных сетях. Задания к семинарским и другим видам практических занятий должны включать возможность сравнивать несколько источников, содержащих различные точки зрения, оценки, суждения, в том числе популярные среди молодежи источники информации.

Практика преподавания позволяет заметить, что далеко не каждый обучающийся способен продемонстрировать умение конкретизировать теоретические знания примерами из различных источников, будь это прочитанные книги, СМИ или рефлексируемый личный социальный опыт. Именно конкретизация теоретических знаний, умение сопоставить теорию с фактами представляет для большинства студентов наибольшие трудности, поэтому и приведение аргументации, и высказывание «своего» мнения в дискуссии по поводу того или иного явления часто носят крайне несамостоятельный характер. Это, скорее, ситуация, характерная для человека цифровой эпохи, связанная с избытком информации, неумением ее переработать, отличить факт от суждения и, как следствие, признание чужого мнения (возможно, незаметно навязанного) своим.

По характеру содержания в методике обучения условно различают такие виды источников информации, как статистические материалы, личные документы, нормативные правовые акты, программные материалы, публицистические материалы, научно-популярные и научные тексты, материалы политических, научных, общественных, философских и др. дискуссий (протоколы, стенографические отчёты) и тексты философского содержания. При этом современные цифровые средства позволяют значительно расширить доступ к уникальным источникам информации, имеющимся в электронных библиотеках, справочно-правовых системах, специализированных образовательных сайтах, сайтах профессиональных сообществ и информационных каналов. По форме источники различают текстовые и визуальные независимо от вида носителя информации (печатный, электронный, цифровой). На современном этапе в практике преподавания гуманитарных дисциплин накоплен целый арсенал методических приемов и технологий, направленных на формирование критического мышления и умений работать с различными источниками информации. В рамках статьи подробнее остановимся на методических особенностях применения критического анализа источников в практике организации семинарских занятий и самостоятельной работы обучающихся по изучению отдельных тем на основе обращения к оригинальным текстам.

Как правило, задания к фрагментам текстов, собранных в хрестоматиях для студентов вузов, направлены на уяснение содержания источника и значительно реже требуют формулировки собственных оценочных суждений, понимания латентной информации, которую несет в себе любой оригинальный источник, тогда как именно критическое восприятие источника, умение выявить «затекстовые» сведения для получения наиболее полной информации составляют основу медиаграмотности современного человека. Работы отечественных и зарубежных экспертов [6; 7] позволяют говорить о не-

обходимости применения комплексного подхода к анализу источника в процессе обучения гуманитарным дисциплинам, который включает в себя как традиционные вопросы, так и задания, направленные на развитие критического мышления и умений работать с информацией. Рассмотрим возможные уровни анализа применительно к текстовым источникам.

Первый уровень вопросов предполагает проведение атрибуции источника, установление личности автора, исторического периода его жизни, уровня общественного развития того времени, характерных для данного периода идей, взглядов, а также обстоятельства создания источника и вид источника. Вид источника также подразумевает определение цели создания источника. Данный уровень анализа источника очень важен для дальнейшей интерпретации текста и верификации информации.

Следующий уровень вопросов – традиционный, может быть связан с первичным прочтением текста и воспроизведением очевидной информации: «О чем текст?», «Какие проблемы затронуты автором?», «Какие решения проблемы предложены?».

Далее комплекс вопросов должен быть нацелен на критическое восприятие информации, определение главных идей и качества аргументов, выдвинутых автором, субъективность суждений, выявление сильных и слабых позиций в авторских взглядах, сопоставление идей, позиции автора с другими взглядами и теориями, известными в данной области научного знания, определение субъективной составляющей в тексте, определение фактов и оценочных суждений, выводов, сделанных автором. На данном этапе целесообразно включить вопросы, требующие определения собственной позиции и выводов по изучаемой проблеме, приведения аргументов, иллюстрирующих позицию автора и собственные выводы, опираясь на знания по дисциплине, информацию из СМИ, личный социальный опыт. На уровне критического анализа источника целесообразно использовать прием сопоставления информации из других источников той же эпохи, предыдущих и/или последующих исследований в рамках изучаемой темы.

Неотъемлемым элементом интерпретации источника должен стать аксиологический анализ информации, определения общественных ценностей, норм, господствующих в период создания источника, а также определение ценностных установок самого автора источника. Аксиологический уровень анализа источника имеет особое значение в формировании критического мышления, поскольку позволяет фокусировать внимание на социокультурном контексте созданной информации, понимании смыслов и формировать у студента эмоционально-ценностное отношения к описанным фактам, явлениям, идеям, эпохе.

В методике анализа источников эксперты выделяют и праксиологический уровень, включающий вопросы о значении информации из источника и самого источника в познавательной деятельности, актуальности источника для изучения заданного вопроса, исследования конкретной темы, научной проблемы.

Обращение к различным видам источников, комплексный анализ текстовых источников формируют не только универсальные навыки работы с медиа, но и закрепляют на уровне привычки критическое восприятие информации, сопоставление информации, обыкновение формулировать самостоятельное аргументированное оценочное суждение об источнике информации.

Преимуществом систематической работы с источниками, использования при этом различных методических приемов в процессе изучения гуманитарных дисциплин является развитие целого комплекса умений, таких как анализ, сравнение, выделение главного, сопоставление фактов, оценочных суждений об общественных явлениях, конкретизация обобщен-

ных идей, оперирование полученными знаниями, составление различных схем, таблиц, логических цепочек, схем и т. д. Задания к источникам для самостоятельной работы обучающихся предполагают конкретную поэтапную программу их действий в соответствии с определенной дидактической задачей и содержанием изучаемого материала. Этапность в выполнении учебных действий предполагает последовательное освоение уровней познавательной самостоятельности: воспроизводящего, рефлексивного, функционального.

На уровне воспроизведения это могут быть выписки основных определений понятий, выводов, ответов на поставленные вопросы, которые требуют уточнения содержания источника, определения в нём ранее изученных фактов, явлений, событий. Заполнение различных схем, таблиц по образцу в ходе коллективного разбора документа, который ориентирован на понимание текста. Составление простого плана к тексту.

Рефлексивный уровень работы с источниками предполагает совершение действий с пониманием, выявление внутренних причинно-следственных, иерархических связей между объектами, звеньями информации. На этом уровне задания и вопросы к источникам сопровождаются анализом текста, выделением в нём основной идеи, вывода, синтезом идеи документа с идеями других источников, сопоставление с теоретическим материалом. К таким заданиям относятся самостоятельная группировка, отбор фактов, идей и включение их в доклад, в сообщение по заданной теме, конкретизация фактов, изложенных в источнике, анализ, сопоставление подходов и точек зрения из нескольких источников, составление тезисов, развёрнутых планов, кластерных схем и сравнительных таблиц, подготовка рефератов по нескольким заданным источникам.

Овладение умениями работать с информацией на функциональном уровне позволяет обучающемуся демонстрировать самостоятельность выбора и осуществления необходимых действий в новых ситуациях, опираясь на имеющиеся знания и опыт работы с различными источниками, свободно оперировать умениями для решения новых задач, связанных с использованием и созданием медиа. К приемам организации познавательной самостоятельности на функциональном уровне можно отнести прием оппонирования текста, видеовыступления; прием интервьюирования, составления вопросов для беседы с автором источника; планирование и проведение дискуссий, дебатов по проблеме, заданной в тех или иных источниках; выполнение проектных заданий и написание эссе.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что медиаграмотность – это способность, необходимая каждому человеку, живущему в современном информационном пространстве, комплекс универсальных навыков человека XXI века, связанных с критическим мышлением. Медиаграмотность – это и составляющая профессиональных умений, в частности для тех, кто по долгу своей профессиональной деятельности призван обеспечить медиабезопасность других или научить медиабезопасному поведению. Это важное профессиональное качество объединяет на сегодняшний день представителей различных профессий сферы «человек – человек»: педагогов, психологов, юристов, сотрудников правоохранительных органов, сотрудников социальной службы. Медиаграмотность не менее важна для управленцев и государственных служащих, специалистов, обеспечивающих эффективное функционирование деятельности различных социальных институтов. Предупреждение проблем в сфере медиабезопасности возможно в условиях системного формирования медиаграмотности граждан, преподавания основ медиаграмотности и реализации образовательного потен-

циала гуманитарных дисциплин в формировании необходимых современному человеку навыков критического мышления и работы с различными источниками информации, оценки и верификации информации.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин о необходимости добиться всеобщей цифровизации России. URL: https://news.rambler.ru/scitech/37047389/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.04.2020).

2. Берман Н. Д. К вопросу о цифровой грамотности // Russian Journal of Educationand Psychology. 2017. № 6-2. С. 35–38.

3. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе / Т. А. Аймалетдинов [и др.]. М.: НАФИ, 2019. 84 с.

4. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2008. 528 с.

5. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И. Д. Фрумин, М. С. Добрякова, К. А. Баранников [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 28 с.

6. Про А. Двенадцать уроков по истории / пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. М.: Центр РГГУ, 2000. 333 с.

7. Стрелова О. Ю., Вяземский Е. Е. Учебник истории: старт в новый век. М.: Просвещение, 2006. 142 с.

© Исаев А. А.
© Шамигулова О. А.

УДК 378.016:614.812(470)

Э. Р. ИСХАКОВ, *профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, доктор медицинских наук, профессор (г. Уфа)*

E. R. ISKHAKOV, *Professor of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Medicine, Professor (Ufa)*

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ»: ПРИМЕНЕНИЕ «МЕТОДА ПРОЕКТОВ»

INNOVATIVE EDUCATION TECHNOLOGY FOR FIRST YEAR STUDYING CADETS IN LEARNING THE SUBJECT «FIRST AID»: USING «PROJECT METHOD»

Аннотация. *В статье раскрыты теоретические особенности метода проектов в образовательном процессе, направленные на развитие интерактивности взаимодействия «преподаватель – студент», повышение эффективности самостоятельной ра-*

боты обучающихся. Установлены особенности положительного влияния метода как на обучаемых (развитие самостоятельной групповой деятельности), так и на деятельность преподавателя (применение разнообразных методов, повышающих эффективность обучения). Показана особенность применения метода проекта по подготовке курсантами видеофильма по определенной теме в изучении дисциплины «Первая помощь», оценены результаты выполнения задания, мнения курсантов о комфортности участия в проекте, приобретении ими и развитии положительных психологических качеств, свойств и умений. Рассмотрены такие принципы данного метода обучения, как нормирования, обратной связи, саморазвития, продуктивности. Обсуждены проблемные и нерешенные вопросы применения данного метода в образовательном процессе, которые требуют дальнейших исследований, связанных с дидактическими, этическими, организационными, авторскими правами и другими проблемами.

Ключевые слова и словосочетания: *метод проектов, интерактивные методы обучения, первая помощь, инновационные технологии.*

Annotation. *This article clarifies theoretical features of project method in educational process, directed to development of interaction between teacher and student, increasing the effectiveness of students' self-study. The features of positive influence of this method on students (development of independent group activity) and teachers – using various methods increasing learning efficiency are specified. The features of using this method during preparation of the video film by cadets on special topic in learning subject «First aid» are shown, the results of the task performance, opinions of cadets about how comfortable was the participation in this project, receivment and development of their positive psychological qualities and skills are evaluated. Such principles of this teaching method as norming, feedback, self-development, productivity are considered. Problematic and non-solving questions of using this method in educational process, which require further researches connected with didactic, ethical, organizational, copyright ownership and other problems are discussed.*

Keywords and phrases: *project method, interactive teaching methods, first aid, innovative technology.*

На сегодняшний день является актуальным активизация познавательной деятельности обучающихся, развитие у них навыков самостоятельной подготовки к занятиям и овладение соответствующими умениями и навыками [1]. Особую важность это приобретает для обучающихся первого курса, которые только начали учиться в непривычных (в отличии от общеобразовательной школы) условиях. Кроме того, со стороны преподавателей требуется творческий подход и применение широкого спектра дидактических приемов, повышающих уровень приобретения компетенций.

Одной из сторон образовательного процесса в системе высшего образования является «обучение в сотрудничестве». Одной из форм обучения в сотрудничестве является «метод проектов». В официальной педагогике данный метод возник в 1918 году в США, однако еще в 1905 году российский педагог-новатор С. Т. Шацкий с группой энтузиастов разрабатывал метод проектов для применения в обучении. В 1931 году в Советской России (как это было с генетикой, кибернетикой, определенными направлениями в психологии и педагогике) этот метод был осужден коммунистической верхушкой как буржуазный и вредный для советских учащихся.

Основоположником метода проектов в США, тогда он назывался еще «метод проблем», считается философ и педагог Дж. Дьюи и его ученик В. Х. Килпатрик

[2]. Они исходили из того, что обучающимся необходимо показать и научить их решать будущие проблемы реальной жизни, для этого им надо приобрести новые знания и умения, причем самостоятельно, но направляемые учителем. То есть через показ именно практического применения теоретических знаний и умений (которые еще следует самостоятельно приобрести), тем самым стимулируя и повышая интерес и активность к обучению. Иными словами, девиз метода проектов – «Все чему я обучаюсь, я знаю для чего и как это мне пригодится в жизни для решения возникающих насущных проблем».

В начале в метод проектов закладывается идея (решение проблемы, задачи) – достижение осязаемого результата, который получится в результате деятельности требующих различных знаний, умений и навыков. При этом развивается процесс активной деятельности обучающихся, в результате чего на выходе получается целостный осязаемый продукт (объект), который можно презентовать преподавателю, другим обучающимся, заинтересованным людям. Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность обучающихся – индивидуальную или групповую, которую они выполняет в течение определенного отрезка времени. Так как это метод, то он предполагает определенную последовательность познавательных приемов и самостоятельных действий с обязательным представлением довольно сложного целостного результата – проекта. Проект – тождественный результат, который является осязаемым, т. е. материально оформленным, чтобы его можно было пощупать, увидеть, прикоснуться, услышать и т. д.

Считается, что метод проектов обладает высоким уровнем интерактивности [3, с. 401], а также решает проблему повышения эффективности самостоятельной работы обучающихся [4, с. 61]. Особенность метода – самостоятельная деятельность обучаемых по приобретению знаний, умений, навыков для решения поставленной проблемы, оформленной в виде определенного материального продукта.

Обучающиеся в деятельности по созданию проекта взаимодействуют с преподавателем, который может подавать идеи, критиковать, корректировать советами, консультировать, но все действия выполняются только ими. Хотя метод проектов широко применяется в обучении: начиная от дошкольного образования, а в высшем образовании используется при изучении различных предметов и подготовке по специальностям (обучение будущих педагогов [5, с. 621], студентов инженерных специальностей [6, с. 827], для повышения эффективности обучения иностранным языкам [7, с. 122] и т. д.), особенности его применения в разнообразных ситуациях обучения требуют изучения особенностей его применения.

При применении данного метода при обучении манипуляциям в рамках дисциплины «Первая помощь» отвечает такой педагогический прием, как участие курсантов в подготовке учебного видеофильма по изучаемым вопросам. Данный метод развивает самостоятельную групповую деятельность курсантов, имеет структурирование (поэтапность) выполнения проекта.

На наш взгляд, данный метод соответствует основным требованиям, выдвигаемым к применению данного метода проектов, и соотносится с целями и задачами обучения данной дисциплины (информацией по данному вопросу темы и манипуляцией, которую необходимо освоить). Это относится к наличию проблемы педагогического процесса – как повысить эффективность обучения и разнообразить методы обучения, а также практической значимости изучения дисциплины «Первая помощь» – как овладеть правильной техникой выполнения мероприятий по оказанию первой помощи.

Цель исследования – оценка особенности подготовки учебного видеофильма как метода проектов в процессе изучения курсантами первого курса определенных тем дисциплины «Первая помощь». Курсантам было предложено самостоятельно подготовить, снять и продемонстрировать учебный видеофильм по теме дисциплины «Первая помощь», связанный с термическими ожогами, в котором необходимо было отразить причины ожогов и продемонстрировать мероприятия по оказанию первой помощи при термическом ожоге, в том числе наложение повязки.

Преподавателем совместно с участием представителей отдела технических средств обучения предварительно был разработан сценарий учебного видеофильма о наложении некоторых видов повязок, поэтому схема сценария была представлена курсантам в виде примера для ознакомления. В учебном взводе на принципе добровольности набралось три группы. Время на подготовку видеофильма было дано до одного месяца, демонстрация итогов выполнения задания назначалось на время занятия, посвященного данной теме. Курсанты имели право консультироваться по вопросам подготовки видеофильма в течение всего времени подготовки, им оказывалась методическая помощь по всем вопросам задания как преподавателем, так и сотрудниками отдела технических средств обучения. Длительность видеофильма – 5–7 минут. Были предложены параметры, которые необходимо было отразить в видеофильме – это относительная реальность ситуации (ситуация реальная, ожоги условные); игра лиц, участвующих в съемке видео; правильность предоставленной теоретической информации о причинах ожогов и мероприятиях первой помощи при них; правильность продемонстрированных приемов оказания первой помощи при термических ожогах. Также были выработаны оценки результатов по таким критериям, как полнота реализации задания, т. е. в достаточной ли степени отражены теоретическая информация об ожогах и их причинах, приемы оказания первой помощи, реальность ситуации обыденной жизни. Методом неструктурированной неформальной беседы с обучающимися, участвующими в проекте, устанавливалась удовлетворенность их участия в выполнении задания, мнения и чувства, возникшие в ходе выполнения проекта.

В результате все три группы подготовили видеофильмы вовремя, которые были продемонстрированы на мультимедийном оборудовании во время занятия. Теоретическая информация, предоставленная курсантами, включала голосовую информацию, а также слайды, картинки и фотографии. Были представлены показы разыгранных реальных сюжетов, которые могли произойти с курсантами в повседневной жизни – неосторожные действия с горячей жидкостью, отпаривателем, применяемым при глажке белья. Процесс оказания первой помощи после получения ожогов, показанный по сюжету видеофильма, соответствовал необходимым рекомендациям оказания первой помощи при термических ожогах во всех группах.

Обучающиеся отметили, что им было интересно выполнять данное задание, они многому научились самостоятельно, причем, по их мнению, это пригодится им в дальнейшей жизни. В процессе выполнения задания они не испытывали никаких серьезных затруднений. По их мнению, при выполнении задания они побывали в различных профессиональных творческих ролях – сценаристов, режиссеров, видеооператоров, приобретая умения видеосъемки, видеомонтажа, озвучивания, подбора контента. Добровольная включенность в группы, выполняющие задание, по нашему мнению, дает эмоционально-ценностное проживание своего участия в проекте, а также участие в съемках учебного видеофильма придает уверенность при

демонстрации приемов первой помощи, что положительно сказывается в образовательном процессе.

Применение данной методики отвечает ряду принципов, которые необходимо учитывать для создания эффективного процесса обучения. Так, выполнены:

– принцип плановости: чтобы выполнить проект обучающихся необходимо было написать сценарий, подготовить технику для съемки, ознакомиться с информацией по теме занятия, отработать навыки приема оказания первой помощи при определенном состоянии, произвести съемку, найти и разобраться в программах по мониторингу фильма, смонтировать видеофильм, продемонстрировать его на мультимедиа;

– принцип нормирования: требует обязательности прохождения всех этапов (шагов) по созданию проекта, например, без наличия специальных программ по монтажу и обработке видеофрагментов невозможно смонтировать полноценный фильм, без сценария нет смысла делать видеозапись и т. д.;

– принцип обратной связи: требует необходимости после каждого этапа анализировать его эффективность и действенность для совершения следующего шага и соответствующим образом корректировать;

– принцип продуктивности: ориентирует на получение результата в виде продукта, имеющего практическое применение, данный «продукт» в виде видеофрагмента можно применить для дальнейшего обучения приемам и манипуляциям оказания первой помощи последующих групп курсантов;

– принцип саморазвития: выполнение задания стимулирует процесс целеполагания, мотивации и познавательной активности обучающихся, также необходимо применять современные информационные технологии – технические устройства, соответствующие программы для высокотехнологичных устройств.

Требования относительной реалистичности к сюжетам видеофильма связаны с гарантией избегания негативных ситуаций, в которых можно получить термический ожог, а также уверенными действиями по оказанию первой помощи, если такие ситуации произойдут в будущем. В задачи нашего исследования не входило установление процессов социальной психологии в группах при выполнении задания, однако обязательность их проявлений и выполнение проекта в срок говорит о том, что в каждой группе были свои лидеры, был обмен мнением и поиск решений по особенностям выполнения заданий, приемлемый для всех членов группы, происходили «мозговые штурмы». Мы считаем, что выполнение задания способствовало развитию организаторских и креативных качеств, сознательной дисциплинированности, самоконтроля и умению планировать свою деятельность, ведь участие в выполнении проекта не освобождает курсантов ни от выполнения служебных обязанностей, ни от подготовки к групповым занятиям.

Вместе с тем следует сказать и о дискуссионных сторонах (проблемах) метода проектов. Так, у нас отсутствует сравнение данного метода по эффективности обучения приемам оказания навыкам первой помощи при стандартном подходе. Вывод о большей уверенности при ответах во время зачета курсантов, принимавших участие в проектном задании, подвержен субъективному влиянию. При реализация данного метода возникает ряд вопросов. Стоит ли метод широко применять при изучении других дисциплин? Насколько выполнение данного метода было трудозатратно и времязатратно, особенно для первокурсников? Можем ли мы все мероприятия по оказанию первой помощи изучать через «метод проектов»? Не стоит забывать и о преподавателе, который тоже участвует в процессе данного метода. Существует ли мотивация преподавателей

применять метод проектов в своей деятельности? Он требует дополнительных усилий к и так перегруженному рабочему графику. Ответы на эти и другие вопросы еще предстоит обсудить в дальнейших исследованиях применения данного метода.

Подводя итог, еще раз отметим, что была разработана и проведена активизация учебной деятельности с применением «метода проектов» в виде дидактического приема «Подготовка видеофильма», показана его эффективность в обучении курсантов первого курса при изучении дисциплины «Первая помощь», подготовлен учебный видеофильм для дальнейшего применения в учебном процессе при изучении дисциплины «Первая помощь».

Таким образом, необходимо дальнейшее развитие и оценка эффективности и особенностей применения дидактических приемов активизации учебной деятельности курсантов по развитию умений и навыков оказания первой помощи, одним из которых является вовлечение курсантов в подготовку учебного видеофильма.

***

ЛИТЕРАТУРА

1. Линевич В. Л., Асянова С. Р. Психолого-педагогические аспекты актуализации компетенций у обучающихся образовательных организаций системы МВД России по безопасному поведению на дороге: учебное пособие. Уфа, 2019. 48 с.

2. Knoll M. The Project Method: Its Origin and International Influence. In Progressive Education across the Continents. A Handbook, ed. Volker Lenhart and Hermann Röhrs. New York: Lang, 1995. URL: https://education.stateuniversity.com/pages/2337/Project-Method.html (дата обращения: 10.05.2020).

3. Томилова В. М., Томилов М. В. Метод проектов в системе подготовки провизора // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2019. Т. 1. С. 401–405.

4. Сальникова Ю. К. Метод проектов как эффективный способ организации самостоятельной работы студентов в Российском вузе // Международный журнал экономики и образования. 2019. Т. 5. № 2. С. 61–76.

5. Zhylkybay G., Magzhanb S., Suinzhanova Z., Balaubekov M., Adiyeva P. The Effectiveness of Using the Project Method in the Teaching Process // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 143. P. 621–624.

6. Тлеумбетова Д. Б., Иванова С. А. Метод проектов как эффективный метод обучения и воспитания студентов технических вузов // Преемственность в образовании. 2019. № 22 (06). С. 827–833.

7. Клишина Г. А. Метод проектов как способ повышения качества обучения французскому языку // Технологии образования. 2020. № 2 (8). С. 122–126.

© Исхаков Э. Р.

УДК 376.6.351.74.016:004.56:001.895(470)

Е. И. МЕЩЕРЯКОВА, *профессор кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Воронежского института МВД России, доктор педагогических наук, профессор (г. Воронеж)*

E. I. MESHCHERYAKOVA, *Professor of the Chair of Civil and Economic Disciplines of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Education, Professor (Voronezh)*

И. С. ПАНФЕРКИНА, *доцент кафедры административного права Воронежского института МВД России, кандидат педагогических наук (г. Воронеж)*

I. S. PANFERKINA, *Assistant Professor of the Chair of Administrative Law of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogy (Voronezh)*

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE CULTURE OF CADETS AS A BASIS FOR FORMING READINESS TO COUNTER CYBERCRIME

Аннотация. *В статье приобретающая особую актуальность проблема формирования готовности курсантов ведомственных образовательных организаций к противодействию киберпреступности рассматривается в аспекте основополагающей роли развития их инновационной культуры. Определяется значение инновационной образовательной среды для обеспечения стратегической ориентации получаемого будущими специалистами образования, его направленности на формирование способностей к прогнозированию противоправных действий в информационной среде и эффективному противодействию киберпреступности. Выделяются и анализируются в их взаимосвязи и взаимодействии материально-технический, технологический и субъект-субъектный компоненты информационной образовательной среды. Отмечается необходимость разработки и использования инновационных педагогических технологий, целенаправленно развивающих познавательную активность обучающихся, стимулирующих самостоятельную деятельность, что является залогом их последующего саморазвития, направленного на поиск способов и средств грамотного и обоснованного противодействия киберпреступности. На основе проведенной научно-исследовательской и опытно-экспериментальной работы приводятся методические рекомендации, позволяющие посредством межпредметной интеграции обеспечить получение обучающимися глубоких знаний, приобретение умений и навыков, необходимых для осуществления эффективных профессиональных действий по выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию, предупреждению и минимизации последствий киберпреступлений.*

Ключевые слова и словосочетания: *инновационная культура курсантов, инновационная образовательная среда, противодействие киберпреступности, потенциал, познавательная активность, саморазвитие.*

Annotation. *The particularly important problem of forming cadets' readiness to counter cybercrime is considered in terms of the fundamental role of their innovative culture development. The significance of innovative educational environment is emphasized for providing strategic orientation which future specialists of the education get as well as its direction towards forming skills to predict unlawful acts in information environment and effective countering cybercrime are emphasized in the paper. Such components of information educational environment as material and technical, technological, subject to subject are analyzed. The authors stress the necessity to work out and apply innovative pedagogical techniques that develop cadets' cognitive activity intentionally and promote their own activity, which is the basis of their subsequent personal development aimed at looking for ways of competent countering cybercrime. Methodological recommendations based on the research and experimental work are given. Through interdisciplinary integration they provide learners with deep knowledge and skills necessary for effective professional activity concerning detecting, suppressing, solving, investigating, preventing and minimizing cybercrime consequences.*

Keywords and phrases: *cadets' innovative culture, innovative educational environment, countering cybercrime, potential, cognitive activity, personal development.*

Стремительное развитие высоких технологий, происходящее в последние десятилетия, сопровождается не менее стремительным развитием преступности в сфере высоких технологий. Одним из наиболее значимых направлений в этой сфере становится киберпреступность, в соответствии с международно-правовым определением включающая «любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети» [1]. О том, насколько распространенным и опасным явлением становится киберпреступность в нашей стране, свидетельствуют данные комплексного анализа состояния преступности в Российской Федерации, проведенного Научно-исследовательским институтом МВД России, опубликованные на его официальном сайте: в 2019 г. доля зарегистрированных киберпреступлений увеличилась по сравнению с 2018 г. почти вдвое (с 8,8 % до 14,5 %), при этом почти половина зарегистрированных киберпреступлений относится к категориям тяжких и особо тяжких (48,5 %). Однако из общего количества совершенных киберпреступлений было раскрыто только 22,2 % [2].

Проблемы противодействия киберпреступности начали активно изучаться учеными-юристами и нашли отражение в научных публикациях и диссертационных исследованиях по криминологии, уголовному праву, криминалистике и др. (М. А. Бабакова, В. Б. Вехов, Р. И. Дремлюга, А. В. Нарижный, И. М. Рассолов, М. В. Старичков, Т. Л. Тропина, А. А. Шаевич и др.). Изучая причины, условия, механизмы, способы, технологии, инструменты совершения киберпреступлений, большинство исследователей отмечают необходимость подготовки и переподготовки специалистов для осуществления эффективного, грамотного, научно обоснованного и опережающего противодействия киберпреступности. Однако комплексных педагогических исследований в сфере подготовки таких специалистов в ведомственных образовательных организациях, несмотря на их высокую актуальность, теоретическую и практическую значимость, в последние годы не проводилось.

Учеными и практиками отмечается обострение противоречия между количественным ростом киберпреступлений,

качественным совершенствованием механизмов, способов и приемов их совершения, с одной стороны, и недостаточной подготовленностью специалистов органов внутренних дел (далее – ОВД) к выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию, предупреждению и минимизации последствий таких преступлений – с другой.

На основе этого и связанных с ним противоречий мы определяем отражающую их педагогическую проблему, остро нуждающуюся в исследовании: как обеспечить опережающую подготовку выпускников ведомственных образовательных организаций (иногда их уже называют «киберполицейскими»), способных к осуществлению эффективных, грамотных, правообоснованных профессиональных действий по выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию, предупреждению и минимизации последствий киберпреступлений?

Понимая под педагогической проблемой комплекс вопросов, объективно возникающих в педагогической теории и (или) практике, в рамках обозначенной общей проблемы мы выделяем и следующие локальные:

– как сформировать основы для понимания будущими специалистами роли и значения стратегической ориентации получаемого ими образования, его направленности на формирование способностей к прогнозированию противоправных действий в информационной среде;

– с применением каких инновационных технологий развивать познавательную активность обучающихся, стимулировать самостоятельную деятельность, которые становятся залогом их последующего саморазвития, направленного на поиск способов и средств грамотного и обоснованного противодействия киберпреступности;

– какими методами обеспечить получение обучающимися глубоких знаний, приобретение умений и навыков, необходимых для осуществления эффективных профессиональных действий по выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию, предупреждению и минимизации последствий киберпреступлений и др.

Разрешению обозначенных проблем может способствовать развитие инновационной культуры курсантов как основы формирования готовности будущих специалистов к противодействию киберпреступности. Обобщая результаты философских, социологических, психолого-педагогических исследований, мы определяем инновационную культуру обучающихся применительно к изучаемому предмету как «формирующееся в образовательной среде ведомственной образовательной организации интегративное личностное образование, в котором объединяются и переплетаются свойства, детерминирующие осознанный и целенаправленный процесс» [3, с. 58] освоения, поддержки и реализации новшеств и новаций во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в различных направлениях профессиональной правоохранительной деятельности, одним из которых становится противодействие киберпреступности.

Инновационная культура, по справедливому замечанию Т. В. Соболь, «отражает возможность выходить за рамки традиционного мышления и с помощью нового мировоззрения и ценностей внедрять в существующую практику такие нововведения, благодаря которым в обществе происходят позитивные изменения» [4, с. 339]. Не исключение нововведения, необходимость которых диктуется противодействием киберпреступности с ее столь быстро меняющимися содержанием, механизмами, способами и приемами.

Важно отметить, что целенаправленное, методически выверенное и обеспеченное соответствующим инструментарием развитие инновационной культуры курсантов позволяет создать основы формирования готовности к

противодействию киберпреступности обучающихся по всем специальностям, непосредственно связанным с противодействием этому направлению противоправной деятельности, по которым осуществляется подготовка в ведомственных образовательных организациях: 10.05.01 «Компьютерная безопасность», 10.05.02 «Информационная безопасность телекоммуникационных систем», 10.03.01 «Информационная безопасность», 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» («Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере»). Ведь независимо от того, каким содержанием будет наполнена практическая правоохранительная деятельность специалиста, ему необходимо обладать сформированными на востребованном уровне профессиональной и инновационной культурой, развитым аналитическим мышлением, воспринимающим стратегические инновационные процессы, протекающие в связи с модернизацией и совершенствованием киберпреступности, а также упорством и настойчивостью в овладении эффективными методами противодействия киберпреступности, быстро адаптирующейся к новейшим возможностям применения высоких технологий для совершения противоправных действий.

Развитие инновационной культуры обучающихся происходит в образовательной среде ведомственных образовательных организаций, неотъемлемым элементом которой становится в настоящее время инновационная образовательная среда. В современных педагогических исследованиях сложились различные подходы к определению инновационной образовательной среды (Е. А. Алисов, В. П. Делия, Л. И. Духова, Н. А. Котова, Л. С. Подымова, А. В. Смирнов, Е. А. Шмелева и др.). Несмотря на различия в определении этой составляющей образовательного пространства (а некоторые исследователи, например, С. В. Вьюгина, даже неоправданно отождествляют инновационную среду с образовательным пространством [5, с. 339]), исследователи единодушны в том, что инновационная образовательная среда – это такая совокупность материальных и духовных ресурсов образовательной организации, которая обеспечивает создание благоприятных условий и возможностей для формирования личностно-профессиональных качеств обучающихся, необходимых для осуществления инновационной деятельности как на аудиторных и внеаудиторных занятиях, так и во время самостоятельной работы, использование которых (ресурсов) направлено «на развитие инновационной активности личности как основного критерия готовности к инновационной деятельности в профессиональной сфере» [6, с. 339].

Инновационная образовательная среда ведомственной образовательной организации – это своеобразный духовно-материальный комплекс, вводящий курсантов в сферу инновационной профессиональной деятельности, позволяющий не только эффективно формировать установленные образовательными стандартами компетенции, но и развивать профессиональную и инновационную культуру обучающихся, их личностно и профессионально значимые качества, необходимые и для эффективного противодействия быстро адаптирующейся к новым условиям киберпреступности.

Представляет интерес изучение влияния отдельных, наиболее важных составляющих инновационной образовательной среды на формирование инновационной культуры курсантов в аспекте формирования их готовности к противодействию киберпреступности. Прежде всего, материально-технический компонент. Киберпреступность – это преступность, основанная на использовании компьютерной техники и высоких технологий. А потому постижение возможностей эффективного

противодействия этому виду преступности требует овладения современной техникой и технологиями. Безусловно, успех становления и развития инновационной культуры обучающихся базируется на соответствующей цели материально-технической основе. В связи с этим особенно важно создавать, поддерживать и совершенствовать материально-техническую составляющую инновационной образовательной среды ведомственной образовательной организации.

Однако даже самая современная материально-техническая база не приведет к достижению цели формирования готовности к противодействию киберпреступности, если не будет «поднят» на соответствующий уровень технологический компонент инновационной образовательной среды. Развитие инновационной культуры обучающихся требует разработки и реализации педагогических технологий, в которых интегрируются потенциалы как традиционных, так и инновационных форм и методов обучения, максимально «раскрываются» возможности их использования на основе современных материально-технических средств, особенно быстро совершенствующейся компьютерной техники. Значительным педагогическим потенциалом обладают технологии, разработка которых осуществляется на базе синергетического методологического подхода. Но это самостоятельное направление научного психолого-педагогического исследования. Здесь же мы отмечаем важнейшее значение влияния технологического компонента среды на развитие инновационной культуры курсантов, неразрывно связанное с влиянием ранее представленного материально-технического компонента. Одновременно обращаем внимание на готовность (или неготовность) профессорско-преподавательского состава к разработке и использованию педагогических технологий, позволяющих обеспечить целенаправленное развитие инновационной культуры обучающихся в русле формирования готовности к противодействию киберпреступности, от которой (готовности – неготовности) в значительной степени будет зависеть успех подготовки специалистов для осуществления этой сложной, требующей высокого уровня развития инновационной культуры профессиональной деятельности.

Отмеченным обстоятельством во многом определяется влияние на развитие инновационной культуры обучающихся следующего из выделяемых нами основных компонентов инновационной образовательной среды – субъект-субъектного. Заметим, что материально-технический компонент для преподавателей является внешним, они могут его использовать, но не могут существенно повлиять на его формирование.

Технологический компонент создается посредством разработки преподавателями педагогических технологий и создания методического сопровождения для их реализации до того, как происходит непосредственное взаимодействие преподавателя и обучающихся на аудиторных и внеаудиторных занятиях. Что же касается субъект-субъектного компонента, то это методы, приемы, способы, инструменты, которые используются в непосредственном взаимодействии преподавателя с обучающимися и вызывают (или не вызывают) мотивацию курсантов к осуществлению познавательной деятельности.

Результатом такой мотивации и становится развитие инновационной культуры, которое происходит как на аудиторных занятиях, так и в процессе самостоятельной работы. Грамотное, педагогически выверенное, целенаправленное субъект-субъектное взаимодействие, использование активных и интерактивных методов в рамках педагогических технологий, основанных на новейших достижениях в

области компьютерной техники и педагогики, позволяет преподавателю стимулировать развитие инновационной активности обучающихся как важнейшее условие развития их инновационной культуры и одновременно критерий готовности к осуществлению инновационной деятельности в сфере противодействия киберпреступности.

Помимо выделенных нами компонентов в структуру инновационной образовательной среды могут входить и другие. Изучая влияние этой составляющей образовательного пространства на формирование личностно и профессионально значимых качеств обучающихся, важно учитывать его комплексный характер, взаимодействие факторов, относящихся к различным компонентам, а также доминанту воздействия отдельных факторов на развитие инновационной культуры обучающихся в определенных условиях. Такое изучение позволит выявить и создать педагогические условия, обеспечивающие развитие инновационной культуры обучающихся как основы формирования их готовности к противодействию киберпреступности.

Успех развития инновационной культуры обучающихся, определяющей формирование их готовности к противодействию киберпреступности, во многом зависит от того, насколько целенаправленно «выстроена» межпредметная интеграция в образовательном процессе ведомственной образовательной организации. Проведенные нами исследования, а также практика образовательной деятельности показывают, что межпредметная интеграция, основанная на координации рабочих программ последовательно изучаемых дисциплин и грамотном использовании их инвариантных понятий и ключевых категорий [7, с. 143–145], позволяет не только экономить время, но и осуществлять целенаправленное движение от глубокого усвоения знаний в предметных областях каждой из изучаемых дисциплин, способствующих развитию инновационной культуры обучающихся, до приобретения ими конкретных профессиональных навыков. Не исключение и навыки эффективного противодействия киберпреступности.

Например, для специальности 10.05.01 «Компьютерная безопасность» межпредметная интеграция в русле формирования готовности к эффективному противодействию киберпреступности на основе развития инновационной культуры обучающихся начинается включением инвариантов «инновации», «инновационная культура», «киберпространство», «информационная безопасность» и др. в учебный материал дисциплин «Философия», «Основы информационной безопасности», «Модели безопасности компьютерных систем», «Организационное и правовое обеспечение защиты информации» и др.

Изучение и усвоение учебного материала, формирование устойчивых представлений об инвариантных понятиях, сочетаемое с целенаправленным стимулированием обучающихся к осознанию ими значимости развития способностей прогностического мышления, прогнозирования перспектив появления и применения принципиально новых механизмов, способов и средств совершения преступлений в сфере высоких технологий, безусловно, создает мотивацию к овладению умениями и навыками противодействия киберпреступности. Эта мотивация будет успешно реализована курсантами, обучающимися по специальности 10.05.01 «Компьютерная безопасность», на занятиях и в процессе самостоятельной работы в процессе изучения дисциплин «Источники и каналы утечки информации», «Методы расследования компьютерных преступлений», «Компьютерная разведка» и др., когда особое значение уделяется приобретению ими устойчивых навыков противодействия киберпреступности. Кроме того, развитие мотивационной

составляющей личности, по справедливому утверждению В. Л. Линевича, будет способствовать и повышению академической успеваемости обучающихся [8, с. 186], создавая дополнительные стимулы для их заинтересованной познавательной деятельности в направлении приобретения глубоких знаний, устойчивых умений и навыков противодействия киберпреступности.

Исследование проблемы формирования готовности к противодействию киберпреступности на основе развития инновационной культуры будущих специалистов позволило: уточнить применительно к предмету исследования понятие инновационной культуры курсантов, влияние на процесс формирования готовности взаимодействующих компонентов инновационной образовательной среды; обосновать необходимость разработки педагогических технологий, целенаправленно используемых для получения обучающимися глубоких знаний, приобретения устойчивых навыков для осуществления эффективных профессиональных действий по выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию, предупреждению и минимизации последствий киберпреступлений; разработать методические рекомендации, позволяющие посредством межпредметной интеграции, а также применения инновационных методов обучения осуществлять в образовательном процессе целенаправленное движение от глубокого усвоения знаний в предметных областях последовательно (одновременно) изучаемых дисциплин, определяющих развитие инновационной культуры курсантов, до приобретения ими умений и навыков, необходимых для грамотного и эффективного противодействия киберпреступности.

На разработку методического сопровождения дисциплин, определяющих развитие инновационной культуры обучающихся как основы формирования готовности к противодействию киберпреступности, безусловно, значимое влияние оказывает предметная область изучаемой дисциплины и ее место в учебном плане. Поэтому можно говорить об общих методических рекомендациях, повышающих эффективность образовательной деятельности, которые каждый преподаватель корректирует в соответствии со спецификой преподаваемой дисциплины. К таким методическим рекомендациям мы относим:

– в процессе разработки и использования педагогических технологий изучения дисциплины важно учитывать возможности, представляемые инновационной средой ведомственной образовательной организации, причем не только материально-технического ее компонента, но и технологического (технологии, разработанные для изучения смежных дисциплин) и субъект-субъектного (опыт применения методов коммуникативного взаимодействия преподавателей смежных дисциплин) компонентов, а также межпредметной интеграции;

– для проведения аудиторных занятий необходимо предусмотреть применение активных и интерактивных методов обучения, позволяющих стимулировать познавательную деятельность курсантов, включающую элементы инноватики, развивающую способности прогнозирования появления новых механизмов, способов и средств совершения киберпреступлений;

– реализации воспитательного потенциала будет способствовать целенаправленное формирование с использованием методов коммуникативного взаимодействия убежденности курсантов в том, что киберпреступность – это не только стремительно изменяющийся креативный и наукоемкий вид преступности, но и противоправная деятельность, наносящая значительный экономический и морально-нравственный ущерб обществу и его членам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. URL: https://portalus.ru/modules/russianlaw/rus_readme.php?subaction (дата обращения: 15.02.2020).

2. Комплексный анализ состояния преступности Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития // Научная деятельность. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 21.01.2020).

3. Мещерякова Е. И. Формирование профессионально-педагогической культуры адъюнктов в инновационном образовательном пространстве // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Воронеж: Научная книга, 2017. С. 57–59.

4. Соболь Т. В. Философский анализ содержания понятий «культура», «инновация» и «инновационная культура» // Молодой ученый. 2014. № 13 (72). С. 337–341.

5. Вьюгина С. В. Инновационная образовательная среда технического вуза и его роль в развитии интеллектуального потенциала студента // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2008. Т. 1. С. 170–171.

6. Шмелева Е. А. Инновационная образовательная среда вуза: пространство развития // Научный поиск. 2012. № 1 (3). С. 14–17.

7. Мещерякова Е. И., Панферкина И. С. Интегративный подход к профессиональной подготовке специалистов для подразделений по делам несовершеннолетних: монография. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. 198 с.

8. Линевич В. Л. Формирование учебной мотивации у обучающихся образовательных организаций МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 180–186.

© Мещерякова Е. И.
© Панферкина И. С.

УДК 378.6.351.74.03(470)

Е. А. ТАМБОВЦЕВ, *преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)*

E. A. TAMBOVTSEV, *Instuctor of the Chair of the Tactical-Special and Fire Training of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk)*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНО-ЦЕНТРИРОВАННОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF PERSONAL-CENTERED APPROACH IN THE EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. *В статье рассмотрен вопрос о специфике применения личностно-центрированного подхода в процессе воспитания и обучения курсантов (слушателей) в образовательных организациях МВД России. Представлены особенности педагогического процесса при реализации личностно-центрированного подхода, где важная роль принадлежит переосмыслению понятия корпоративности, которая в настоящий момент, являясь внешним элементом образовательного процесса, находит выражение в большей степени в статусно-субординационных отношениях и не соответствует современному пониманию проблемы. Проведен анализ результатов исследования среди курсантов первого и третьего курсов факультета по подготовке следователей и судебных экспертов и факультета правоохранительной деятельности. Выделена положительная динамика в экспериментальных группах среди курсантов третьего курса. Показана модель самоактуализации курсанта образовательных организаций МВД России.*

Ключевые слова и словосочетания: *личностно-центрированный подход, курсант, слушатель, педагогический процесс, профессионально-важные качества.*

Annotation. *The article discusses the specifics of applying of a personal-centered approach in the process of education and training of cadets (trainees) in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The peculiarities of the pedagogical process in the implementation of personal-centered approach, where an important role belongs to the rethinking of the notion of corporatism, which at the moment, being the external element of the educational process, finds expression to a greater extent in status and subordinate relations and does not correspond to the modern understanding of the problem. The results of the research among the first and the third-year cadets of the investigators and forensic experts' training faculty and the law enforcement faculty were analyzed. The positive dynamics in experimental groups among the third-year cadets is highlighted. The model of self-actualization of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia is shown.*

Keywords and phrases: *personal-centered approach, cadet, listener, pedagogical process, professionally important qualities.*

Основной целью профессионального образования, в том числе воспитания и обучения в образовательных организациях МВД России, является подготовка компетентного, высококвалифицированного специалиста, способного к эффективной работе, готового к постоянному профессиональному росту, обладающего высокими морально-нравственными качествами [1, с. 236]. Концепция личност-

но-центрированного подхода наиболее полно раскрывает содержание процесса современной системы образования, так как имеет существенные отличия от классических подходов в организации всего процесса воспитания и обучения. Она основывается на понимании образования как развития индивидуальности и сознания обучающихся, их личностных структур. Поскольку процесс воспитания и обучения является непрерывным, неотделимым от процесса самовоспитания и самообучения, то все это предполагает раскрытие структуры содержания образования в направлении развития личностной сущности обучающегося, его чувств, желаний, интересов, мотивов деятельности.

Актуальность рассматриваемого вопроса предопределяется не только современным состоянием общества, где утрата собственной идентификации, духовности, ценностных доминант ведет к кризису личности, но и состоянием российского образования, которое находится на достаточно противоречивом этапе своего развития, и появилась проблема сложности понимания результативности образования. Образование в общепринятом понимании рассматривается как целенаправленный процесс овладения знаниями, умениями и навыками обучающимися, а также подготовки их к дальнейшей профессиональной деятельности и жизни в целом. В концепции личностно-центрированного подхода образование выступает в более широком смысле, а именно как процесс становления человека, обретения им индивидуальности, духовности, творческого потенциала, и позволяет направить личностные регулятивы в сторону самореализации и самоактуализации.

Особую актуальность этот процесс имеет для выпускников образовательных организаций МВД России, где специфика воспитания и обучения изначально предполагает внутренний динамизм личности. Рассматривая личность в правовом плане, следует отметить, что, прежде всего это субъект правовых отношений, человек, который принимает решения и несёт ответственность за свои поступки, гражданин, уважающий общечеловеческие ценности, права и свободы. Воспитание у курсантов (слушателей) устойчивых личностных качеств, профессионализма, выработка способности противостоять факторам профессиональной деформации возможно лишь с применением личностно-центрированного подхода. Такая личность не может быть «сформирована», чем и объясняется смещение акцентов с «формирования» личности на ее ценностное развитие, саморазвитие, самоактуализацию [2, с. 377], заявленное общим направлением гуманизации образования. Это направление, распространяясь на систему образовательных организаций МВД России, усиливается специфическими требованиями современного общества, адресованными органам внутренних дел, которые предъявляются не только к правовой, но и к гуманистической сфере личности сотрудника полиции. Достойных результатов в профессиональном плане могут добиться специалисты с развитым интеллектуальным, нравственным и культурным уровнем, обладающие трудолюбием. Сотрудник правоохранительных органов не является профессионалом, если он, владея знаниями, умениями и навыками, не развит как личность в общем и профессиональном значении этого слова [1, с. 236].

Реализация личностно-центрированного подхода в образовательных организациях МВД России позитивно влияет не только на личностное развитие курсанта (слушателя), но и на его будущее профессиональное пространство: преобладание в педагогическом процессе ценностной доминанты, побуждение курсанта (слушателя) к диалогу с установкой на самореализацию может служить инструментом предотвращения нравственной и профессиональной деформации [3, с. 61]. Педагогический

процесс в образовательных организациях МВД России с позиций философии образования и концепции общей теории систем (Л. Берталанфи, Г. Н. Александров, Л. С. Выготский, И. П. Геращенко, Э. Н. Гусинский, С. П. Курдюмов, В. П. Симонов и др.) можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

Рис. 1. Педагогический процесс в образовательных организациях МВД России

Реализация подхода способна ликвидировать противоречие между внешней и внутренней сторонами педагогического процесса как системы воспитания и обучения в образовательных организациях МВД России. Наличие данного конкретизированного противоречия определяется статичностью, наличием жёсткого ядра, превалированием дискурсивных практик прошлого (ритуалы, традиции, этикет и т. д.) и заложено во внутренней структуре педагогического процесса. Динамизм процесса усматривается в усилении дискурса настоящего: различие подходов, моделей, расширение полей общения внутри системы.

В организации педагогического процесса при реализации личностно-центрированного подхода и создании условий для его введения важная роль принадлежит переосмыслению понятия корпоративности, которая в настоящий момент, являясь внешним элементом образовательного процесса, находит выражение в большей степени в статусно-субординационных отношениях и не соответствует современному пониманию проблемы. Отсюда излишний формализм системы, наиболее незащищённым и несвободным элементом которой становится курсант (слушатель). Этот диссонанс находит отражение в теоретических наработках последних лет по развитию гуманистического подхода в образовательных организациях МВД России: в них говорится о формировании, а не о воспитании личностных качеств курсантов (слушателей), о «пластичности» личности, что позволяет изначально исключить дальнейшее саморазвитие этой личности (М. Б. Иванова, А. В. Костеневский, С. Н. Тихомиров, С. И. Ярковой).

Таким образом, сложившаяся система угнетает способность к переоценке ценностей и способствует «формированию» управляемой личности, что неизбежно

приводит к её трансформации, влекущей двойственность натуры и стандартов. Внешние проявления личностных качеств могут соответствовать стандарту выпускника образовательных организаций МВД России, а внутренние качества остаются показными. Поэтому на практике выпускники образовательных организаций МВД России не всегда могут противостоять влиянию криминальной среды.

При реализации личностно-центрированного подхода в основе организации педагогического процесса в образовательных организациях МВД России лежит сближение дискурсивных практик прошлого и настоящего [4, с. 125]. Грамотно организованная корпоративная культура образовательной организации, способная объединить преподавателя, обучающегося и других сотрудников и работников образовательной организации МВД России, дать возможность вести эффективный диалог, а также поддержать подвижность всего образовательного процесса, полезных инициатив преподавателя, необходимых для реализации методов, подходов во всех видах деятельности.

Разработанные условия реализации личностно-центрированного подхода в образовательных организациях МВД России определяются: подготовленностью преподавателя; созданием системы психологического тренинга для преподавателей, реализующих личностно-центрированный подход; поддержкой руководством образовательной организации МВД России преподавателей, реализующих подход, и привлечением к реализации подхода других преподавателей, способных осуществлять данный процесс; взаимодействием всего коллектива образовательной организации и его нацеленностью на совместный слаженный труд; правильной организацией педагогического процесса на уровне взаимодействия преподавателя и курсанта (слушателя); созданием системы менеджмента качества процесса воспитания и обучения; развитием корпоративной культуры образовательных организаций МВД России, понимаемой как равновесие элементов его педагогической системы с аттракцией на сближении дискурса прошлого и настоящего; усилением динамических элементов внутренней структуры педагогического процесса образовательных организаций МВД России.

Логика педагогического процесса образовательных организаций МВД России отрицает всякую возможность «навязывания» личностно-центрированного подхода сверху, а перспективы его усматриваются в раскрытии содержательности образования. Реализация личностно-центрированного подхода предполагает расширение взаимодействия между различными подсистемами (курсантами, преподавателями, начальниками факультетов, офицерским составом факультетов, начальниками кафедр, начальниками кабинетов и лаборантами кафедр, преподавателями-методистами учебного отдела, сотрудниками отдела морально-психологического обеспечения). Необходимо моделирование всех видов учебной, воспитательной и служебной деятельности на основе стратегий личностно-центрированного подхода; переосмысление коллективом образовательных организаций понятия корпоративности с учётом дискурса прошлого и настоящего.

Проекция уровней – механизмов самоопределения личности (субъектно-объектного, субъектно-субъектного, субъектно-интернального) на педагогический процесс образовательной организации МВД России позволила провести наблюдение над поэтапным развёртыванием у курсантов факультета по подготовке следователей и судебных экспертов (далее – ФПС и СЭ) и факультета правоохранительной деятельности (далее – ФПД) моделей отношений и самоотношений, которые на фоне применения методик личностно-центрированного подхода и составили процесс самоактуализации.

Данный процесс, который происходит на уровне неявного диалога через постижение и регуляцию своих и чужих возможностей, способностей действовать, завершается становлением личностного «я-дискурса», характеризующегося определённой степенью профессиональной зрелости, целостной жизненной стратегией, не входящей в противоречие с внутренними побуждениями, возможностями и общественно значимыми ценностными ориентирами.

Цель исследования состоит в экспериментальной проверке эффективности реализации личностно-центрированного подхода в образовательных организациях МВД России как методологической основы оптимизации подготовки сотрудников органов внутренних дел. Исследование представляет собой эксперимент введения личностно-центрированного подхода в Восточно-Сибирском институте МВД России в двух учебных группах первого курса с разных факультетов. Первая группа с ФПС и СЭ в количестве 21 курсанта, вторая группа с ФПД в количестве 22 курсантов.

Планомерная работа на протяжении всего периода обучения в этих группах была сосредоточена на организации процесса воспитания и обучения с использованием методик личностно-центрированного подхода. В рамках проводимых учебных занятий и консультационной работы применялись тренинги личностного роста, игровые и квест-технологии, методики моделирования ситуаций, проективные методики, были задействованы также методики взаимодействия и сотрудничества. Широко использовались информационные технологии. Таким образом, создавались организационно-педагогические условия проведения эксперимента, которые и должны были стимулировать самопознание, самораскрытие и самоактуализацию личности курсанта.

В целях объективности и для подтверждения результатов исследования на каждом факультете были задействованы по три оставшиеся учебные группы, которые выступали в качестве контрольных. Все контрольные группы были в количестве 22 курсантов. Общее количество курсантов сравнительных и контрольных групп, принявших участие в экспериментальной работе, составило 175 человек. Исследование велось с 1 по 3 курс и состояло из следующих этапов: подготовительного, стартового, преобразующего и итогового.

Подготовительный этап ориентировал экспериментальные группы на введение в ситуацию эксперимента, а также организацию последнего с определением последовательности действий, выбором методик и уровней (критериев) исследования. Свидетельством результативности проведённой работы служит становление эталона – «идеальной» модели личности курсанта. Этим была обусловлена необходимость разработки критериев диагностики на подготовительном этапе: сопоставление полученных в процессе исследования результатов является показателем динамики самоактуализации личности.

Стартовый этап предполагал диагностику исходных свойств и качеств личности как своего рода индикаторов, изучение которых представлялось необходимым для взаимодействия преподавателя и курсанта в процессе эксперимента и позволило бы сделать объективные выводы проведённой работы.

Преобразующий этап состоял преимущественно из сопоставительно-сравнительного количественного и качественного анализа получаемых в результате исследования данных и основывался на интенсивном применении методик личностно-центрированного подхода в рамках учебных занятий.

Итоговый этап эксперимента заключался в фиксации портретных характеристик «идеальной модели» личности курсанта, обозначенных в результате исследования и разработке базисных положений концепции реализации лич-

ностно-центрированного подхода в образовательной организации МВД России. Критериями для определения динамики самоактуализации послужили: вектор направленности личности, уровень мотивации к успеху в комбинации с уровнем боязни неудач, уровень тревоги (тревожности), локус контроля и др.

Данные критерии представляют особый интерес для педагогического исследования, потому что являются основными показателями при изучении личности в процессе её самоактуализации [5, с. 137]. Рассматривая понятия надёжности, объективности и валидности с учётом перечисленных критериев диагностики и следуя при этом принципам гуманистической парадигмы, целесообразно исследовать динамику личности курсанта с помощью известных методик, таких как тест А. Маслоу, методики В. Смекайла, М. Кучера, М. Рокич, Т. Элерса, А. Мехрабяна, А. А. Реана, шкала самооценки Ч. Спилберга, опросник В. В. Столина, Г. Н. Казанцевой, тесты Е. Ф. Бажина, Е. А. Голыкиной, А. М. Эткинда, Кейрси, Айзенка, Кеттела и др. [6, с. 172].

Реализация личностно-центрированного подхода на практике потребовала выполнения комплекса условий:

– моделирование преподавателем образовательного процесса с учётом перспективного развития личности курсанта на основе широкого использования субъектного опыта и общечеловеческих духовных ценностных ориентиров: элемент традиции преломляется призмой дискурса настоящего применением разнообразных форм и методик, стимулирующих самостоятельность, стремление к творческой активности, познанию и постижению мира, реализацию личностного потенциала. Разнообразие способов и форм организации процесса воспитания и обучения определяется личностной установкой преподавателя и личностными особенностями курсанта;

– участие всех сотрудников и работников образовательных организаций МВД России в реализации подхода, центром которого остаётся преподаватель;

– постоянное вовлечение офицерского состава факультетов, преподавателей-методистов учебного отдела, сотрудников отдела морально-психологического обеспечения в совместную работу по проведению психолого-педагогической диагностики, тренингов, курсовых и групповых учебно-воспитательных мероприятий в русле личностно-центрированной парадигмы, способствующих развитию личностного и профессионально-корпоративного самосознания;

– сотрудничество всех кафедр, отделов и служб образовательной организации при реализации личностно-центрированного подхода, проявляющееся в создании благоприятной рабочей атмосферы, соблюдении правил профессионально-корпоративной этики. Немаловажное значение имеют здесь ритуалы и традиция, субординационные отношения, которые представляют собой эталон профессионального поведения. Эффективность подхода определяется способностью образовательной организации как системы объединить курсантов, преподавателей, все структуры в корпоративное профессиональное сообщество, интегрирующее «я-дискурс» и «мы-дискурс», где каждый говорит от имени всех, преследуя общую цель, апеллируя к личностно и корпоративно значимым ценностям.

Результаты проведённого исследования продемонстрировали примерно одинаковый уровень вектора личностной направленности как в экспериментальных, так и в контрольных группах. Это показывает стремление курсантов к «поверхностным» формам активности. С одной стороны, неготовность к целенаправленной познавательной и творческой деятельности, с другой – выраженная ориентация на самоактуализацию (см. рис. 2, 3).

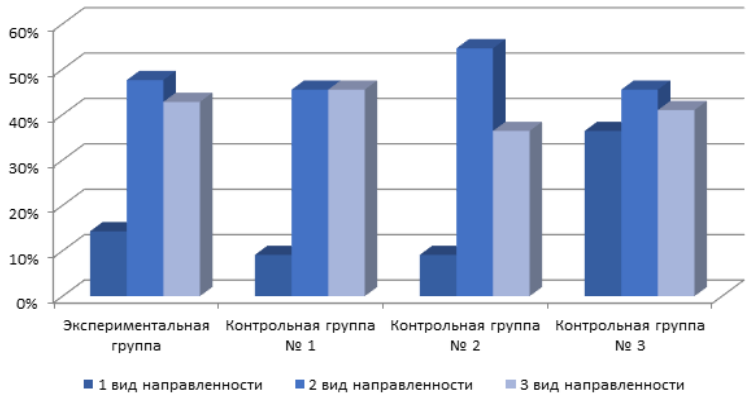

Рис. 2. Виды направленности личности курсанта 1 курса ФПС и СЭ

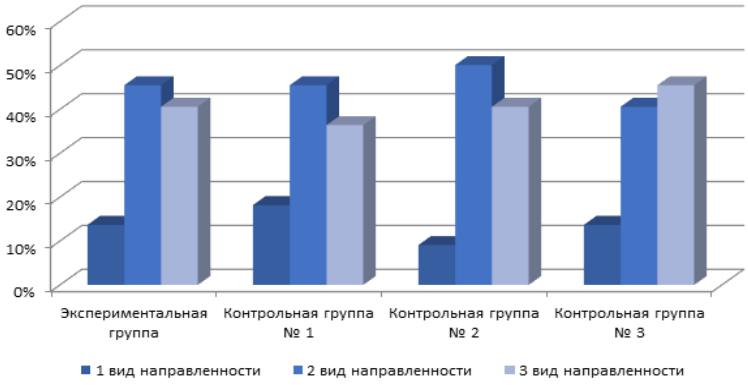

Рис. 3. Виды направленности личности курсанта 1 курса ФПД

На завершающем этапе исследования курсанты экспериментальных групп показали постепенное смещение вектора направленности личности к направленности на задание. Такая направленность с преобладанием мотивов, отражающих бескорыстное стремление личности к самореализации через деятельность и познание, способствует самоактуализации. Итоговая диагностика в контрольных группах показала большее смещение вектора направленности к направленности на отношения, что отражает тенденцию к поддержанию поверхностных отношений и препятствует истинному сотрудничеству (см. рис. 3, 4).

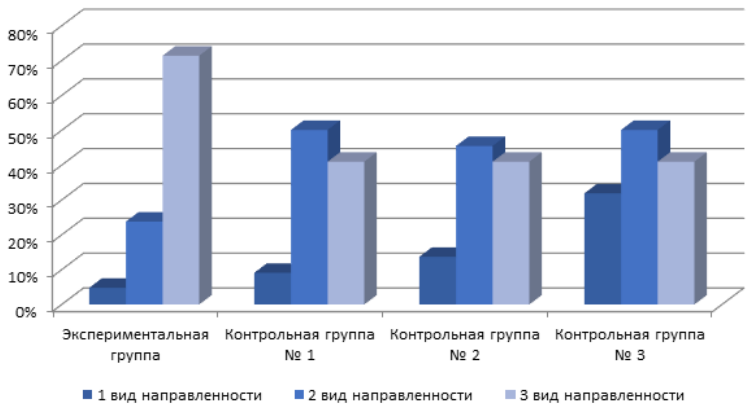

Рис. 4. Виды направленности личности курсанта 3 курса ФПС и СЭ

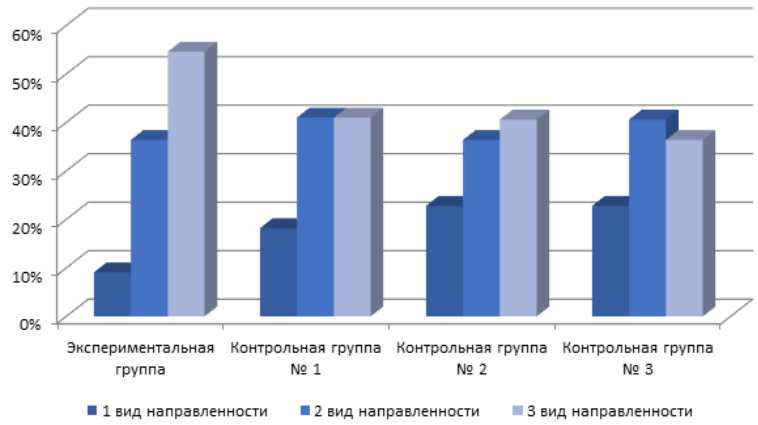

Рис. 5. Виды направленности личности курсанта 3 курса ФПД

Движущей силой, побуждающей курсанта (слушателя) к успешному освоению образовательной программы, является мотивация. Она, по сути, является широким понятием, многозначным по формам и содержанию, типы которой охватывают учебную, познавательную и социальную сферы. Под мотивацией можно рассматривать единство намерений, потребностей и мотивов, подталкивающих человека активно стремиться к достижению поставленных целей в различных областях жизнедеятельности. В процессе формирования модели самоактуализации личности обучающегося мотивация относится к одной из главных характеристик, так как курсанта (слушателя) с высоким уровнем мотива успеха можно оценить как уверенного в себе, активного, интеллектуального, коммуникабельного, владеющего собой в различных ситуациях, обладающего низким уровнем актуальной тревоги и личной тревожности, открытого для критики и ответственного за свои поступки.

Исследование уровня мотивации успеха и боязни неудач, а также актуальной тревоги и личностной тревожности позволило зафиксировать факт доминирования у первокурсников мотива избегания неудач в сумме со средним и высоким уровнями актуальной тревоги, а также высоким уровнем личностной тревожности (см. рис. 6–9).

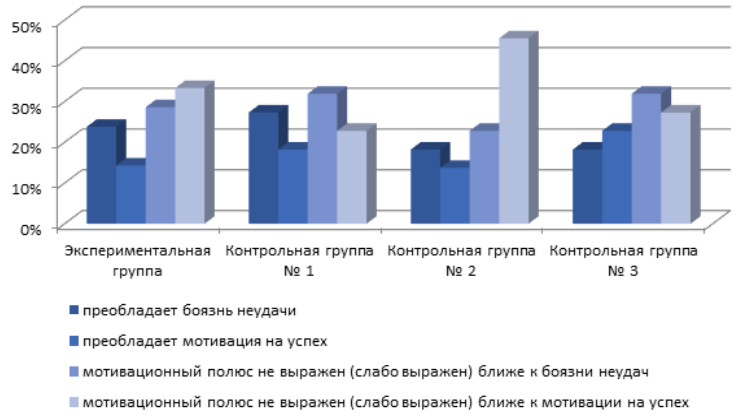

Рис. 6. Уровень мотивации к успеху в комбинации с уровнем боязни неудач у курсантов 1 курса ФПС и СЭ

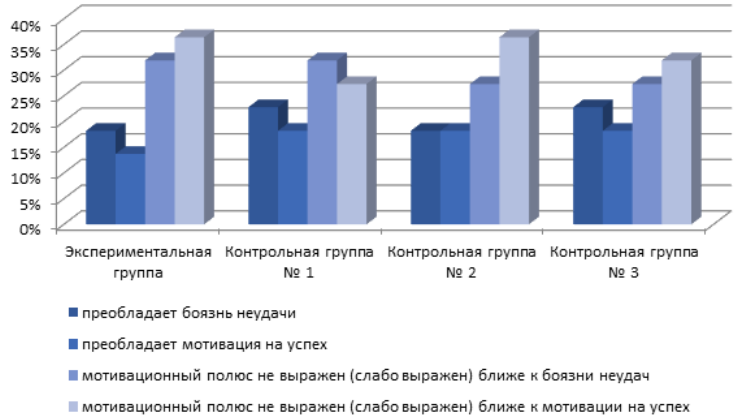

Рис. 7. Уровень мотивации к успеху в комбинации с уровнем боязни неудач у курсантов 1 курса ФПД

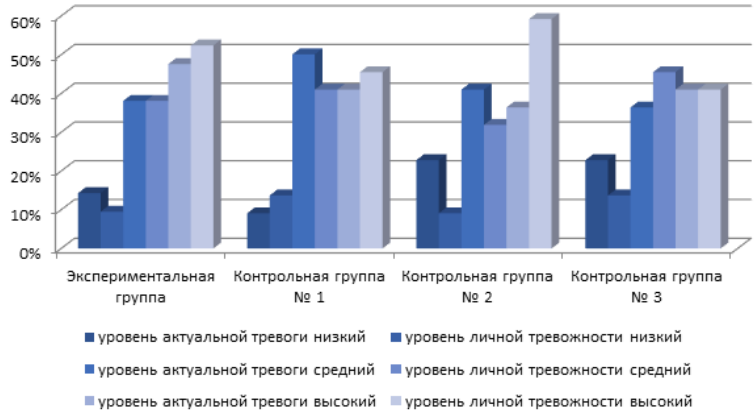

Рис. 8. Уровень актуальной тревоги и личной тревожности у курсантов 1 курса ФПС и СЭ

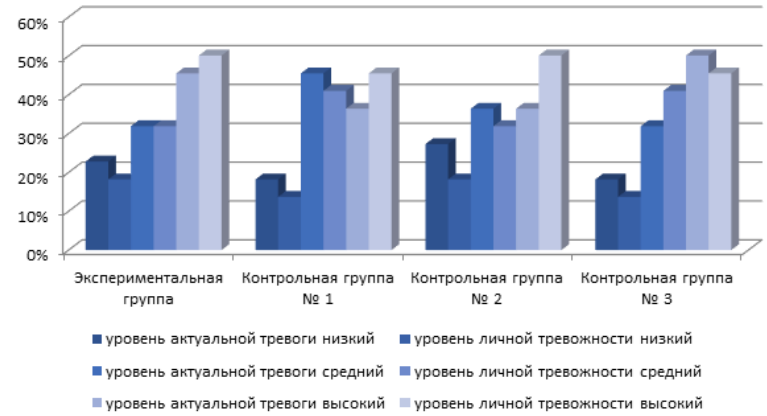

Рис. 9. Уровень актуальной тревоги и личной тревожности у курсантов 1 курса ФПД

Итоговый этап зафиксировал общее снижение уровня боязни неудач и тревожности в экспериментальных группах (см. рис. 10–13).

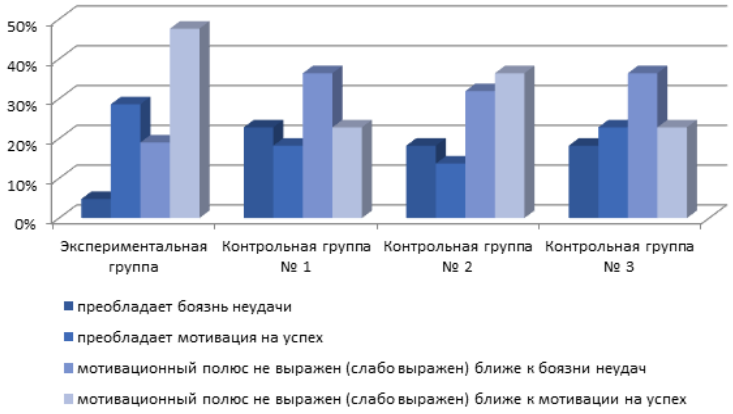

Рис. 10. Уровень мотивации к успеху в комбинации с уровнем боязни неудач у курсантов 3 курса ФПС и СЭ

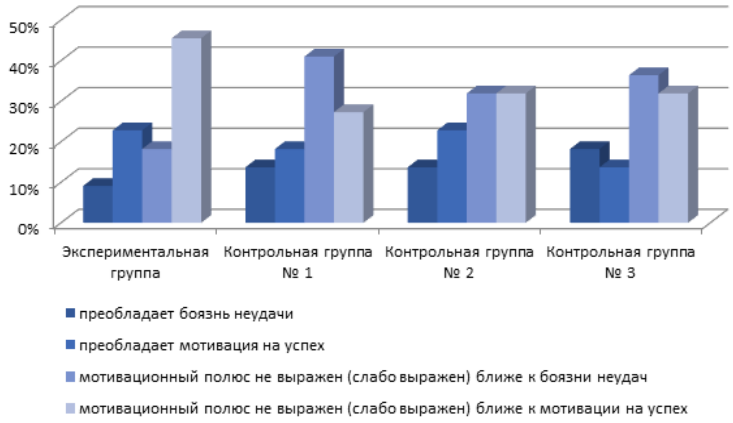

Рис. 11. Уровень мотивации к успеху в комбинации с уровнем боязни неудач у курсантов 3 курса ФПД

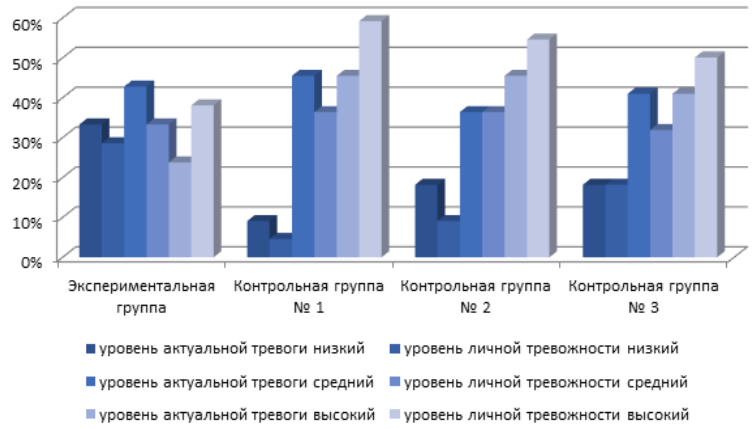

Рис. 12. Уровень актуальной тревоги и личной тревожности у курсантов 3 курса ФПС и СЭ

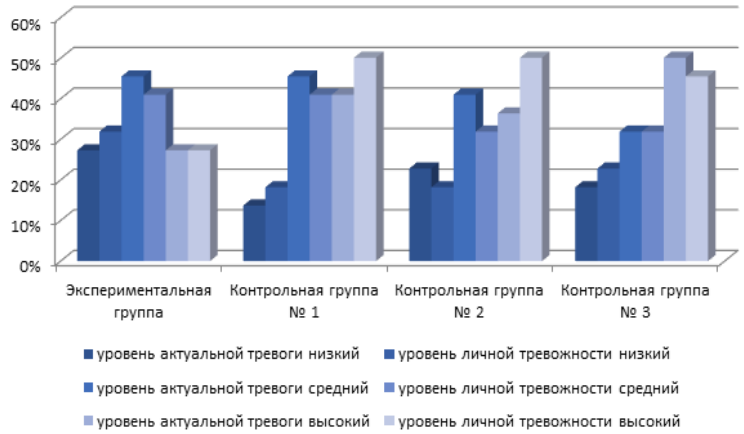

Рис. 13. Уровень актуальной тревоги и личной тревожности у курсантов 3 курса ФПД

Развитие у курсантов умения контролировать уровни своей ситуативной тревоги и личностной тревожности, возможности объективно оценивать ситуацию, осознавать свои сущностные силы, а также активно взаимодействовать в спектрах отношений «я – среда», «я – другие», «я – я» является важнейшим моментом процесса самореализации. Результаты исследования показывают снижение у курсантов экспериментальных групп уровней тревоги и тревожности. Это можно расценивать как позитивные изменения, способствующие личностному и профессиональному становлению.

Положительные изменения в мотивационной сфере у курсантов экспериментальных групп (преобладание курсантов с высоким уровнем мотивации к успеху) не нашли аналогичного подтверждения в контрольных группах (к концу исследования зафиксировано снижение мотивации).

Взаимосвязь субъект-интернальных, субъект-субъектных отношений отражается в локусе контроля. Исследование локуса контроля у курсантов первого курса продемонстрировало большинство средних показателей, что указывает на наличие группы курсантов «неопределённого типа» и показывает смещение внешних альтернатив локуса контроля к центру, с одновременно небольшим количеством высоких показателей по всем шкалам, что, возможно, является следствием периода адаптации (см. рис. 14, 15).

Рис. 14. Локус контроля курсантов 1 курса ФПС и СЭ

Рис. 15. Локус контроля курсантов 1 курса ФПД

Пролонгированный анализ показывает изменения в уровне локализации контроля у курсантов экспериментальных групп по диагностируемым шкалам (см. рис. 16, 17).

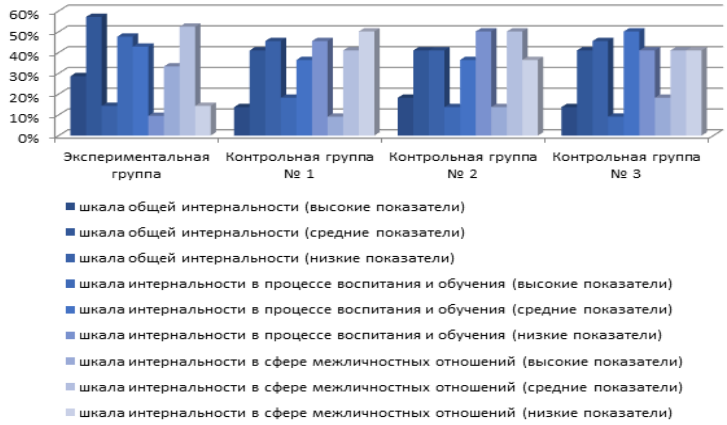

Рис. 16. Локус контроля курсантов 3 курса ФПС и СЭ

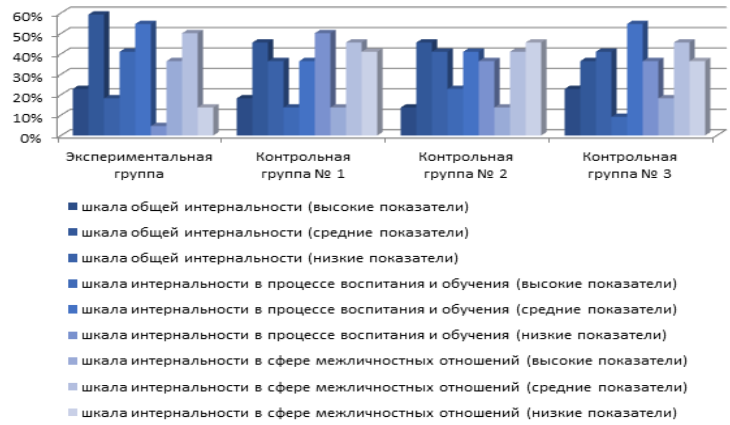

Рис. 17. Локус контроля курсантов 3 курса ФПД

Высокие показатели по шкале обшей интернальности выражают чувство ответственности за происходящее, а также высокий уровень субъективного контроля, с другой стороны, низкие показатели, наоборот, отсутствие способностей к контролю.

Высокие показатели по шкале интернальности в сфере учёбы демонстрируют то, что собственные усилия являются главным фактором успеха, а низкие указывают на важность для курсанта внешних факторов (везения – невезения).

Высокие показатели по шкале интернальности в сфере межличностных отношений показывают способность контролировать ситуацию, вызывать к себе уважение и симпатию, в свою очередь низкие показатели демонстрируют неспособность сформировать свой круг общения.

Позитивной динамики в изменении локуса контроля в контрольных группах не наблюдалось. Исследование уровней самооценки, автономности также показало положительную направленность в экспериментальных группах по сравнению с контрольными группами [7, с. 105].

Конечная модель самоактуализации курсанта образовательных организаций МВД России представляет собой личностный «я-дискурс», который в свою очередь переходит в корпоративный «мы-дискурс». Субъект-объектные, субъект-субъектные, субъект-интернальные отношения актуализуются с учётом заданных критериев. Интернальный уровень становится центром актуализации и принимает все другие уровни отношений, которые находятся в непрерывной динамике.

Процесс самореализации, происходящий как эксплицитно, так и имплицитно, отражает стремление к самопознанию, самосовершенствованию и на определённом этапе обретает основные характеристики личностной и профессиональной зрелости, целостную жизненную стратегию, не входящую в противоречие с внутренними побуждениями, возможностями и общественно значимыми ценностными ориентирами.

Проведённая экспериментальная работа по реализации личностно-центрированного подхода в образовательных организациях МВД России показала, что практическое исследование вопроса подтверждает его теоретическое обоснование. Организационно-педагогические условия проведения эксперимента состояли в создании атмосферы взаимодействия и сотрудничества и основывались на применении разнообразных методик, стимулирующих процессы самоидентификации и самоактуализации: тренингов, тестов, индивидуальных и групповых бесед.

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что реализация личностно-центрированного подхода в целом должна способствовать адаптации курсантов ко всем видам деятельности, таким как учебная, научная, общественная, практическая (профессиональная), стимулировать их познавательную активность, духовное, нравственное развитие. Целью обучения является не просто приобретение знаний как набор фактов, а развитие и саморазвитие личности курсанта (слушателя).

Результатом реализации личностно-центрированного подхода является выпускник, будущий профессионал, нацеленный на глубокое отношение к жизни, миру, окружающим, с развитым чувством долга, в том числе и гражданско-правового, в то же время максимально приспособленный к реалиям жизни: негативные жизненные обстоятельства не должны «сломить» такую личность. Необходимость и возможность применения личностно-центрированного подхода в процессе воспитания и обучения курсантов (слушателей) в образовательных организациях МВД России представляются обоснованными и перспективными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тамбовцев Е. А. Реализация гуманистической парадигмы в процессе преподавания дисциплины «Личная безопасность сотрудников ОВД» // Психологическая наука и практика: инновации в образовании: материалы V конференции психологов образования Сибири. Иркутск, 2018. С. 326–329.

2. Тамбовцев Е. А. Некоторые особенности обучения в образовательных организациях МВД России на основе личностно-центрированного подхода // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 9 (25). С. 377–380.

3. Подлиняев О. Л., Каримова Т. С. К проблеме сформированности профессионально важных качеств будущих сотрудников органов внутренних дел в вузах МВД // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». Иркутск: ИГУ, 2017. Т. 21. С. 59–65.

4. Каримова Т. С., Подлиняев О. Л. К проблеме построения образовательного процесса в военизированных образовательных организациях на основе личностно-центрированного подхода // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 123–129.

5. Цыренова В. Б., Литвинова Ж. Б. О результатах моделирования образовательной среды частной школы на основе личностно-центрированного подхода // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 (66). С. 136–139.

6. Подлиняев О. Л. Теория и практика становления гуманистического мировоззрения учителя на основе личностно-центрированного подхода (в системе вузовского и поствузовского образования): дис. … д-ра пед. наук. Иркутск, 1999. 389 с.

7. Подлиняев О. Л., Тамбовцев Е. А., Труфанов Н. И. Использование квест-технологий в процессе преподавания тактических дисциплин в образовательных организациях МВД России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 23. С. 97–107.

© Тамбовцев Е. А.

П А М Я Т К А
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

• Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процес. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

• Рукописи представляются в 2-х экземплярах с приложением электронного варианта.

• Структура статьи:

название на русском и английском языках (печатается заглавными буквами с соблюдением симметрии, шрифт – № 14);

сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются заглавными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати);

аннотация (100–150 слов) **и ключевые слова** (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12;

рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 х 297 мм) в текстовом редакторе MICROSOFT WORD с использованием шрифта Times New Roman, размером 14 пунктов через одинарный интервал. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi;

оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %;

пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница;

индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

• При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

• Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

• К направляемым в редакцию научным статьям прилагаются рецензия (подписи рецензентов заверяются гербовой печатью), выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией статьи к опубликованию, справка о проверке текста статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, заверенная автором.

• Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

• К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

• Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

• К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка
на опубликование научной статьи (рецензии/обзора)
в научно-практическом журнале
«Вестник Уфимского юридического института МВД России»

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи

_____
(название статьи)

в рубрике_____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети «Интернет».

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф дсп, «секретно», а также служебные материалы других организаций.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____
Должность: _____
Место работы: _____
Ученая степень: _____
Ученое звание: _____
Адрес: _____
Телефон для связи: _____
e-mail: _____

Электронный вариант статьи на ___ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»